Specimina Philologiae Slavicae · Supplementband 50

(eBook - Digi20-Retro)

Hildegard Spraul, Wolfgang Peters (Hrsg.)

Русский язык в переломное время: 1985 – 1995 г.г.

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch
den Verlag Otto Sagner:

http://verlag.kubon-sagner.de

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Herausgegeben von
Olexa Horbatsch, Gerd Freidhof und Peter Kosta

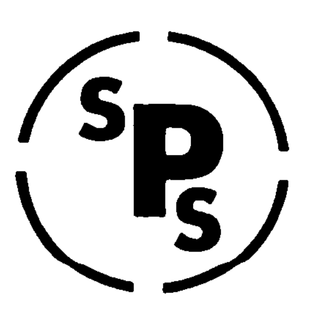
Supplementband 50

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПЕРЕЛОМНОЕ ВРЕМЯ: 1985 — 1995 г.г.

Выступления на VIII Международном конгрессе МАПРЯЛ
Регенсбург (Германия), 1994 г.

Подготовка к изданию
Hildegard Spraul
Wolfgang Peters

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN
1996

Abteilung der Firma Kubon und Sagner, München.
Druck: Görich und Weiershäuser, Marburg/Lahn.

ISBN 3-87690-652-0
ISSN 0170-1320

Содержание

Предисловие

На **VIII Международном конгрессе МАПРЯЛ**, который состоялся в августе **1994г.** в Регенсбурге (Германия), был представлен целый ряд выступлений, посвященных "новому" русскому языку, различным видам его изменений, новым возможностям его функционирования в средствах массовой информации и других средствах коммуникации, хотя, судя по секциям, первоначально подобная тематика специально не выделялась.

Тогда возникла идея представить названную, для современной русистики весьма актуальную, тематику в виде сборника и тем самым продемонстировать, как она освещалась на этом международном форуме.

Предлагаемый читателям сборник, которому мы дали название **"Русский язык в переломное время: 1985 - 1995 г.г."**, содержит тексты авторов-участников конгресса, откликнувшихся на наше предложение и любезно предоставивших нам, частично в обработанном и дополненном варианте, свои выступления.

Предыстория сборника объясняет некоторые его особенности и в первую очередь неоднородность представленных в нем статей. Она касается, с одной стороны, их тематической и концептуальной направленностей, о чем свидетельствует уже одно "Содержание", и самой формы подачи материала - с другой. Одни авторы сохранили текст устного выступления, не дополняя его обычной библиографической справкой, а другие подали его в обработанном виде, снабдив ссылками на специальную литературу.

В ходе редактирования сборника стало очевидно, что наметившийся в международной русистике и все возрастающий интерес к русскому языку наших дней требует дополнительных сведений для дальнейшей ориентации в этой области, которые мы представляем в **"Приложении"**. Имеются в виду:

1) **указатель литературы** (краткий) по русскому языку перестроечного и постперестроечного периодов, а также тематический список к нему;
2) **предметный указатель обозначений,** так как лексика в широком смысле слова занимает ведущее место среди исследуемого материала. При использовании предметного указателя следует учесть, что слово как единица лексикона трактуется в зависимости от избранной концепции по-разному, о чем речь еще пойдет ниже.

Незапланированный широкий интерес к русскому языку наших дней говорит об объективности новых задач, которые встали перед исследователями.

Четкие и богатые своей широтой и глубиной сведения по данной тематике дает обзор Ю.Н. Караулова "О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем." (Доклад на общем собрании Отделения литературы и языка Российской академии наук 26 декабря 1994 года)". [1]

Новую ситуацию в русском литературном языке справедливо связывают с глобальными и фундаментальными изменениями общественного строя и государственной идеологии СССР, к которым привела перестройка. Мы одновременно свидетели, частично и участники, и аналитики довольно редкой ситуации, когда речевая коммуникация определенного социума, в различных ее видах, находится в непосредственной взаимосвязи с внеязыковыми преобразованиями, которые переживает данный социум.

Если обобщить **тематический объем** статей предлагаемого сборника, выходит, что авторы рассматривают "новый" русский язык в соотношениях со следующими **тремя факторами**, связывая их по-разному и выделяя различные аспекты:

1) **внеязыковыми**: это в первую очередь **общество**, которое находится в мучительных поисках нового политического строя и иной иерархии духовных и общекультурных ценностей после официального отказа от тоталитарного социалистического режима;

2) **речевыми:** главное внимание уделяется **публичной коммуникации** в различных ее видах и формах - в прессе, на телевидении, с политической трибуны; и в изменившейся ситуации после принятия Закона "О свободе слова" в августе 1990г. и последующего упразднения цензуры.

3) **языковыми**: их содержит кодифицированный в словесных и языковедческих традициях нескольких столетий **русский литературный язык** с упорядоченными, системными отношениями, в которых состоят его единицы, в том числе и лексические. В образцовом виде этот литературный язык нам знаком по художественной литературе, которая определяла и его стилистические нормы.

---

[1] *Ю.Н. Караулов.* О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем. В: Русистика сегодня, № 1 / 1995 г., с. 5-23.

При таком диапазоне исследовательской тематики неудивительно, что, сравнивая аргументацию и выводы отдельных авторов, можно натолкнуться не только на различающиеся, но и прямо противоположные высказывания.

Возможности лингвистически описать современное состояние русского языка с учетом названных, к тому же разнородных, факторов вытекают из широкого спектра лингвистических и языковедческих традиций, на которые сегодня может опираться наука о слове.

Главное место в исследованиях занимают описания **лексических и семантических изменений, наблюдаемых в речи массового пользования.**

С учетом соотношения и внеязыковых, и языковых факторов связаны различия в критериях отбора материала, в его толковании и оценке результатов.

Сколь разнообразна тематика статей, столь широка и амплитуда научных концепций, применяемых для ее изучения.

Это неудивительно, если учесть, что в сборнике объединены статьи авторов, которые в недавние "застойные" времена посвящали свои исследования языку и речи советской газеты, с одной стороны, и "langue de bois", с другой стороны.

Однако на этот раз мы наблюдаем концептуальные различия иного плана; и прежде чем их охарактеризовать, стоит выделить другое, объединяющее, пожалуй, все статьи явление. Мы имеем в виду тот факт, что **дискуссионной, проблематичной** стала **семантика слова** как единица или языка, или речи, или текста.

Одну из причин такой направленности научных интересов авторов мы видим в эксплицитно или имплицитно проводимых сравнениях определенных явлений "нового" русского языка с теми же словесными единицами в языке советского периода.

Такое видение материала направляет исследование на изучение отдельных аспектов и меняющихся функций данной значимой единицы. В результате мы имеем дело уже не с изучением традиционно-формальных единиц, таких как слово (исконно русское или заимствованное) морфема, фразеологизм и т. д., а с исследованием отдельных словозначений.

Получившая в настоящее время широкое распространение **дифференцированная концепция о словесном значении** позволяет сопоставить изучение как более мелких единиц языка и речи в традициях лексикографии и

лексикологии, так и более объемистых жанровых построений в концепциях лингвистики текста и социолингвистики, вплоть до понятийных и психологических, освещением которых занимаются новейшие течения когнитивной и социальной лингвистики.

В новой для России ситуации плюрализма общественного мнения и в свете дифференцированного понятия о семантике слова исследуются качественно и количественно новые возможности **коммуникации**, первостепенным средством которой является **речь**. Наблюдается возросший интерес и к участникам коммуникативной ситуации, и к коммуникативным ситуациям как таковым.

Таким образом, в методологическом плане статьи этого сборника подтверждают наблюдения Ю.Н. Караулова, сформулированные в вышеупомянутом докладе и характеризующие, по его оценке, сегодняшнюю науку о русском языке вообще:

> *"... если раньше основной единицей грамматического, семантического анализа было слово - во всем многообразии его ипостасей, то теперь единицей, вызывающей пристальное внимание ученых, становится отдельное словозначение со всеми тонкостями его взаимоотношений с другими словозначениями как данного слова, так и других слов."* [2]

Нередко сравнивают положение русского литературного языка сегодня с ситуацией, в которой он находился в годы после Октярьской революции. Наряду с имеющимися здесь параллелями следует, однако, отметить, что положение науки о русском литературном языке в наше переломное время сильно отличается от ее положения 30-х годов и последуюего периода: деидеологизация в области общественных наук позволяет сегодня утверждать, что совершилась "перестройка" в мире русистики - это еще одна важная особенность этого сборника со статьями русистов из девяти европейских стран.

В заключение нам хочется выразить коллегам В. Алымову (Ростов- на-Дону/ Саарбрюккен) и М. Гиголашвили (Тбилиси/ Саарбрюккен) нашу благодарность за помощь в редактировании сборника.

Saarbrücken, Juli 1996 Hildegard Spraul

---

[2] там же, с. 10

Alexander N. Bourmeyster
Université Stendal, Grenoble III

Диалог культур: Россия и Европа в посттоталитарной обстановке*

Диалог подразумевает собеседников. Цель доклада заключается в попытке уточнить, какой лексикой пользуется русская сторона для самоопределения и для определения не своего, а *чужого.* В результате сопоставления возникает серия вопросов, на которые нам не дано ответить, но благодаря которым обнаруживается *условность* многих понятий и представлений. Впрочем, цивилизация и культура: говорим ли мы об одном и том же предмете?

Можно ли вычеркнуть советский период из *цивилизованного* диалога о культуре?

Можно ли ссылаться на какую-то современную европейскую культуру? В этом случае не исключает ли она *имплицитно* русскую культуру как *не свою*, не европейскую, а *чужую* ?

Можно ли определить русскую культуру, не попадая, при нынешних условиях, в идеологические ловушки?

Из чтения русской прессы извлекаются и укорененные понятия, и крылатые выражения, и клише, и спорные суждения, но чтобы их разместить по *речевому пространству*, здесь предлагается *картезианская схема*, основанная на противопоставлении спорных крайностей.

В данном случае: всеобщее/особенное

культура/ цивилизация

Таким образом *речевое пространство* делится на 4 прямоугольника:

* см.: *Bourmeyster, A.(ed).* Essais sur le discours de l' Europe éclatée. Grenoble 1994.

Но перед тем как заполнить отобранной лексикой полученные прямоугольники, следует уточнить, что тут подразумевается под словами *культура* и *цивилизация*, чтобы установить четкие границы между понятиями, слишком часто испльзованными как синонимы. Здесь они систематично противопоставлены в своих определениях.

Культура развивается по вертикали, от своих к своим	**Цивилизация** развивается по горизонтали, от своих к чужим
Ее характеризует:	Ее характеризует:
Принадлежность к общине	Открытость к постороннему, к чужому
Имплицитная убежденность (по ту сторону добра и зла)	Признание общечеловеческих ценностей (Права человека)
Культ памяти, наследия	Знание: Наука и Техника
Неизменный обычай, годовщина	Прогресс, нововведение
Духовность, художественность	Умств. и матер. благоустройство
Первенство нравственного долга	Первенство личного интереса
Поклонение элите, вождю	Подражение моде, моделям

Культура является преимущественно выражением поведения народа, этнической или социальной группы и даже, в современном мире, характеристикой крупного промышленного или коммерческого предприятия. Она позволяет *своим* узнать *своих* и служит главной чертой так называемой *идентичности*. Сама по себе она может оцениваться и положительно и отрицательно

КУЛЬТУРА

положительная оценка (+)	*отрицательная оценка* (-)
Естественность, аутентичность	Ограниченность, узость взглядов, интересов
Солидарность, патриотизм	Сектантство, интегризм, ксенофобия
Память о прошлом	Злопамятность
Заповедник народного наследия	Этническое гетто

Тот же подход применяется и к цивилизации, которую можно воспринять как эмансипацию индивидуума от общины и как установление вне-общинных отношений с *не своими*, с чужими.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

положительная оценка (+)	*отрицательная оценка* (-)
Осуждение варварства, права сильного	Лицемерие, притворство
Общечеловеческие ценности	Право вмешательства в чужие дела
Терпимость, плюрализм, диалог	Сверхтерпимость, безвластие
Расширение кругозора	Утрата своей идентичности
Новаторство в средствах массовой информации	Массовая лжекультура

Эти общие представления применяемы, в принципе, к любым ситуациям, но перед тем, как приступить к нашей теме, к диалогу культур между Россией и Европой, надо припомнить, что при коммунизме было положено противопоставлять советскую (социалистическую) *культуру* капиталистическому (западному) *варварству*, в то время, как среди той же советской общественности, после того, как пропали последние иллюзии о *светлом будущем* и о *коммунистическом рае*, росло стремление к *нормальному* образу жизни, к *цивилизованным* отношениям, по примеру Запада.

Когда правозащитники и советологи изучали *реальный социализм* и сопоставляли политические и моральные ценности, выдвигаемые каждой системой, то они приходили к противопоставлению двух моделей, которые можно вкратце представить следующим образом:

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ	**ЗАПАДНАЯ МОДЕЛЬ**
Авторитарность, дирижизм	Либерализм, личная инициатива
Примат государства	Примат личности
Смешение властей	Разделение властей
Законность = Легитимность	Законность не Легитимность
Презумпция виновности	Презумпция невиновности
Полномочие центра	Договоренность
Эгалитаризм	Равенство перед законом
Унанимизм, манихеизм	Терпимость, плюрализм
Закон: то, что разрешено	Закон: то, что запрещено
Страх перед переменами	Согласие на перемены
Догматизм, сектантство	Критический ум, широта кругозора

Я предлагаю схему, которую я использовал в своих лекциях в то время, когда мы увлекались горбачевской перестройкой, когда каждая упомянутая тут строчка являлась спорным пунктом, предлогом для многочисленных толкований. В рамках моего доклада немыслимо их изложить, хотя некоторые

противопоставления требовали бы дополнительного освещения. Однако из всего сказанного выше создается убедительное впечатление, что тогда как *западная* модель основывается преимущественно на *цивилизованных* отношениях, *советская модель* ссылается на *культурные* ценности, ссылается, а не основывается, узурпируя на самом деле чужое наследие: наследие древней русской культуры.

Одной из самых сложных современных проблем, требующей тщательных исследований и размышлений и в то же время срочного решения, является именно опознание следов русской культуры, *русскости*, среди развалин недостроенного, грандиозного, обманчивого советского памятника, возведенного во имя *преемственности*, этой "объективной связи между старым и новым", предполагающей ликвидацию старого, но и сохранение того *прогрессивного*, что было им достигнуто. Подобный идеологический отбор нередко приводил к уродливым скрещиваниям, но и служил иногда поводом для восстановления подлинных ценностей, помимо так называемой "закономерности диалектического развития". Воспламененные патриотизмом (или оппортунизмом?), постсоветские публицисты и сейчас неоднократно прибегают к подобным скрещиваниям на религиозной или историко-политической почве, смешивая белое с красным или красное с коричневым.

Теперь мы можем приступить к исследованию содержания обрисованных прямоугольников.

КУЛЬТУРА
(продукты культуры)

1-Европейская Культура:

Наследие древности
Христианство: Католичество
Возрождение
Век Просвещения
Модернизм
Постмодернизм

Сикстинская Мадонна
или Гнилой Запад?

Пост-христианская культура?

2-Русская Культура:

Богословская Мысль Византии
Православие

Прорубание окна в Европу
Серебряный Век
Советская лжекультура

Русская Идея
или Россия - неудавшийся Запад?

Затаенная Литература: стол и полочки
Заповедники русской культуры
при советском режиме.

Западники и самобытники
Евразейство-пораженчество?
Русское Зарубежье

Запад- Россия-Восток

Всеобщее -- Центр мира ------------------------------------ **Особенно**

(Всевместимость рус/ характера)

3-Интеграция в существ. демокр. европейские структуры?

Демократия и рыночная экономика
Правовое Государство

Постхристианская цивилизация?

(безрелигиозное общежитие)

Американская массовая культура-
бездуховность Европы?

Уравниловка:
утрата национальной идентичности?

Порнография, наркотики, насилие.
Певица Мадонна

4- Русская исключительность?

Образ русского медведя или *âme slave*?

Самоунижение и саморазоблачение
или самохвальство

Посткоммунизм: хаос, безвластие,
криминальность, "прихватизация"

Уникальность страданий

Русская духовность
или постсоветское хамство?

Ностальгия, но по какому прошлому?
(Товары)

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Всю лексику и все выражения, которые тут размещены по квадратам в связи с семантическими комбинациами двух начал, мы черпали в русской прессе 1993-94 гг.

Что касается 1-го и 2-го квадратов, тут подразумевается, что европейская культура является чем-то общечеловеческим, судя по евро-центрическим представлениям (или предрассудкам). Христианство, бесспорно, составляет общее начало для обеих культур. Чего же не хватает русской, чтобы быть вполне европейской? Преемственности античной, греко-римской, культуры? Так думали еще русские Любомудры в начале прошлого века, не учитывая того, что именно Богословская Мысль Византии, которую унаследовало русское Православие, строилось на *конфронтации* между Евангельским Откровением и Древней Греческой Философией. Труды Отца Г. В. Флоровского об этом свидетельствуют, и их сейчас неоднократно цитируют в русских философских и религиозных публикациях (см. Восточные Отцы VI-го века, Византийские Отцы V-VII вв.).

Правда, Россия в Век Возрождения еще только освобождалась от татарского ига, а в Век Просвещения прорубала окно в Европу. При этом советская лжекультура уничтожила многообещающие ростки русского Ренессанса Серебряного Века и лишила Россию участия в духовных и художественных переменах XX столетия.

Но не к лучшему ли? При жестком, но консервативном советском строе не сохранялись ли бережно заповедники русской культуры: консерватории, музеи, театры, киностудии, толстые журналы, в то время, как "гнилой (?) Запад" отворачивался от Сикстинской Мадонны, которой еще любовались русские паломники прошлого столетия?

Россия снова стоит на распутье, в тяжелых поисках своей *идентичности*. Должен ли мучительный процесс самопознания привести к горькой истине: Россия — неудавшийся Запад? Или остается ли она, как в это верили ее просветители прошлого века, носителем Идеи? Но с каким направлением? В сторону Запада, по следам многострадальной ее эмиграции, проложившей путь в Европу? Или в сторону Востока, на зов Евразийцев, пораженцев? или ясновидцев?

Самым удовлетворительным выходом было бы поместить Россию, со своей предполагаемой всевместимостью, в центре самого *речевого пространства*, в золотой середине, на перекрестке всеобщего/особенного и культуры/цивилизации, но, в нынешних условиях, это может только служить символом веры в Россию.

Но неужели в Россию можно только верить?

От культурной проблематики перейдем в сферу цивилизованных отношений (квадраты 3 и 4). Положение дел тут еще хуже: не на что ссылаться! Из советской лжекультуры можно хоть извлечь драгоценные камни для восстановления образа подлинной Руси. А о какой советской цивизации может идти речь? Выражение столь же неуклюже, как советская кухня... или советский народ.

О цивилизации позволительно говорить, только ссылаясь на Запад: и положительно, и отрицательно. Крайнее обвинение я встретил в упоминании скандальной современной певицы Мадонны, якобы заменившей Сикстинскую Мадонну в мировоззрении цивилизованного Запада, не говоря о порнографии, наркотиках, насилии, и т.д.

Посткоммунизму на востоке Европы соответствует постхристианство на Западе. Стоит ли, вырвавшись из пасти советского варварства, попасть в болото варварской американской массовой псевдо-культуры? При этом в самых неблагоприятных условиях:

— Не хочется жить посреди Европы и быть хуже всех. Неужели мы хуже всех? Естественно, мы, русские, никому сейчас не нужны. А кому, когда мы были нужны?

Когда размышления публицистов принимают подобный оборот, то действительно, не к черту ли отправить демократию, рынок, правовое государство и бесполезные усилия для того, чтобы приобщиться к европейским структурам? Не представляет ли русская *исключительность* более достойный интерес для русской души, жаждующей необъятного?

Русская душа, разве это та âme slave, которой любовался Запад в припадках декаденства и с которой заигрывала *элитарная* эмигация в начале века? Или же это лишь маскарадный костюм, прикрывающий грубого косолапого зверя, l'ours russe, который постоянно ставит под угрозу права и свободы европейских народов из-за своей имперской ненасытности ?

Русская уникальность заслуживает серьезных исследований, основанных не только на саморазоблачении или на самохвальстве. Русская духовность не сводится к уникальности страданий, хотя настоящее, хаотическое, положение страны как бы подтверждает, что без страданий народа и без жертвоприношений праведников нет пути к спасению.

Но на этом пути *русский праведник* сталкивается с *русским хамом*, появление которого, еще в начале века, описывал Мережковский.

Русское хамство не надо смешивать с русской пошлостью, этим мещанским вариантом западного мелкобуржуазного мировоззрения, против которой выступала в свое время русская интеллигенция.

Наглое бесстыдство и безнаказанность характеризуют хамство. Они являются *правами*, которыми открыто пользуются те, кто эмансипировался от моральных и духовных ценностей культуры. Советская система их породила, а при нынешнем *военном капитализме* размножились хамы, впрочем, в образе новых русских-нуворишей.

К сожалению, пример этого бесстыдства и этого чувства безнаказанности показывают сами правители страны. Долгое время жертвы большевистского террора, советских репрессий и их семьи ожидали, что придет час, когда представители верховной власти обратятся наконец к народу и попросят у него прощения за все страдания, нанесенные ему по их вине. Под напором общественности жертвы были постепенно *реабилитированы*, органы власти признавали, что в недалеком прошлом совершались *ошибки*. Ручались, что ошибки больше не повторятся, но просить прощения никому в голову не приходило.

КПСС бесстыдно растворилась, а Горбачев, ее глава, так и промолчал до конца, убежденный в своей безнаказанности, стараясь лишь направить научный социализм на *верный* путь. Его наследники-демократы, бывшие номенклатурщики, посещают (по служебной надобности?) православные храмы, со свечой в руке, но никакого чувства покаяния они не проявляют. Как далеки они от кающихся дворян и интеллигентов прошлого столетия, воспитанных на христианских началах! Как они чужды для западной общественности, несмотря на ее *постхристианское* настроение!

Немецкий канцлер Вилли Брандт просил прощения в Варшаве, когда впервые посетил Польшу. Мазовецкий, премьер Польши, просил прощения у Евреев, когда впервые посетил Израиль.

В августе 1994 г., в Варшаве где отмечалось 50-летие Варшавского восстания, Роман Герцог, президент Германии просил прощения у Поляков за принесенные им страдания. Президент Российской Федерации не принимал участия в этих миротворческих мероприятиях, а его представитель Сергей Филатов довольствовался восхвалением мужества варшавских повстанцев и намеками на *поведение* Сталина.

-

Как же мы, великая страна, будем просить прощения у Поляков?

А для тех, кто не поддается культу *монолитного единства*, открывается возможность толковать о чувстве виновности, о покаянии ... и освобождаться от них с помощью психоанализа!

Едва ли Россия может претендовать, при нынешних условиях, на центральное место в мире. Самой Европе пришлось от него отказаться. А придавать мировое значение культурным отношениям между Россией и Европой звучит сейчас глубоким провинциализмом и архаизмом. Не всевместимостью ли славится ныне Америка, сверхдержава, расположенная между Тихим и Атлантическим Океанами?

Остается одно утешение: поминать *светлое прошлое*, когда диалог культур между Россией и Европой носил еще общечеловеческий характер и опираться на это наследие для восстановления взаимной идентичности. При закрытом, консервативном советском режиме Россия продолжала смотреть на Европу глазами XIX века. А современной Европе, утратившей свое величие, не бесполезно всмотреться в образы, которые сохранила русская память.

Со своей стороны, Европа преимущественно признает ту *новую* Россию, которая больше всего ей напоминает *старую*, вернее ту, которая торжествовала в театрах, в концертных залах, в литературных переводах в начале нашего печального века.

В качестве примера я приведу то, что сейчас, в этом плане, происходит во Франции. Возобновляется славная традиция *Русского сезона в Париже*. Он длился в 1994-м году с января по май. О нем сообщалось подробно в декабре 93-го на предварительной пресс-конферении.

Он проходил под знаком школы театра, преимущественно *чеховской школы*, основанной в Москве Александром Калягиным и Анастасией Вертинской. Они сорежиссеры спектакля "Чехов. III акт", представленного в Нантерре в марте. В марте также давалась премьера, во французской постановке Mathias Langhoff'a, "Трех сестер", перенесенных в брежневскую обстановку. Чехов был также на афише театра "Одеон" в постановке "Вишневого сада" Львом Додиным. Он там же показал свои предыдущие спектакли - "Братья и сестры" и "Звезды на утреннем небе". Тот же Додин давал премьеру "Клаустрофобии", спектакля, созданного коллективом петербургского Малого драматического театра на тему, заданную театром Вобиньи: молодое поколение нынешней России.

Что бы то ни было, Чехов остается для русской культуры лучшей рекомендацией, лучшим *паспортом* в Париж. Его туда сопровождали Горький ("Дачники" в французской постановке Louis Pascal'a директора Театра Европы), и Блок ("Лирические драмы", премьера во Франции с выпускниками ГИТИСа).

Все это, конечно, проходило больше в обстановке "Belle Epoque", чем в духе Серебряного Века! При этом в феврале, в Опере (Palais Garnier) давали спектакль, посвященный Вацлаву Нижинскому: "Петрушка", "Весна Священная", "Тиль Уленшпигель".

Более современная тема: театр Rond-Point на Елисейских Полях отмечал юбилей: 30 лет театру на Таганке, с постановкой нашумевших спектаклей: "Борис Годунов", "Преступление и наказание" и со специальным Вечером "Carte blanche", посвященным Юрию Любимову.

Сезон 93-94 гг. не является каким-то исключением. Готовится *Русский Сезон* 94-95 гг. Во главе стоят гастроли по всей Франции Петербургского Мариинского (ех-Кировского) театра.

Я, конечно, не в состоянии следить за всем, что одновременно происходит в Германии, но могу упомянуть о передвижной выставке (в Москве, в Ганновере) "Россия и Запад": отношения с Нижней Саксонией, эпоха прорубания окна в Европу, Петр Великий и Лейбниц, династические отношения, и т. д.

Другая кочующая выставка проходит по Германии с октября 93-го г.

"Осип Мандельштам, от Гейдельберга до Гулага" с эпиграфом:

"Ich muß nun leben, war schon zweifach tot."

Каждая составная часть Западной Европы выбирает то, что ей ближе к сердцу, то, в чем она лучше себя саму узнает.

Посторонним лицам может показаться неуместным сейчас говорить о культуре, когда народы бывшего Советского Союза, и среди них, конечно, русский народ, переживают и будут еще долго переживать трагические моменты. Наши западные средства массовой информации отмечают в первую очередь экологические катастрофы, криминальные проступки мафии, последствия грязных войн: кровопролития, толпы беженцев, разрушения. Можно подумать, что Восточная Европа и особенно Россия превратилась в какой-то Disneyland ужасов, в постоянный спектакль для телезрителей!

Именно этот опасный *информационный перегиб* должен нас, русистов, настораживать. Россия находится на перепутье. *Проклятые* метафизические вопросы прошлого столетия: Что делать? Кто виноват? теперь заменены более элементарными: Куда идти? Кто же мы такие? Европейцы? Не Европейцы? Евразийцы? Ничьи?

"Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн" (Моск. "Наука", 1993), "Россия между Западом и Востоком" (Моск. Филос. Фонд, 1993), "Русская идея и современность", (АКИРН, Москва, 1993) — вот только несколько названий из немалого количества книг и сборников, вышедших за последнее время.

"Россия будет, когда войдет в Европу"— повторяют Западники.

"Россия перестанет быть (или перестала уже быть), поддаваясь искушению Западом"— твердят Самобытники.

Убедительны ли подобные утверждения? Культура каждого народа позволяет поднимать прямые вопросы, но едва ли в состоянии на них дать удовлетворительный ответ. Для этого нельзя избежать диалога, цивилизованных отношений с чужой, не своей стороной.

Диалог между старыми знакомыми, между Россией и Европой может еще иметь общечеловеческое значение.

Сергей Хватов
Филиал Института русского языка им. Пушкина, Варшава

Советизмы и "постсоветизмы" в современном русском языке

Одним из главных направлений современной лингвистики является исследование языка в его живых связях с культурой народа, со всем многообразием социальных проявлений его жизни в конкретной исторической ситуации. Социально маркированная лексика, среди которой достаточно большой процент безэквивалентных и фоновых единиц, дает возможность наблюдения над процессами, происходящими в обществе в определенный период его развития, через призму языка, в котором отражаются новые черты беспокойной современной действительности.

Более семидесяти лет советского периода истории России зафиксированы русским языком, прежде всего, в виде своеобразного лексического пласта, получившего название советизмов и детально описанного в ряде исследований, прежде всего, в книге Е. Верещагина и В. Костомарова *"Язык и культура"*. Обладая ярко выраженной национально - культурной и социальной спецификой, что часто приводило к их безэквивалентности, эти лексические единицы давали яркое представление о новом, часто необычном, способе общественного жизнеустройства, своеобразном микрокосме человеческих отношений, им порожденных. Ключ к новой культуре и системе жизни, который видел в изучении русского языка известный американский языковед Марио Пей, открывал доступ к ним лишь при условии овладения этим уникальным лексическим пластом, позволял преодолевать порог "сверхсравнимости", по мнению некоторых авторов, советской цивилизации.

Середина 80-х - начало 90-х годов нашего столетия вошли в историю как период кардинальных изменений, затронувших практически все стороны российской (до недавнего времени советской) жизни: политику, экономику, культуру, мораль и право. В настоящее время все больше фактов языковой действительности свидетельствует о том, что эти бурные события находят отражение в русском языке, формируя его современный облик. Отмечая это, мы прежде всего имеем в виду изменения, происходящие в его лексической системе, что проявляется в резкой активизации всех видов неологизации, многократно возросшем числе иноязычных заимствований, в различного рода семантических сдвигах. Все это приводит к формированию реально ощутимого пласта "новой

русской лексики" — социально-исторически маркированных лексических единиц, функционирующих в новой системе понятийно-предметных и личностно-ценностных отношений в рамках коммуникативной российской действительности перестроечной и постперестроечной эпохи.

"Новая русская лексика" — понятие, несомненно, в значительной степени условное, хронологически соотносящееся с началом радикальных перемен в жизни Советского Союза (позднее России), отсчет которым календарь истории ведет с 1985 года. По аналогии с понятием советизмы (т.е. " слова и понятия, которые появились в результате коренной перестройки общественной жизни в нашей стране после Октябрьской революции" - разрядка наша - С.Х.) большинство из рассматриваемых лексических единиц могут трактоваться как своего рода "**постсоветизмы**" или даже "**антисоветизмы**", поскольку их лексический фон содержит четко выраженную долю "несоветское", "вместо советского", а их проявление в языке знаменует собой начало нового этапа жизни страны, следующего за тем, что получило название "советского образа жизни" и достаточно однозначно отрицающего последний. Смена экономической формации и идеологических ориентиров, изменение стереотипов мышления и поведения — вот тот социокультурный контекст, в рамках которого надлежит рассматривать данные лексические единицы как факты живого русского языка наших дней.

Анализируя новую русскую лексику с точки зрения ее происхождения, следует отметить, что большинство этих лексических единиц существовало в русском языке и ранее, однако наше время востребовало их в неком новом качестве, что привело к семантическим сдвигам, изменению стилистической принадлежности, эмоционально-оценочного компонента значения, ассоциативно - коннотативных связей. К семантическим подвижкам, приводящим к неологизации, относятся актуализация значения, переход с языковой периферии в широкое речевое употребление. Большинство таких лексем соотносятся, прежде всего, с экономической и социально-политической сферами жизни, претерпевающими в настоящее время наиболее глубокие и ощутимые изменения. Будучи в своем подавляющем большинстве иноязычными по происхождению, они и прежде функционировали в русском языке, однако достаточно ограниченно, используясь лишь при описании чужеземных особенностей жизнеустройства, для придания изложению местного колорита, т.е. выступали в роли варваризмов, экзотической лексики. Примерами могут послужить такие слова, как *акция, биржа, дивиденд, брокер, дилер, спонсор, инвестиция, инвестор, приватизация, маркетинг,*

менеджмент, президент, премьер-министр, мэрия, мэр, префектура, префект, муниципалитет, брифинг, рейтинг, паблисити, истеблишмент, лобби, импичмент, спикер, саммит, имидж и др. Экономические и политические реформы наших дней, переход к рыночной экономике и новой социальной организации общества, определенная идеологическая нацеленность привели к резкой актуализации значения указанной группы слов, что проявилось прежде всего, в их переориентации на российскую действительность, приобретении соотнесенности соответствующих понятий с российскими реалиями наших дней, снятии маркированности "не наше", являющейся ранее неотъемлемой частью лексического фона данных слов, что фиксировалось практически всеми филологическими словарями. Так, *биржа* "Словарем русского языка" С.И. Ожегова (1987) определялась следующим образом: "*В буржуазных странах: учреждение для заключения крупных торговых и финансовых сделок*", Малым академическим словарем (МАС, 1981) таким образом: "*Учреждение для заключения крупных торговых и финасовых сделок в капиталистических странах*". "Словарь иностранных слов" (1988) дает такое определение: " *В капиталистических странах — учреждение, в котором осуществляется купля - продажа ценных бумаг*". Подобная маркированность отсутствует уже в "Словаре перестройки" под редакцией В.И. Максимова (1992), где дефиниция носит деидеологизированный характер: "*Современная форма регулярно функционирующего рынка массовых товаров, ценных бумаг, акций, облигаций иностранной валюты*". Любопытно, что деидеологизированную дефиницию мы находим и в "Толковом словаре русского языка" под редакцией Д.Н. Ушакова (1935): "Учреждение для заключения крупных торговых и финансовых сделок".

В слове *президент* большинство словарей фиксируют три значения:

1) глава государства во многих странах с республиканской формой правления;

2) выборный руководитель некоторых общественных учреждений, например, Академии наук;

3) высшее должностное лицо кампании, корпорации в буржуазных странах.

Если ранее для российской (советской) действительности актуальным было только второе значение (Президент Академии наук), то в настоящее время данная лексема во всех трех значениях включает в состав своего лексического фона семантическую долю "российская действительность".

Среди таких слов выделяется достаточно болшое количество лексем, давно вошедших в русский язык и вполне им освоенных (в фонетическом,

грамматическом, словообразовательном аспектах), чему в немалой степени способствует их интернациональный характер (например, *парламент, инфляция, президент, акция* и др.). Однако значительная их часть, лишаясь своей первоначальной экзотической роли и описывая уже российскую действительность, продолжает оставаться варваризмами в плане системного освоения и для языкового сознания большинства русских. Тем не менее, порой мы становимся свидетелями вхождения их в словообразовательные парадигмы, что, бесспорно, свидетельствует о начавшемся процессе их освоения (например, *спикер - спикерский - спикерство, спонсор - спонсорство, рейтинг - рейтинговый* и др.).

Характерной особенностью рассматриваемого лексического пласта является изменение стилистической окраски лексем, эмоционально-оценочного компонента значения, лишение присущего ранее многим из них оттенка неодобрительности, социальной нежелательности. Так, слово *бизнес* определялось филологическими словарями следующим образом: *"Предпринимательская деятельность, являющаяся источником личного обогащения, наживы"* (Ожегов); "*(разг.) Деловое предприятие, ловкая афера и т.п. как источник личного обогащения, наживы*" (МАС); *"В капиталистических странах — экономическая деятельность, дающая прибыль, любой вид деятельности, приносящий доход или иные выгоды"* (Словарь иностранных слов).

Как видно, оттенок неодобрительности, социальной нежелательности в той или иной степени присутствует в каждой дефиниции. Аналогичные семантические доли мы наблюдаем и в словарных определениях слова *предприниматель*, где, помимо общего значения "капиталист — владелец промышленного, торгового и. т.п. предприятия", фиксируется следующее: "Человек, склонный к аферам, ловкий организатор выгодных предприятий (неодобрит.) (Ушаков), "Предприимчивый человек, делец" (Ожегов), "Делец, ловкий организатор выгодных предприятий (неодоб.) (МАС). Как явствует из опыта наших дней, в современном употреблении данные слова меняют свои оценочные характеристики либо на нейтральные, либо на эмоционально противоположные. К словам, утратившим пейоративный оттенок, могут быть отнесены и *буржуазный, частная (собственность), собственник, капиталистический, капиталист* и многие другие. С другой стороны, целый пласт советизмов приобрел негативную коннотацию, что особенно ощутимо в средствах массовой информации (*большевик, большевистский, коллективизация, социалистический, обком, райком, соцсоревнование, классовый* и др.).

Роль иноязычных заимствований в пополнении словарного запаса русского языка наших дней настолько велика, что сравнение ее с "иноязычным потопом", данное В.Г. Костомаровым, не выглядит преувеличением. Наряду с заимствованием готовых лексем наблюдается и характерное заимствование словообразовательных моделей. В частности, такие составные наименования-англицизмы, как *бизнес-туризм, бизнес-центр, авто-шоу, капитал-шоу, пресс-экспресс, уик-энд* и др. давно уже вошли в широкое речевое употребление. Однако сейчас наблюдается и образование подобных лексем на русской языковой почве по атрибутивно-номинативной модели, не свойственной русской словообразовательной системе: *С.-Петербург-опера, угон-контакт, инфант - дурак* и др. Несмотря на малочисленность подобного рода составных наименований и их окказиональность, сам факт их возникновения свидетельствует об активизации процесса заимствования и на словообразовательном уровне.

Набирает силу и новая тенденция в газетном стиле, заключающаяся в использовании иноязычнывх слов (главным образом англицизмов) в их оригинальной форме. Это относится прежде всего к названиям газет, банков, различного рода фирм, которые раньше или переводились, или транслитерировались (транскрибировались). Представляются в таком виде и устойчивые словосочетания, языковые клише, аббревиатуры, используемые в англоязычной культурной среде. Начало этому было положено газетой *"Коммерсантъ"*, отличающейся приверженностью макароническому стилю изложения и пристрастием к языковым химерам. В настоящее время и другие издания используют подобные приемы, в частности *"Независимая газета"*, примеры из который мы приводим:

> *" О доверии, которое оказывают "Оптимуму" западные финансисты, свидетельствует тот факт, что SBC присвоил ему статус V.I.P. Не случайно швейцарская газета "Schweizer Handels Zeitung" от 14.01.93 назвала "Оптимум" "сливками Кремля." "Фирма Renault Zurich SA" не только выдает деньги по Optimum Card в своих отделениях в Швейцарии, но продает автомобили, запасные части к ним и оказывает другие сервисные услуги".*

Большой интерес представляет собой рассмотрение постсоветизмов как складывающейся лексической подсистемы с анализом особенностей внутрисистемных связей и отношений. Подобный подход позволяет проследить на уровне языковых закономерностей особенности формирующегося политического и экономического уклада новой России, отличительные черты мыслительного и поведенческого стереотипа русской языковой личности эпохи горбачевской перестройки и постперестроечного времени. Здесь можно сослаться на работы

проф. В.И. Максимова, который в качестве системообразующих выделяет словообразовательные, межсемные, синонимические, антонимические, парономические, родо-видовые, понятийные, тематические, фразеологические, омонимические, контекстуальные, ассоциативные связи, характеризующие этот лексический пласт.

Приобретение лингвострановедческой единицей качества производящей основы, формирование словообразовательных рядов и гнезд свидетельствует о ее активном вхождении в коммуникативную практику, о высокой степени актуальности соответствующих понятий и реалий, их социальной злободневности. В случае, если производящее слово является заимствованным, наличие производных, как уже отмечалось, свидетельствует и о его освоении русским языком. Например, *ваучер* — ценная бумага, выдаваемая государством каждому гражданину с правом приобретения акций приватизируемых предприятий, *ваучерный* — относящийся к ваучеру (*ваучерная приватизация*), *ваучеризация* — внедрение в социально-экономическую жизнь страны ваучеров. Другое актуализировавшееся понятие постсоветской эпохи — *маргинал* (лицо, находящееся в промежуточном состоянии между какими-либо социальными группами) послужило основой для целого гнезда производных: *маргинализация, маргинализованный, маргинальность, маргинальный.* Из поздних заимствований, подвергшихся деварваризации, далеко не все обрели производимость, даже ограниченную (ср. *спикер - спикерский - спикерство; спонсор - спонсорство - спонсоровать/проспонсоровать; лизинг - лизинговый, рейтинг - рейтинговый; холдинг - холдинговый; фьючерс - фьючерсный;* но *импичмент, истеблишмент, паблисити, лобби, имидж, саммит, масс-медиа*). О таком явлении, как заимствование словообразовательных моделей, мы уже упоминали.

Синонимические отношения представлены в новой русской лексике достаточно широко, причем различными типами синонимических связей. Полная синонимия представлена, как правило, дублетами, один из элементов которых является поздним заимствованием, лишившимся экзотической роли, но сохранившим некую романтическую притягательность, выступая структурным символом нового отношения к жизни, что особенно заметно в *средствах массовой информации*, или *масс-медиа*. Другие примеры: *согласие - консенсус, законный - легитимный, городской - муниципальный, государственный - федеральный, председатель Госдумы - спикер парламента, мягкое голосование - рейтинговое голосование, встреча на высшем уровне - саммит, разгосударствление - приватизация, приватизационный чек - ваучер, переворот - путч* и др. Члены других

синонимических рядов различаются оттенками значения, и их замена в тексте невозможна без измененения смысла высказывания. Так, *беспредел* и *вседозволенность* различаются не только происхождением (воровской жаргон и общелитературный язык), но и объемом понятия, связанного с неограниченным проявлением какой-то злой воли и отсутствием законности. Невозможна взаимная замена и синонимов, различающихся стилистической принадлежностью, аксиологической окраской: *прораб перестройки - перестройщик (уничиж.), номенклатурный работник - номенклатурщик (уничиж.), сталинизм - сталинщина (уничиж.), коллективизация - раскрестьянивание, Великая Октябьская социалистическая революция - Октябрьский переворот* и др.

При рассмотрении лексических единиц, образующих антонимические пары, встречаются как разнокоренные антонимы, так и однокоренные. Примером первого типа антонимии могут служить такие постсоветизмы, как *ближнее зарубежье - дальнее зарубежье* (бывшие республики Советского Союза и страны, находящиеся за пределами экс-СССР), *вертикаль* (система исполнительной власти со строгой подчиненностью нижестоящих организаций вышестоящим) и *горизонталь* (система отношений между органами власти, предприятиями, характеризующаяся соподчинением или подчинением их вышестоящим инстанциям), *приватизация - национализация* и др. Социоконтекстуальным антонимом к слову *демократ* стало выступать слово *патриот*, появились соответствующие прилагательные: *демократическая пресса - патриотическая пресса*. Значительно чаще встречаются антонимы однокоренные: *раскрестьянивание - окрестьянивание, коллективизация - деколлективизация, перестроечный - антиперестроечный, легитимный - нелегитимный, федеративный - конфедеративный* и др.

Примером парономических отношений в новой русской лексике может послужить сопоставление сходно звучащих прилагательных *федеративный* и *федеральный*. Первое из них актуализировалось и стало высокочастотным в ходе активного обсуждения государственного устройства страны (*федеративного* или *конфедеративного*). Прилагательное *федеральный*, находясь на языковой периферии, толковыми словарями определялось прежде всего как стилистический синоним слова федеративный, а в своем втором значении "общегосударственный" употреблялось крайне редко, лишь при описании американских политических структур. В настоящее время, со становлением нового государственного устройства России, прилагательное *федеральный* резко актуализировало свое

второе значение, и мы сейчас имеем *Федеральное собрание, федеральный бюджет, федеральный закон, федеральную собственность, федеральное значение, Федеральную службу контрразведки* и т.п. Обращает на себя внимание и актуализация в словах *российский, россиянин* в рамках дефиниций, соотносимых с Россией как суверенным многонациональным государством, что приводит к паронимическому размежеванию со словом *русский*, понятийно определяемым национально - культурными, этническими категориями. Это реально ощутимо в таком, например, контексте: *"Я ощущаю себя глубоким* ***русским*** *человеком и по происхождению, и по корням. В то же время я ощущаю себя* ***россиянином****, который вырос в многонациональной среде"* ("Независимая газета"). Любопытно, что часто слово *российский* выступает сейчас условно-текстовым синонимом прилагательного *советский* (см. приведенный выше пример).

Родо-видовые связи охватывают отношения между словом, обозначающим родовое понятие, и словами, представляющими видовые понятия по отношению к родовому. Например, *биржа: товарная биржа, биржа труда, фондовая биржа, биржа металлов* и т.д.; *акционерное общество: АО открытого типа, АО закрытого типа; тендер: открытый тендер, закрытый тендер* и т.п. Учет данных связей, наряду с тематической классификацией, позволяет успешно реализовать при определении соответсвующих понятий принцип genus proximum et differentia specifica.

Любопытны примеры ассоциативных связей, которые приводят к ассоциативному переосмыслению в духе ложной (народной) этимологии. Например, *приватизация - прихватизация* (от прихватить - незаконно захватить), *плюрализм - плюйрализм* (пренебрежение плюрализмом - от плюй), *демократ - дерьмократ, Выбор России - выброс России* и т.п.

К фразеологическим связям относят связи между устойчивым словосочетанием, представляющим собой лингвострановедческую единицу, и составляющими его компонентами: *растаскивание по национальным квартирам* (перераспределение государственных прерогатив, ценностей в пользу каких-либо из бывших республик СССР в ущерб общим интересам), *афганский синдром* (депрессивное состояние многих участников афганской войны), *дикие гуси* (российские наемники, воюющие на стороне чужих армий) и др.

Безусловно, отмеченные нами некоторые черты новой русской лексики представляют собой лишь малую часть особенностей происхождения и функционирования этого уникального лексического пласта, отражающего

противоречивый дух новой эпохи в истории России. Следует отметить, что лексико-семантические процессы, происходящие в современном русском языке, не находят пока должного отражения ни в лексикографических изданиях (за исключением выпущенного в 1992 г. "Словаря перестройки" под ред. проф. В.И. Максимова), ни тем более в учебных пособиях, что особо остро ощущают зарубежные преподаватели-русисты. Лишенные такой опоры, часто оторванные от российской действительности из-за нехватки газет и отсутствия российского телевещания, они часто оказываются в затруднительном положении, сталкиваясь с необходимостью семантизировать ту или иную единицу "новой русской лексики", соотносящуюся с новыми реалиями российской жизни. И лучшим помощником в этом им станет лексикографическое пособие учебного типа, вобравшее в себя лексические новации русского языка наших дней.

Maria Dumitrescu
Universitatea București

Западноевропейские элементы в лексике русского языка
(на основе новинок)

Современный этап развития русского языка, его лексики характеризуется новыми данными в отношении обогащения, расширения и одновременно новыми связями с лексикой других языков. Чем ближе к настоящему моменту, тем шире представляется этот процесс обогащения всеми известными путями: деривацией, изменением значения, заимствованием и возникновением новых единиц и структур.[1]

Время, которое имеют в виду в рамках понятия современного русского языка - "от Пушкина до наших дней..." [2], представляется неодинаковыми на всем своем протяжении и, думается, что это понятие подлежит некоторому пересмотру, уточнению, выделению подэтапа развития после II-й Мировой войны, фактически равняющегося второй половине XX века. К этому отрезку времени относится и выход в свет тех лексикографических работ, к которым мы обратились для исследования вопросов, связанных с западноевропейскими элементами в лексике русского языка[3].

Жизнь общества выделяет предметы, явления, процессы, факты, которые, естественно, нуждаются в наименовании, что выражается отдельными простыми или сложными единицами лексики. Подобный процесс известен и многим другим языкам Европы, что привело к появлению соответствующих лексикографических работ[4].

Лексикографическая практика в пределах русского языка за указанный период знает множество успехов. Достаточно выделить всем известное издание БАС * (I - XVII, 1950-1965, хотя оно отражает состояние лексики конца XIX в. и первой половины XX в.), появившееся и новым, вторым, изданием (т. I, М. 1991; т.II, М., 1992). К этому примыкает ряд изданий по новинкам лексики 60-х и 70-х годов, как и серия под названием НРЛ (по годам с 1977г.).

---

* В статье используются следующие сокращения:
БАС - Словарь современного русского литературного языка, тт. 1 . 17, Москва - Ленинград 1950 - 1965.
Гр 80 - Грамматика русского языка, Москва 1980.
МАС 2 - Словарь русского языка I-IV, Москва 1980-1983.
НРЛ - Новое в русской лексике.
ОС- Обратный словарь русского языка, Москва 1974.

Практика преподавания русского языка, его истории и исследовательская практика привели нас к более близкому ознакомлению с фактами, относящимися к данному периоду и названным вопросам.

Конец XX века характеризуется множеством явлений внутри лексики русского языка, интенсивность и вариативность которых совпадает с 1990-м годом. Первые проявления изменений в пределах 80-х и начала 90-х гг выступают в виде модификации значения ряда единиц, что можно проиллюстрировать случаями, содержащимися в выпусках НРЛ-83, НРЛ-84: ***брошенка*** (о здании), ***морковка*** (брюки), ***сэндвич*** (накладка на ракетке) и др.

Известно, что новое, как правило, занимает место старого. После 1990 года это выражается резким спадом использования единиц, связанных с реалиями, предшествующими 90-ому году (см. ***советский, коммунистический, ленинизм, СССР, по-советски*** и пр.).

В пределах этого процесса модификации, моделирования лексики русского языка особым образом выделяются явления словообразования [5] : появляются (или усиливают свое действие) новые средства словообразования (см. образования с ***космо-, рок-, робот-, теле-, фильм-, фото-, цело-, цельно-)*** или отдельные их модификации (больше дает о себе знать вариант суффикса ***-ист***, ***-'ист'-***, о котором в соответствующих трудах не пишут). Указанные элементы (многие из них) не выделяются и не включаются в список подобных (Гр-80).

СИТУАЦИЯ ПО СЛОВАРЯМ

словари		МАС2	НРЛ-80	НРЛ-83	НРЛ-84
префикс	***космо-***	10	1	—	2
	псевдо-	1	14	1	8
	робот-	—	5	1	9
	рок-	—	—	—	3
	спец-	4	4	—	12
	цел(е) о -	7	2	—	2
	цельно-	2	—	—	3

Самым интересным, как нам кажется, является процесс создания сложных прилагательных (реже - существительных) с тремя (с двумя они встречаются в словарях) и более компонентами (для серии НРЛ): ***красно-зелено-черный***,

овощефруктокартофелехранилище (-83, 50); ***кукурузо-горохово-овсяно-соломенный*** (-84, 155); ***политико-информационно-псеводоакадемический*** (-84, 238); ***производственно-учебно-научный*** (-84, 261); ***американо-израильско-натовский*** (-82, 21); ***военно-научно-промышленно-политический*** (-84, 56).

Данный период отличается также возникновением новых структур, гибридных единиц типа: ***АТ'ешка***, ***Р-зеркало***, ***п-допирование***, ***игры-88***, ***интенсификация-90***, ***ГАМК-ергический***, ***помитофель*** (-83, 71), в которых участвует и иностранный, западноевропейский, элемент[6].

Одновременно можно говорить о явлении возвращения к понятиям и лексемам предсоциалистических структур экономики: ***биржа***, ***брокер***, ***акционер***, ***акционерное общество*** (и в виде ***АО***) и др.

Невиданное обогащение лексики русского языка последних лет сокращениями отражается прежде всего печатью (см. "Независимую газету" за октябрь 1993 года и другие газеты), что приводит к признанию необходимости составления нового словаря сокращений (последние издания относятся к 1983 году - русское и к 1986 году - немецко-американское) т.н. транзитного периода.

Заимствование в пределах новой лексики русского языка занимает центральное место по отношению к фактам модификации значения и возникновения новых единиц. Словари новых слов содержат в списке сокращений наименования 22-27 языков; а в печать, как об этом свидетельствует 1 с. "Независимой газеты" за 8 окт. '93 года — 300 заимствованных единиц),

Результаты исследования и практика в области лексикографии русского языка впечатляют любого из нас и дают возможность не только думать, но и самим проникнуть в тайны "мира слов".

Заимствование (как процесс так и его результаты), известное по БАС, стало объектом иссследования, что выделило ряд факторов в расмотрении данного вопроса.

Прежде всего выходит, что можно говорить об иерархии (судя по количеству единиц) языков, из которых в лексику русского языка проникли конкретные заимствования. По нашим наблюдениям, раньше можно говорить о следующей иерархии иноязычных заимствований: 1) латинского, 2) французского; 3) греческого; 4) немецкого и английского языков [7].

Далее, после выхода в свет серии НРЛ и довольно длительного процесса исследования нами печати на русском языке, вопрос о развитии лексики занял свое законное место и привел нас к ряду заключений, выводов. Если обратиться к двум

из последних выпусков серии НРЛ, а именно к НРЛ-83 и НРЛ-84, то картина меняется. На основе данных этих изданий можно сказать, что предпочтение отдается заимствованиям из английского языка в виде отдельных единиц без перевода ***СКАП***, ***МАБ*** (названные лексикографические работы указывают на происхождение слова), ***дампинг*** (83, 27), ***мотиватор*** (84, 147), ***психофон*** (83, 64), ***риннет*** (83, 68), ***роллинг*** (83, 69), ***си-спик*** (83, 86), ***фризинг*** (83, 92) ***эндуро*** (83, 101), ***африкар*** (84, 30), ***брейкданс*** (84, 43); иногда авторы уточняют: пер. с англ. Как в случаях ***бритоголовые*** (84, 44); ***воздушный*** (вид казни), ***-ые прогулки*** (84, 56), ***ЕВЕ*** ECU European Currency Unit (64, 98), ***рангет*** (84, 278), ***ролкер*** (84, 282), ***ро-трейлер*** (84, 283) и ряд других.

Единиц из французского, немецкого и итальянского языков куда меньше в этих изданиях (фактически их можно сосчитать по пальцам).

Интересно выделить в пределах новой лексики русского языка и дериваты, образованные при помощи иностранных префиксов и суффиксов; их количество иногда превышает все ожидания, о чем можно судить по данным следующих таблиц:

	НРЛ-83	НРЛ-84
авиа	—	5
авто	5	17
анти	5	23
аэро	1	3
видео	2	11

	ОС 74*	ОС НРЛ-83	ОС НРЛ-84
- иада	9	1	1+2
- ист	587	4	7+11

(Имеется у автора в дискетном вауианте; двойные цифры указывают на "Словарь" и "Список").

Новые издания содержат и большое количество сложных единиц, в составе которых встречаются элементы из западноевропейских языков: ***квалиметричный*** (83, 37), ***клан-береты*** (83, 37), ***пьезосейсмоприемник*** (83, 65), ***электрокамин-радиатор*** (83, 100), ***аграрно-промышленно-торговый*** (84, 17) ***гидроэнергостроительство*** (84, 69), ***двигателист-автомобилист*** (84, 82), ***запрофессионализированный*** (84, 109).

Их труднее выделить, но можно отметить их удобство. В случае двух, трех или более компонентов в пределах одной лексической единицы оно чувствуется хотя бы по тому факту, что эти образования появляются все чаще и чаще. Это привело в конечном счете к росту единиц, содержащих от 3-6 (обычно) слогов до 14-18 слогов (***кукурузо-горохово-овсяно-соломенный*** (84, 155), ***политико-***

информационно-пвседоакадемический (84, 238), ***транспортно-экспедиционно-диспетчерский*** (84, 334), ***экспериментально-акклиматизационный*** (84, 270), что, вероятно, пределом не является.

Подобные единицы, образованные по малоизвестным словообразовательным моделям, следует отразить в пособиях, предназначенных для обучения русскому языку. Не лишним было бы включение их в лексикографические работы с дискетным вариантом.

Другими словами, правильный учет фактов и постоянное их изучение претендуют на соответсующее отражение изданиями, банками данных будущего.

Вспомним, что Гр 80 и БАС (даже во втором издании) не могут отразить (зарегистрировать) фактов 2000 года. "Мир слов" в лексикографических изданиях должен быть соответствующим образом дополнен согласно ситуации, что отлично понимают и учитывают составители серии НРЛ, по которой желательно реализовать и дискетный вариант.

Примечания

[1] Об этом писали в ряде работ по теме развития лексики русского языка: *Мария Думитреску*, Новое в лексике современного русского языка (1968 - 1972). Доклады и сообщения, представленные на VII Международном съезде славистов (далее МСС), Варшава, 21 - 27 августа 1973г., Bucureşti, 1973; RRL t. XXXVI, № 1 - 2, 1991; Lexicul limbii ruse moderne, Bucureşti, 1980; Filologie rusă, XXIII Bucureşti, 1993, p. 64 - 71.

[2] Гр 80, Москва, 1980, т. I, стр. 704 -710.

[3] Словарь русского языка I - IV, Москва, 1980-1983 (МАС2); Новое в русской лексике, Словарные материалы-83, Москва, 1987 (НРЛ.-83); Новое в русской лексике, Словарные материалы-84, Москва, 1987 (НРЛ.-84 и ОС к ним).

[4] Некоторые лексикографические работы посвящаются целиком новшествам в пределах лексики: *Florica Dimitrescu*,Dictionar decuvinte recente, Bucureşti, 1982 - Имеются и издания, в которых легко можно выделить новинки: DEX-S, Bucureşti, 1988; *Maria Dumitrescu*, Dictionar de cuvinte recente-90 (DCR-90), Bucureşti, 1983 (дискетный вариант)и др. изд.

[5] О словообразовании см. также Славянское языкознание. XI МСС, Москва, 1993, с. 232-248, 263-278.

[6] *Мария Думитреску*, Традиция и инновация в славянской письменности и культуре (восточная зона: русские), к XI МСС, Братислава, 30 VIII - 7 IX 1993, Bucureşti, 1993.

[7] там же.

György Feher
Universität Budapest

Русские ! Вы действительно говорите по-русски?

Этот вопрос, конечно, провокационный и неправильный. Все-таки он, может быть, сорвался с языка некоторых читателей статьи под заглавием ***Ельцингейт***, которая появилась в газете "Правда" 17 апреля 1993 года. Первые три предложения статьи содержат 38 имен существительных и прилагательных (не считая имен собственных и географических названий), из них 14 *(37%)* явно не русские.

Я подчеркиваю "явно", потому что носители каждого языка, не зная истории языка, не чувствуют, что данное слово когда-то было заимствовано, если форма слова приспособилась к своей новой среде и само слово стало общепонятным.

В наши дни на наших глазах появляется множество иностранных (почти без исключения англо-американских) слов в русском языке, вызывая опасение, тревогу и возмущение

— со стороны ревнителей русского языка, которые беспокоятся, потому что язык загрязняется и ухудшается, и

— среди его простых носителей, которые временами не понимают свой родной язык.

В связи с появлением заимствований мне хотелось бы поставить несколько вопросов и ответить на них.

ВОПРОС 1: ***Такое интенсивное обогащение русского с помощью заимствований — это новое явление?***

Если опускаем из вопроса слово "интенсивное", ответ, конечно, отрицательный. Так как язык должен отражать жизнь, процессы в обществе, он постоянно меняется. Каждое поколение создает, заимствует и употребляет новые слова и выражения и забывает или не употребляет некоторые старые.

Каждый язык имеет одни и те же средства для обогащения своего словарного фонда, а именно

— внутриязыковые (разные формы образования слов) и

— внеязыковые (заимствование слов).

По-видимому, русский язык в наши дни развивается в большей степени по второму пути.

Если включаем в вопрос слово "интенсивное", можем ответить, что в жизни каждого языка есть периоды, когда по каким-то причинам изменения резко ускоряются.

Например, общеизвестно, что при Петре I за 27 лет (между 1697 и 1724 гг) много сотен иностранных слов вошло в русский язык. Не знаем точно, сколько, но их количество очень большое, ведь в современном русском языке из этой эпохи все еще сохранилось 260 коренных слов ***голландского*** происхождения (в большинстве они связаны с судоходством), как *гавань, катер, каюта, койка, конвой, матрос, мачта, рейд, руль, фарватер, шлюпка, штиль, шторм, штурман;*

но есть и другие: *апельсин, зонтик, махорка, ситец*, даже слова *адмирал* и *кофе* арабского происхождения вошли в русский язык через голландский);

сохранилось много ***немецких*** слов (они вообще связаны с военной терминологией, как *вахта, ефрейтор, лагерь, лозунг, штурм*, но есть и другие: *бухгалтер, галстук, квартира, штраф*);

несколько ***французских*** (тоже представляющих военную терминологию, например, *армия, гарнизон, десант, команда, лафет*, и другие: *актер, ассамблея, билет, бульон, конверт, меню, суп*);

немного ***английских*** (связанные с судоходством: *бот, бриг, мичман*);

немного ***итальянских*** (например, *банк, газета, касса*),

и немного интернационализмов греческого и латинского происхождения вошло в это время в научную терминологию (*геометрия, идея, механика, натура, план, профессор, система, физика*),

в группу административных терминов (*администратор, инспектор, контора, конфисковать, министр, президент*) и

в число слов, выражающих общественно-политические и культурные понятия (*авторитет, партия, революция, театр*).

Или другой пример: во второй половине 19-го века русская наука и техника развивались высокими темпами. Это влекло за собой выработку терминологии для этих сфер. В русский язык попало в это время больше 2000 интернационализмов, которые в конечном счете являются словами греческого или латинского происхождения.

Значит, на первый вопрос можем ответить, что интенсивное обогащение русского языка с помощью заимствований — не новое и не уникальное, только не очень частое явление.

ВОПРОС 2: ***Нужно ли расширение словарного фонда руссkого языка с помощью заимствований?***

Как пишет профессор Костомаров (Русский язык за рубежом, 5/92, стр. 59), *"Иностранные слова вообще — лакмусовая бумажка чистоты языка, она всегда вызывает неоднозначные, но горячие оценки ревнителей культуры речи".*

Да, на появление иностранных слов мы обычно реагируем отрицательно. Вывески на улицах Москвы :

"ШОП, ДЖИНСЫ, ШУЗЫ"

и подобные у многих вызывают вполне понятное возмущение: зачем использовать эти слова там, где можно было бы употреблять обычные русские слова "магазин, брюки, ботинки"?

А разве они "хорошие, обычные" русские слова? Сегодня да, но "магазин"— заимствование, так как слово-интернационализм (только ради интереса: арабского происхождения); оба слова "магазин" и "брюки" (слово голландского или немецкого происхождения) появились в русском языке при Петре I, а "ботинки" — совершенно новый пришелец (французского происхождения) в письменной форме слово впервые появилось в русском языке только в 1847 году!

Общеизвестно, что Белинский и Жуковский приветствовали заимствования как средство обогащения русского языка.

Лингвисты и представители разных дисциплин во многих странах давно ведут полемику о том, нужно ли переводить термины. Специалисты против перевода; они утверждают, что в специальной литературе во всем мире использованы одни и те же иноязычные термины, все специалисты понимают их, зачем тогда удваивать количество терминов? Ведь даже в случае, если переводим термины на родной язык, надо знать их иноязычное название, чтобы читать литературу и общаться с иностранными коллегами.

Лингвисты вообще выступают против таких мнений вопреки тому, что лингвистические тексты почти каждого европейского языка пестрят терминами греческого и латинского происхождения.

Я, в свою очередь, согласен с методом Ломоносова, который, создавая систему русской научной терминологии, сознательно старался использовать русские слова, когда это было возможно, например:

— он дал известным словам новое значение *(движение, наблюдение, опыт, частица, явление*) или

— создал новые выражения (*земная ось, преломление лучей, равновесие тел*).

Но он, не колеблясь, использовал иностранные слова, если не находил подходящего слова или иноязычный термин уже был распространен в науке за границей (например, *атмосфера, диаметр, микроскоп, оптика, пропорция, формула* и другие).

Неправильно бороться против заимствований под надуманными лозунгами, такими, например, как "они чужды душе языка" или по политическим причинам, как адмирал Шишков, который боялся, что с галлицизмами карамзинистов и дух французской революции проникнет в Россию.

Именно его пример показывает, к какому смешному результату ведут крайности. Он требовал, чтобы русский литературный язык обогащался только за счет церковно-славянских слов. Вот одно предложение в стиле карамзинистов:

Франт идет из цирка в театр по бульвару в галошах.

И вот шишковский перевод:

Хорошилище грядет из ристалища на позорище по гульбищу в мокроступах.

По-видимому, язык не потерпел насильственного вмешательства и не принял слова Шишкова независимо от того, соответствовали ли они правилам русского языка и приятно ли они звучали.

А в случае с футболом стремления к русификации имело положительный результат. Язык футбола в начале века был везде английским, но с 30-х годов русский язык начал отрываться от английского Таким образом *голкипер* стал *вратарем*, *(хав)бек* - *(полу)защитником*, *корнер* - *угловым*, *офсайд* - *вне игры* и т.д., хотя *гол* и *футбол* сохранились. Подобный процесс имел место в языке футбола во множестве языков.

ВОПРОС 3: ***Нужно ли бороться против слов, явно не соответствующих "духу языка", как "ельцингейт, супербэби, шоу" и другие?***

Конечно, появление огромного количества англо-американских слов, в первую очередь, в русской общественно-политической терминологии и в других сферах — не очень приятное явление. Чувствуется, что эти пришельцы просто оттесняют русских соперников. Но разве это так?

Конечно, есть ненужные слова: те, которые по сравнению с русским словом не носят нового значения или нового оттенка, например:

джюс	по сравнению со словом	*сок*,
сейл	по сравнению со словом	*распродажа*
паблисити	по сравнению со словом	*гласность* (которое употребляется даже в английском языке).

Но проблема вообще в том, что иностранное слово

— или не переводится одним словом, значит, звучит и произносится короче, например:

саммит — встреча в верхах,

рейтинг — индекс популяности;

— или совсем не переводится, и нужно описать, объяснить его значение, потому что само понятие новое, например

конверсия = переход военной промышленности на производство товаров народного потребления,

прайм-тайм = лучшее время для показа по телевидению.

Как перевести, например, слово ***ельцингейт***, чтобы читатель понял сразу, что имеет в виду автор статьи? И чтобы он почувствовал эмоциональную напряженность и экспрессивность, которые хотел автор придать этому слову? Наверное, перевести это слово невозможно, да это и не нужно. А как все-таки помочь простому читателю газет, который не понимает этих слов и, следовательно, точного содержания текстов, и поэтому вправе досадовать?

Вправе? Не в том ли дело, что статьи газет занимаются чаще всего политикой и экономикой и в этих сферах появился новый жаргон, который понимает только определенный круг людей - специалисты? И так как в современном русском языке происходит очень бурный переход на новый словарный фонд английского происхождения, это явление бросается в глаза рядовому носителю языка.

Но понимает ли это "простой" говорящий или читатель статьи на медицинскую или юридическую тему? Конечно нет, потому что для неспециалиста словарный состав этих дисциплин тоже полон непонятных русских и заимствованных слов. Только статьи на подобные темы он не читает и, следовательно, не замечает этого.

Нужно ли бороться против заимствований? Вообще можно сказать, что иностранное слово не нужно, если есть в языке подходящее слово. Но что значит подходящее?

Не могу себе представить, что

- в общеславянском языке не нашлось бы слова для понятия *хлеб* (заимствование из восточноготского языка в 3-4 веке) или

- в русском языке для таких понятий, как

стакан, товар (заимствования из тюркских языков до 1223 г.),

деньги, кирпич, кулак, туман, хозяин, чемодан (из тюркских языков до Петра I),

арест, солдат, стул, шляпа (из немецкого языка в 16-17 вв.)

Эти слова во время первого своего появления в русском языке, наверное, были также непонятными для некоторых, как теперь "*брифинг*" или "*брокер*". А потом почему-то они или оттеснили настоящие русские слова, такие как

биография - житие, швейцар - придверник,

или оба слова остались в языке, только их значение или сфера употребления разошлись, такие, как *жилище - квартира, семья - фамилия или желтуха - гепатит, пес - собака.*

Иностранное слово часто придает какую-то позитивную окраску:

джюс чувствуется вкуснее, чем *сок,*

бизнесмен успешнее, чем *делец,*

тим, наверное, действует сильнее, чем *научная группа.*

Значит, бороться можно против так называемых ненужных слов, но трудно сказать, какое из них именно не нужно. Почему не принимали русские такие прекрасные слова, выдуманные и предложенные ревнителями русского языка, как душесловие (= психология), колоземица (= атмосфера), ловкосилие (= гимнастика), мокроступы (= галоши), побудка (= инстинкт), погодье (= климат), самотник (= эгоист), ячество (= эгоизм) ?

Конкретного ответа нет; язык просто не принял некоторых неологизмов. По моему мнению, языки можно сравнить с живыми организмами, которые развиваются по своим законам, принимают, что им нужно, обрабатывают и переваривают нужное и выбрасывают ненужное. Появление заимствованных слов само по себе не обязательно портит язык, а искусственное вмешательство, даже с лучшими намерениями, не обязательно улучшает его.

И наконец

ВОПРОС 4: ***Можно ли делать какие-нибудь выводы о будущем развитии русского языка?***

Думаю, в ближайшем будущем процесс прилива иностранных (прежде всего английских) слов в русский язык (и другие языки) будет продолжаться, но процесс не будет уже таким бурным, каким он был в последние годы. А потом последует

"самоочищение" словарного состава: одни заимствования окажутся ненужными и через определенное время исчезнут из языка, другие останутся в языке, оттесняя старые слова или разделяя сферу употребления со старыми словами.

Если русский язык до сих пор допускал 5-6 слов в значении "место/помещение для мелкой торговли" (магазин, лав/оч/ка, ларек, киоск, универмаг/сам), может быть, *шоп* и *супермаркет*, как и новое русское слово *комок*, тоже будут обозначать определенный тип торгового учреждения (лучшее сказать: *истэблишмента бизнеса*).

А могут ли стать настоящими русскими словами, например, имена существительные, окончание которых не соотвествует русской парадигме (например *лобби, шоу* и др.) ?

Как говорится, ничего не ново. Слова *метро, такси, кофе, кафе, меню, шимпанзе* и другие тоже не склоняются, но это не мешает русским говорящим ни в малейшей мере. А для иностранцев, которые, изучая русский язык, мучатся над лабиринтами и ребусами русской парадигмы, наверное, такие несклоняемые слова обозначают покой, безопасность и отдых в джунглях окончаний.

Значит, если вернутсья к заглавию доклада и спросить "Русские! Вы действительно говрите по-русски?", можно ответить: да, русские говорят по-русски, только этот русский язык не таков, каким он был 10, 20 и больше лет тому назад и не таков, каким он будет через 10, 20 или больше лет. Но все эти варианты назывались и будут называться русским языком.

Людмила Францевна Гербик
БГРА Минск

Употребление слов "русский", "российский" и их новые семантические оппозиции в российской и белорусской прессе

1. Язык — зеркало народного мировосприятия; он отражает окружающий мир, воздействует на него и создает свой собственный. *"Одновременно возникает вопрос о степени адекватности мира, существующего вне связи с языком, лежащим за его пределами"* (Лотман 1992: 8).

Нация осознает себя в слове, в мифе. Нет народа без легенды о самом себе. Поиски положительного прототипа, а также осознание своих специфических черт характеризуют любую развитую нацию.

Реализованные валентности слова ("английские традиции", "немецкая пунктуальность", "американская мечта", "восточная красавица" и др.) — это как бы небольшой мозаичный узор в языковой картине мира.

Что может быть русским? Как ощущает себя русский в русском мире и каким он видится ближайшим соседям? В докладе рассматриваются особенности синтагматических и парадигматических отношений слов "русский" и "российский" в российской и белорусской прессе 90-х годов.[1] Кроме того, анализируется разговорный язык, язык радио и телевидения 1994—95 годов.

2. *"Русский, "российский", "русскоязычный"*

До недавнего времени слова *"российский"*, *"россиянин"* были малоупотребительными и во многих случаях подменялись словом "русский".

Первоначально ***русскими*** назывались народы, проживавшие на территории Руси (названия государства: до к. 15 в. — ***Русь, Русская земля;*** в к. 15в. — нач. 16 в. — ***Русское централизованное государство, Московское государство).*** С расширением границ и изменением его названия (в 16 в. — ***Российское царство, Россия***; с 1721 г. до 1917 г. — ***Российская империя***) возникла проблема номинации, которая разрешилась в соответствии с политическими тенденциями в государстве. До 1917 г. существовала концепция государства русского народа. Поэтому именно слово ***"русский"***, а не ***"российский"***, за некоторыми исключениями, входило во многие официальные и неофициальные названия: ***Русская армия***, ***Русский военно-***

00050340

морской флот*, *Русское археологическое общество*, *Русское музыкальное общество*, *Русское физическое общество, но ***Общество любителей российской словесности*** при Московском университете; ***Русская Америка***, но ***Российско-американская компания*** для освоения Русской Америки и др.

Русскими называли, хотя и не последовательно, славян, принадлежавших к ***Русской православной церкви.***

> *"Прочее население, обозначавшееся термином "инородцы", рассматривалось как нечто дополнительное. (...) Слово "русский" могло употребляться в значении "гражданин России". Но казаха-кочевника, чучку или даже финна все же не могли назвать русским ни в какой ситуации".* (В. Алпатов, 1995).

В советскую эпоху, хотя на официальном уровне признавалось равенство всех народов, понятие "русский" продолжало занимать совершенно особое место.

Так, слово *"русский"* не было рядовым членом в гипономических отношениях *"казахский, украинский, белорусский... — национальный"*. В таких словосочетаниях, как *"национальная школа"*, *"национальные языки"*, *"национальная литература"* определение *"национальный"* имело значение *"нерусский"*. Регулярность гипономического ряда нарушилась словом *"русский"* и в отношениях *"национальный — советский"*. До 1990-х годов употреблялись выражения *"современный латышский рассказ"*, *"молодая эстонская позия"*, *" армянские художники-новаторы"*, *"Грузинское кино"*, *"белорусская проза"* и т. д., но не функционировало такое словосочетание, как, например, *"современный русский рассказ"*. В этом случае говорили просто *"советский рассказ"*, т.е. *"русский"* был в первую очередь *"советским"*, а названием *"русская советская литература"* обозначался конкретный исторический период развития русской литературы непосредственно до и после 1917 года.

В настоящее время слово *"русский"* приближается к значению *"национальный"*. Что касается *"советского"*, то теперь, когда это определение во многих словосочетаниях приобрело отрицательную коннотацию (*"советский режим"*, *" советская агрессия"*, *"советские злодеяния"* и др.), понятия *"русский"* и *"советский"* иногда рассматриваются как противоположные (например, в рассказе И. Есаулова "Сатанинские звезды и священная война // Новый мир, № 4, 1994"); в любом случае они плохо совмещаются в контексте.

Несколько отвлекаясь от темы, можно отметить, что современная белорусская печать также не берет на себя ответственность за "советское".

---

[1] Во всех случаях речь идет не о закономерностях или правилах, а о тенденции употребления рассматриваемых слов. При ссылках на газеты страницы не указываются.

Широко распространенными и в российской, и в белорусской печати являются выражения *"сталинский режим"*, *"брежневский застой"*, которые мало увязываются с понятием *"белорусское"* или *"русское"*. Это говорит о том, что наши общества в осознании этого феномена еще не вышли из персонификации зла, из системы тех представлений, когда враждебные стихийные силы олицетворяются конкретными "богами", в данном случае ***Сталиным***, ***Брежневым*** и др. Крах прежней идеологии все еще болезнен. "Советское" многими воспринималось как "свое", так как оно, по крайней мере в официальной пропаганде, обращалось к лучшему, а не к худшему в человеке, хотя это "лучшее" понималось своеобразно, непоследовательно и нелогично.

Эта тема требует более детального анализа и не может быть раскрыта в данной статье. Вернемся к основной проблематике.

В языке современной прессы обозначилось, но еще не вполне утвердилось такое разграничение сфер употребления прилагательных "русский" и "российский", какое характерно для прилагательных "немецкий" и "германский", "финский" и "финляндский", с одной стороны, и "английский — британский", с другой. Прилагательное "русский" продолжает употребляться в историческом контексте; в составе культурных, культурно-исторических, географических и бытовых названий; во всех случаях, когда речь идет об этнической или национальной принадлежности; в устойчивых словосочетаниях: ***русская душа, русский характер, русское гостеприимство, русская зима, русская баня, русская удаль, русский размах, русское "авось", "русская рулетка", "Русский человек на рандеву"*** и т.д.

В то время, как в "толстых" журналах продолжают говорить о ***русском будущем, русской культуре; русских привычках, обычаях, традициях***, в газетах уже употребляются выражения: ***российские территории, российские пограничники, российские власти, российский президент, российский парламент, российские законы, новый российский капитализм, российские банки, российский лес, российская нефть, российский потребитель, российские бомжи*** и т.д.

Разграничение сфер употребления прилагательных *"русский—российский"* не является в настоящее время строго последовательным. В некоторых текстах они употребляются параллельно как абсолютные парадигматические эквиваленты. В силу бóльшей популяности слово *"российский"* вторгается в традиционную сферу употребления слова *"русский"*. Так, например, появляется упоминание *о "российско-греческих отношениях, начиная с византийских времен"* ("Литературная газета", 22.06.1994).

Традиционное слово "русский" по-прежнему употребляется в текстах, ориентированных на иностранную аудиторию (например, в названиях предприятий, работающих на экспорт), в речи эмигрантов и переводной речи иностранцев: ***русские дети, русские туристы, русские шпионы, новые русские*** и т.д. Интересно отметить, что сохранение традиции в употреблении слова "русский" касается в первую очередь текстов, ориентированных на западную и, в некоторой степени, южную аудиторию. Что касается текстов, ориентированных на Восток, то здесь с самого начала было принято слово "российский", если только речь не шла о понятиях, выражающихся устойчивыми словосочетаниями.

После распада СССР и отмены русского языка в качестве государственного в странах — бывших союзных республиках и в связи с тем, что некоренное население зачастую не владеет национальным языком, возникла проблема, которая обозначается словом *"русскоязычие"*. В контексте данной проблематики это слово, как и слово *"русскоязычный"*, воспринимается иногда негативно. Например, И. Стрелкова пишет:

> *"На этот раз перед нами вполне новое словообразование, получившее путевку в жизнь где-то в правительственных кругах — как и дивный этноним "лицо кавказской национальности" (...) Но на русский слух, в этом слове все же звучит что-то негативное. Кто он такой, наш соотечественник, живущий на родной земле, вдруг оказавшейся за границами России? Он как бы уже и не русский, не татарин, не украинец, не белорус, а так — что-то неполноценное, безнациональное".* (И. Стрелкова. "Как вас теперь называть? // "Правда", 2.03.1995).

В языке белорусских средств массовой информации рассматриваемые слова не несут на себе груза какой-либо коннотации. Прилагательное *"русскоязычный"* сочетается не с существительным "население" (ведь национальность "русский" никто не отменял; русские остались русскими), а с существительными " издания", "литература" (*"русскоязычные издания", "русскоязычная литература"*) и функционирует так же, как прилагательные *"англоязычный", "франкоязычный"* и.т. п.

Более подробно рассмотрим выражения *"настоящий русский", "московский", "великий русский"*, имеющие ярко выраженное оценочное значение.

3. Настоящий русский

Естественно, что в слове *"русский"* для русского человека заложена глубоко положительная коннотация (как для белоруса — в слове *"белоруский"*, француза — *"французский"* и т.д.). Она настолько сильна, что слово *"русский"* может выступать заменителем слов *"хороший", "исконный", "настоящий", "чистый"* или употребляться в синтагматическом ряду с ними в самых неожиданных контекстах.

Когда в брачном объявлении сообщается : *"настоящая русская",* — то это не простое указание на национальность (в таком случае уместнее было бы употребить выражения "русская" или "чисто русская"); здесь подразумевается целая совокупность положительных качеств ("Аргументы и факты". Рекламное приложение, № 9. 1992).

В следующих высказываниях доминирующими семами значений выражений "такой русский", "настоящий русский" являются 'эмоциональность', 'широта', 'открытость': *"За что запрещали этот роман "Доктор Живаго" Б. Пастернака? Там такой русский дух, такая любовь потрясающая, такой чистый воздух, там дышалось легко . . . "* (Т.Г. Томашевич, в частной беседе).

"Мне наши фильмы нравятся больше, чем американские. (. . .) Это русское кино. Там душа, там эмоций столько! . . . Это настоящее кино" (РТВ. "Сюжет" 20.01.1995).

Рассмотрим следующий пример:

" (. . .), Ахматова всецело на стороне Пастернака, которому его еврейство не помешало пройти до конца на русской земле путь русского поэта и стать частью русской, единственно родной ему земли" (М. Кралин, 1990: 212).

В этом небольшом высказывании слово *"русский"* употребляется три раза. Исходя из текста, можно было бы предположить, что А.Ахматова ценила Б.Пастернака в первую очередь за его ***трижды русскость***; именование "русский" здесь присваивается как почетное звание.

Во всех этих случаях мы имеем дело с переходом относительного прилагательного "русский" в качественно-относительное.

Высокая степень коннотативной насыщенности делает возможным спекулятивное использование слова "русский".

Обращает на себя внимание то, что во многих случаях выражения "настоящий русский", "истинно русский" приобретают политическое звучание (ср.: "настоящий коммунист". "истинный демократ") и используются вместо аргументов в политических или идеологических спорах. В этих случаях критерии разделения на "настоящих" и "лжерусских" различны. Устойчивыми компонентами рассматриваемых выражений являются, соответственно, их положительная или отрицательная коннотация, причем полярно, поскольку в этих случаях "настоящий русский" определяется через соответствие исконно народной традиции, а дается в изменяющихся оценках каждого данного периода. В любом случае слово "русский"

приобретает значение "приемлемый", а выражения "лжерусский" или "какой-то нерусский" — 'не приемлемый'.

"Не настоящими русскими" ранее считались "западники". "Идеалисты", "гнилая интеллигенция", а также провинциалы" (М. Петров. "Культура в провинции"// "Новый мир, № 8. 1989); в настоящее время — *"коммунисты", "фашисты", "шовинисты" и "прочие враги России"* (А. Быстрицкий. "Россия: вызов истории" // "Литературная газета". 15.06.1994).

Говоря о способах философской борьбы, которая происходила в к. 19-го — начале 20-го вв., С. Аверинцев отмечает:

> *"Один из вариантов — постановка вопроса не о русской мысли, но об "истинно русской мысли с неизбежным отлучением "неистинных". Такое занятие приводит к оскудению панорамы отечественной философии.* (С. Аверинцев. "К характеристике русского ума" // "Новый мир, № 1, 1989, с.195).

Спекулятивное использование слова *"русский"* подвергается критике в следующем высказывании: *" (. . .) Нормальный не будет на каждом углу кричать, какой он сильно русский, как он крепко любит Родину и как ее, бедную, губят всякие менее русские, чем он"* (Ю. Соломонов. "Фигня" // "Литературная газета, 19.10.1994).

Выражения рассматриваемого типа свидетельствуют о существовании центростремительной национальной идеи, но то, что целые категории русского населения могут определяться как "настоящие" или "не настоящие", говорит об отсутствии внутреннего единства в обществе, о возможности противопоставления по различным признакам. Ярко выраженным в современных текстах является противопоставление понятий *"русский/ российский народ"* и *"российские власти"*; *"русские фашисты", "русские коммунисты"* и *"российские демократы", "новые русские"* и *"старые русские"* и т.д.

Проблема "истинных" и "не истинных" в настоящее время трансформируется в проблему *"наших"* и *"не наших"*; образовано новое слово ***"нашизм"*** (как "нацизм").

Различное понимание *"русскости"*, целей и задач нации делает общество несплоченным, разнонаправленным: *" 'Русской мечты', увы, не существует"* (Г. Симон. "Немецкие размышления о русской душе" // Труд, 3.09.1994).

Для белорусской прессы актуальным является вопрос, относить ли печально известных *"потемских, муравьевых и прочих головорезов-палачей, огнем и мечом расширявших пределы Российской империи в 18—19 вв. к **русскому народу**"* (Г. Граховский. "Эхо двойного залпа" // "Народная газета", 31.08.1994) . Специфика

слова "русский", а также "народ", делает проблематичной критику со стороны: *"Так можно сказать: "Не троньте Малюту Скуратова, это же — русский народ"* (там же).

Из этого высказывания ясно, что отнесение Малюты Скуратова и ему подобных к русскому народу зависит не от их национальной и государственной принадлежности, а от точки зрения говорящего. Русский народ рассматривается не в его целостности, как ***русская нация***; предлагается разделение на ***палачей*** и ***жертв*** (там же).

С. Дубавец, автор статьи *"Почему мы не стали русскими?"* объясняет причины "провала обширной двухсотлетней компании русификации края" тем, что белорусы не встречались с *"настоящими русскими"*, носителями высокой культуры ("Неман", № 1, 1994).

Прилагательные *"русский"*, *"российский"* в белорусской прессе встречаются в разнообразных контекстах ("великая русская литература, музыка, живопись", "внутрироссийские междоусобицы" и др.), но сами по себе они в большинстве случаев являются семантически нейтральными. Можно говорить о преобладании положительного контекста для этих слов. Один из примеров:

> *"Я не питаю к русскому, украинскому, грузинскому и другим народам бывшего СССР неприязни. У меня есть родственники, друзья, знакомые русские, украинцы, грузины, латыши, литовцы, проживающие в разных регионах ближнего зарубежья. В моей семье зять и невестка росссияне, моих детей крестила русская женщина, вся семья говорит на русском языке, хотя по паспорту и в жизни мои родители и вся моя семья были и остаемся белорусами. Но уважение национальной гордости каждого народа — это одно, а экономика — другое. Почему Россия должна поступаться своими интересами, а мы — своими? Мы должны интегрироваться не только в российскую, но и в западную, прибалтийскую, украинскую"* (Н. Ясинский. "Будут ли белорусы людьми зваться?" // "Беларускі час", 18.04.1994).

Иначе дело обстоит с прилагательным *"московский"*, который в белорусской прессе имеет устойчивую отрицательную коннотацию.

4. "Московский, "белорусский" и проблемы самооценки

Относительное прилагательное *"московский"* употребляется в положительном контексте в тех случаях, когда речь идет о научной, культурной среде. В остальных случаях появление в контексте слова *"московский"* является сигналом тревоги, напряженности. В первую очередь это касается текстов, рассказывающих об истории отношений с Московией (Московским царством), где употребляются выражения *"московские злодеяния"*, *"московская жестокость"*, *"московская хитрость"* и другие, например: "Царь московский Иван Грозный,

могущественный государь. (. . .) Этот дикий, мстительный и жестокий варвар" (В. Казберук. "Исторические качели" // "Полымя", № 7, 1993: 157).

Тексты о современности насыщены выражениями *"московская бесцеремонность", "московская наглость"* и др.

Показателен переход относительного прилагательного в качественно-относительное в следующем примере.

> *"Московский поезд встретил нас той же неуютностью. Беспорядок, вертеп, которые господствовали в стране, чувствовались и здесь. (. . .) Московские проводники, видимо, надеялись на взятку от нас, но не дождались ее и потому так себя вели. Кстати, московское взяточничество, хамство и бесцеремонность общеизвестны. Каждый, кто приезжает в столицу с периферии, об этом знает"* (С. Законников. "Надежда остается" // "Полымя", № 7, 1993).

Трижды повторенное в данном небольшом отрывке текста слово *"московский"* конденсирует отрицательное оценочное значение контекста и само становится носителем отрицательной семантики.

Если упротребляются выражения "московские указы", "московские властители" и т.п., то значение словосочетаний и окружающего контекста отрицательное. В этом случае большую роль играет, по-видимому, традиционная, общая для белорусов и русских нелюбовь к "власти", к "центру". В языке российских средств массовой информации аналогичную функцию (выражение недоверия к центральной власти) выполняет слово *"кремлевский"*, которое, входя в такие словосочетания, как *"нынешние кремлевские демократы", "кремлевские правители", "кремлевский заговор", "коридоры кремлевской власти", "кремлевские стратеги", "кремлевские тайны"* и т.п., сигнализирует о возможной опасности.

По употреблению рассматриваемых слов можно судить о позиции автора. Если говорится о "политическом опыте России", то оценочное значение выражения может быть как положительным, так и отрицательным; но если говорится о "политическом опыте Москвы", то имеется в виду тот опыт, который не следует перенимать.

Некоторые примеры:

"Запах крови новой Москве уже знаком". (В.Берестень. "Не верь слезам Москвы" // "7 дней", приложение, 11.03.1995).

"С Москвой нам всегда придется искать согласия, потому что это наш сосед(...), но большинство наших людей смотрят теперь на восток с настороженностью" (П. Панкратович. "Ельцина в Минске не очень ждали // "Свобода", 22.02.1995).

"Право интеллектуальной собственности на использование разного рода референдумов в целях умиротворения своих политических соперников, несомненно, принадлежит Москве" (А. Майсеня. "Референдум как средство поссорить Беларусь" // "Народная газета, 22.02.1995).

Характерно, что в российских средствах информации иногда слово *"Москва"*, *"московский"* употребляются аналогично : *"Жертв будет все больше и больше, если мы не остановим этот кровавый пир московских властителей "* (РТВ. "Вести", 22.01.1994).

"Москва, как всегда, показала свою непредсказуемость и несогласованность действий". (РТВ, "Де факто", 22.10.1994).

В таком словоупотреблении содержится предложение взглянуть на себя со стороны; кроме того проводится различие между ***Москвой*** (***центром, властью***) и остальной ***Россией***.

Исторический опыт общения с Москвой запечатлен в широко употреблявшемся ранее в украинской и белорусской разговорной речи слове *"москаль"* со значением 'опасный, неспокойный, недружелюбный'. "Москалями" называли раскольников, которые бежали от центральной религиозно-государственной власти на окраины или за пределы Московского царства и вели замкнутый, настороженный образ жизни. Затем название "москали" распространилось на всех ***московитян*** (***московских воинов***) и русских в целом.

Слова-характеристики белорусской разговорной речи с корнем ***рус-*** имеют более мягкое значение, чем с корнем ***моск-*** (возможно, потому, что ***Беларусь*** — это ***Белая Русь***). Встречаются шутливое выражение *"Иван-русак"*.

"Лапотник-белорус Ивану-русаку, конечно, ныне не враг" (П.Стасевич. "Путешествие по СНГ // "Народная газета", 21.10.1994).

В настоящее время слово "москаль" приобретает тот же шутливый характер.

В современной печати самооценка белорусов и русских дается часто с юмором, с учетом того мнения, какое выработано соседними народами.

Самооценка белорусов дается с небольшим разбросом противоположных мнений. Положительные черты видятся в непосредственной связи с отрицательными: как разные проявления по сути одного и того же характера. Среди положительных черт белорусского характера обычно называют мягкость, трудолюбие, скромность, терпеливость; отрицательными чертами видятся излишняя податливость, переходящая в отказ от национальной самобытности, безволие.

Понятие *"белорусский"* не сильно политизировано, как не политизировано и исходное понятие — *"белорусы"*: *"Белорусы — не худшие и не лучшие по сравнению с другими народами — иные"* (В. Быков. "Самая ценная идея -- национальное возрождение" // "Беларусь", № 1, 1994: 24).

Существует определение "своего" и "своих", но противопоставление "своих" и "чужих" осуждается. В. Быков по этому поводу сказал следующее:

"Патриот — это тот, который любит своих, а националист — который ненавидит чужих" (Бел. Радио, 29.12.1994).

В белорусской печати полностью отсутствует тема лидерства в какой-либо области: политической, идеологической, культурной, моральной и т.д. Речь идет не о том, что белорусы должны *"устраивать счастье других народов"*, но о том, что необходимо *"своим собственным путем прийти к всечеловеческим идеалам"*, развивать национальную культуру и участвовать в развитии представлений об общечеловеческих ценностях (В. Конон. "О белорусской идее // "Неман". № 3, 1995).

В самооценке русских чувствуется противоречивость. Если судить по языку прессы, то, во-первых, само общество не осознает себя единым. Во-вторых, дает о себе знать то, что в прежние годы существовали две противоположные версии русского для русского: официально признанная — "великий русский" и неофициальная, в анекдотах.

Анекдоты широко распространены, но все-таки можно говорить лишь об их локальном значении в образовании языковых семантических оппозиций, связанных со словом *"русский"*. Вместе с тем, проблематика мирового лидерства, соперничества, уникальности России, сама по себе встречающаяся лишь в каких-то остатках, в текстовых реминисценциях, давала и дает обширные семантические оппозиции, устойчивые цепочки языковых ассоциаций.

Нельзя говорить о взаимной компенсации самооценок в двух указанных версиях: они существовали параллельно. Мы не можем сказать, что это тот случай, когда образ (например, изображение на бумаге), будучи разделенным пополам, легко восстанавливает свою целостность при совмещении частей. Поскольку каждый из образов был по-своему цельным и законченным, их совмещение должно сопровождаться семантическими трансформациями. Но на деле часто происходит такое наложение образов, когда сквозь одни черты проглядывают другие. Если раньше образ "великого русского" был преобладающим в литературе и печати, то теперь вниманию предлагается собирательный негативный образ, заслоняющий

черты первого. В обоих случаях мы можем говорить не о семантических связях, а о семантических помехах в формировании предлагаемого вниманию образа.

5. Великий русский

Мы не поймем многих высказываний в современной прессе, если не обратимся к их более широкому историко-литературному контексту.

Русское национальное сознание формировалось под сильным влиянием представления об особой исторической миссии русского народа. Концепция богоизбранности, характерная для многих народов в средние века, в России имела своеобразное воплощение. В 16—17 вв. начала складываться теория "Москва — третий Рим", которая в 19—20 вв. приобрела особое значение (оценка этого явления дана в: Лихачев 1988). В теории "Москва — третий Рим" изначально сливались две тенденции: религиозная и политическая. Как отмечают Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, это означало, во-первых, *"перемещение центра мировой святости"* в Москву, во-вторых, *"глава Московского государства оказывался на языке этих понятий властителем всего мира"* (Лотман, Успенский 1994, 63).

Для белорусов наиболеее важна была геополитическая часть программы, которая подразумевала ассимиляцию белорусов с великороссами, но для русских, несомненно, не менее важной составной частью этой программы являлся мессианизм. Предполагалось, что русский *народ "идет к обретению духовного света и зовет к этому все остальные народы"* (Кралин 1990: 210). Наибольшее количество мифов о загадочном и таинственном предназначении русского народа было создано в 19 в.; вместе с тем получало обоснование право русских на совершенно особый путь в истории — право, которое не может получить последовательного логического обоснования и которое может быть принято лишь на веру. Н. Бердяев писал о двойственности осознания этой мессианской роли: *"Шатов [у Достоевского] начал верить, что русский народ — народ-богоносец, когда он в Бога еще не поверил. Для него русский народ делается Богом, он — идолопоклонник"* (Бердяев 1990: 222).

Имперская идея расширения государства, наложенная на теорию богоизбранности, привела к нежелательным результатам. Это, во-первых, надолго укоренившееся негативное отношение соседних народов к московитянам, которые насаждали свой язык и культуру.

Бытовая культура московских воинов оценивалась местными жителями как более низкая; кроме того, они несли с собой унитарный, деспотичный государственный строй. Отношение напряженности, не полного доверия

проявляется в построении многих текстов. Например, в статье В. Зуенка *"Окольцовывают?"* противопоставляются выражения " взятие под опеку" и "взятие боем":

> *"Напомним для начала "подарки", исторические документы, привезенные в Беларусь Борисом Николаевичем Ельциным — ту же грамоту московского царя Алексея Михайловича от 1654 года жителям Орши — о "взятии" их под опеку. Да, "взятия" были, но не только победами они определялись , но и побегами с боев и более всего — кровавыми разорениями деревень и городов белорусских, уничтожением людей — на протяжении трехсотлетней войны Московии против белорусского-польского государства.*
>
> *Что это — неудачная шутка президентских экспертов-помощников? Незнание нашей истории? Или, может быть, высокомерное игнорирование ее? ..."*(В. Зуенок. "Окольцовывают? // Літаратура і мастацтва", 27.12.1991).

Между понятиями "русский/ российский " и "белорусский" наметилась конфронтация, контуры которой можно обозначить словам *"русификация", "русификаторы", "обрусение", "обрусители".* Эти слова имеют русское происхождение, но более широко употребляются в белорусской прессе, чем в российской.

Второй аспект проблемы заключается в том, что идея мирового первенства оказала негативное влияние на развитие самого русского общества.

Идея "Москва — третий Рим" последовательно воплощалась в Московском государстве, Российской империи, и наконец, в Третьем Интернационале, русский мессионизм трансформировался в русский коммунизм (Бердяев 1990: 50, 216). Коммунистическая идея подразумевала объединение народов, но на деле привела к разъединению, к возникновению новых противоречий не только между различными народами, но и внутри русского народа, расколов его на противостоящие, иногда враждебные лагери.

В литературной памяти советского периода была почти полностью стерта информация о мессианской теории "Москва — третий Рим", но идея лидерства была выражена очень ярко. В настоящее время распад "Союза республик свободных", который, казалось, " сплотила навеки Великая Русь" сравнивается с распадом Римской империи и определяется как *"испытание национального характера"* (А. Кива. "Новая Россия: испытание национального характера // "Культура", 11.09.1993).

Б. Федоров говорит о традиционной амбициозности русских, которая мешает работе:

"Объединение в стране, где каждый второй демократ — кандидат в президенты, а все остальные — гении, невероятно сложный процесс" (Б. Федоров, интервью газете "Комсомольская правда", 14.07.1994).

Выражение "великий русский" со вторым субстантивированным прилагательным употребляется преимущественно в резко неодобрительном контексте.

Ю. Карякин в телевизионной передаче "Час пик" говорил о российских фашистах, число которых быстро растет:

"Они думают: 'Да, я кривобок, но я — великий русский'. Привлекательность фашизма, как и коммунизма в том, что можно из грязи в князи — без великих затрат, умственных и трудовых" (ТВ, I канал "Останкино" // "Час пик", 10.08.1994).

Выражение *"великий русский"* нередко подразумевало необязательность медленного, поступательного развития, необходимого другим народам; возможность изменить положение дел одним рывком. Выражение *"исторические свершения"* имело положительную коннотацию, а *"рутинная работа"* (т.е. ежедневая работа с небольшим поступательным результатом)— отрицательную.

В современной российской прессе тема ***исторических свершений, решительного рывка, лидерства*** обсуждается как в старом, положительном, так и в новом, ироническом, смыслах.

Приведем два противоположные по оценочному значению текста, где затрагивается данная проблематика.

А. Быстрицкий в статье: *"Россия: вызов истории"* пишет:

" А освобождение нашей республики от оккупации Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Грузией, Арменией, Азербайджаном и тому подобными пошло нам на пользу. (. . .) Если захотим, то построим такую страну, что все завидовать будут. (. . .) Россия готова к решительному рывку в будущее" (А. Быстрицкий. "Россия: вызов истории" // Литературная газета, 15.06.1994).

Ю. Соломонов в статье "*Фигня*" пишет:

"Такое ощущение, что с августа 1991 года многие не живут и уж тем более не работают. Они вершат историю. Резво соображающие граждане как-то сразу просекли — для этого занятия не требуется никаких повседневных рутинных усилий. (...) Дело не хлопотное и где-то даже веселое. (...) Революционный прорыв ни в коем случае не должно превращать в трудовые будни. Надоело вершить историю — отдохни, выпей пива" (Ю. Соломонов. "Фигня" // Литературная газета, 19.10.1994).

Понятие " революционный прорыв" связывается с понятием "лень-матушка по-настоящему работать".

Идея первенства имеет чаще всего критический контекст, например:

"Россия привыкла занимать первые места на газетных полосах — главным образом из-за несчастий, которые у нас постоянно происходят" (РТВ, "Вести", 18.01.1995).

"По-настоящему великими" называют страны, которые *"умеют заботиться о своих гражданах"* (В. Щербо. Интервью газете "Аргументы и факты в Беларуси", № 50, 1994).

Москва называется столицей мира, но — криминального. (Г. Одинцова. "Вор всегда вне закона" // "Аргументы и факты", 23.06.1994).

В семантическом поле *"великий русский"* близко расположены понятия *"русский/российский размах"*, *"загадочная русская душа"*. Понятие *"российский размах"* связывается с понятием *"бессмысленное мотовство"*:

"Жаль только, ушли те времена, когда по выездам судили о капитале. А то бы на полном серьезе прослыть нам богатейшей страной мира, а вовсе не амбициозными мотами, коими считают нас сегодня пораженные российским размахом партнеры" (А. Кабанников. "Летать — так цугом в 4 лайнера, с лимузином под мышкой!" // "Комсомольская правда", 7.07.1994).

Слово *"загадочный"* все чаще заменяют словом *"странный"*. Итальянский профессор В. Страда говорил в интервью газете "Культура":

"Европа, уже объединенная в своей западной части, старается объединиться и с центрально-восточной частью; при этом ей еще предстоит самое сложное: особое объединение со своей 'специальной частью' — Россией' " (В. Страда. "Загадка 'русского феникса' " // "Культура", 21.08.1993).

Проблема "специальности" России активно обсуждается в российской прессе. Например, статья Вл. Воронова *"Страна 'Спецназия'"* состоит из следующих разделов: "*Спецподразделения*", "*Спецчасть*". "*Специдеология*", "*Спецкачества*", "*Спецоперация*", "*Спецпсихология*", "*Спецлюди*" и "*Спецвыводы*" (Вл. Воронов. *"Страна 'Спецнация'"* // "Столица", № 8, 1994).

К сожалению, ушли в тень и очень редко называются такие прекрасные русские качества, как *великодушие, щедрость, гостеприимство, готовность прийти на выручку* и др.

В белорусской прессе сейчас, как и ранее, постоянно цитируются классики русской литературы, но для современной российской прессы это становится нехарактерным.

6. Вывод

Наметилось, но не вполне утвердилось распределение сфер употребления слов *"русский"* и *"российский"*; стало широко употребляться слово *"русскоязычный"*, происходит изменение ассоциативных связей в семантических полях "настоящий русский", "великий русский"; возникают новые устойчивые семантические оппозиции.

В заключение следует отметить, что *"у русской и белорусской литератур много пересечений культурных полей, тем более, что обе эти культуры относятся к 'горячим' [термин К. Леви-Стросса], характеризующимся ориентацией на создание новых типов текстов"* (Прохорова 1994, 4).

Литература

В. Алпатов	Русист Сталин без анекдотов. // Правда, 8.04.1995
Н.А. Бердяев	Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. В кн.: О России и русской философской культуре. Отв. Ред. Е.М. Черахин. М. 1990.
Д.С. Лихачев	Беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало.// Дружба народов, № 6, 1988.
Ю.М. Лотман	Культура и взрыв. М., 1992.
Ю.М. Лотман / Б.А. Успенский	Отзвуки концепции "Москва — третий Рим" в идеологии Петра I" — В кн.: Б.А. Успенский. Избранные труды. Т.I. М., 1994.
М.М. Кралин	Артур и Анна. Л., 1990.
С.М. Прохорова	Национально-культурный компонент текста. Минск, 1994.

Николай Г. Комлев
МГУ, Москва

Контакт и конфликт этнических культур в зеркале языка

Роль языка и литературы в диалоге культур предполагает, что культуры уже ведут диалог. Однако эта констатация еще не содержит утверждения, что диалог ведется безупречно, функционирует, как исправный, отлаженный и смазанный механизм. Мы видим своими глазами, что во всем мире культурные сообщества, мягко выражаясь, не везде плодотворно сотрудничают. Там и сям они вступают в конфронтацию. Более того, столкновение их интересов во многих регионах, как кажется, все более обостряется и достигает критической точки.

Политики и ученые разных специальностей ищут всевозможные пути и средства разрешения кризиса или оптимизации культурно-социальных отношений. Реальные и нереальные. Например, один экономист (а, возможно, и не один) полагает, что для налаживания всеобщей международной гармонии достаточно ввести во всех странах единую систему рыночных отношений, коммерциализировать сообщества. Универсальные, радикальные способы предлагались и ранее. Любопытный прецедент зафиксирован Гоголем в его бессмертной поэме. Герой повествования полковник Кошкарев дает такой рецепт улучшения жизни современного ему общества:

"Я знаю одно средство, вернейшее средство ... Одеть всех до одного в России, как ходят в Германии. Ничего больше, как это, и я вам ручаюсь, что все пойдет как по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой век настанет в России".

(Н.В. Гоголь. Мертвые души. II, 3).

В разрешении этнических конфликтов я также вижу одно средство, и тоже "вернейшее". И не только в разрешении конфликтов, но, как это ни парадоксально, в этом же средстве я вижу и причину их возникновения. По крайней мере, в значительной степени. Этим средством является вербальный этнический язык.

Хотя каждому специалисту свойственно гипертрофировать роль своего предмета, данный тезис, по-моему, не является гиперболой, ибо в его пользу можно построить научное доказательство и подтвердить его фактами. Язык не только связывает или обслуживает культуры — он сам является разновидностью или, говоря осторожнее, частью культуры. Подобно тому, как в некоторых видах политики язык отождествляется с нею. Американский конгрессмен Драйнен сказал как-то, что *"язык является не просто средством, пользуясь которым мы*

говорим о внешней политике, он и есть наша внешняя политика." [1] Впрочем, американцы риторическому аспекту придают вообще первостепенное значение. В отличие от европейцев. Европейцы преувеличивают роль грамматической нормы, в то время как народы Индостана и Дальнего Востока нацеливают свой интерес на философию понятий. Для американца важен речевой эффект: владеющий словом владеет миром.

Сейчас приходится говорить о культурах в категориях кризиса. Сначала нужно осмыслить сущность этого кризиса, осознать свое место в мире. Я хотел бы высказать собственное видение кризиса, свою позицию, особенно в ее языковой опосредованности. Кризисом охвачена не только страна, которую я представляю. Падение коммунизма завершило двухполюсный миропорядок, являющийся знаменем XX века. Все указывает на то, что этот закат обещает долгий период идеолгической пустоты и неразберихи. Распад нашей политической системы был чем-то неожиданным и даже шокирующим. Все предыдущие прогнозы, включая и пресловутые предсказания З. Бжезинского, предполагали длительный процесс идейной деградации коммунизма и его постепенное сближение с капитализмом либо его идейное обезвреживание. Разрушились две универсальные идеологии. Они были идеологиями освобождения мира и человека: коммунизм — освобождение от оков империализма, Запад — освобождение от коммунизма. В настоящее время мир утратил возможность светского (нерелигиозного) лигитимирования общественного порядка. Политические комментаторы отмечают, что капиталистические либеральные доктрины слишком плоски и лишены метафизики. Они могут удовлетворить отдельного индивида, но не общества, не народы. Эти концепции не содержат того, что содержал коммунизм — мифическое начало, веру в святую личность и идеал рая после окончательной победы над злом. Пока существовал комммунизм в институционной форме, сохранялся миф, что после его устранения наступит эра свободы, справедливости и благосостояния. Этот миф теперь лопнул. Рай не наступил. Капитализма в классическом смысле, может быть, тоже нет? В нашей российской политической прогностике термин "*капитализм*" вообще стыдливо избегается.

В России наступил нравственный и духовный вакуум. Это следствие длительной полосы атеизма и дискредитировавшего себя псевдо-коммунизма. Вероятно, из-за этого у нас распространилась такая тяга к магии, мистицизму,

---

[1] *R.F. Drinan.* The Rhetoric of Peace. College Composition and Communication, 23, 1972, p. 279.

оккультизму и "гороскопизму". Нет общественных иделов. Идеалы и программы не всегда в истории сбываются, но без них человек совершенно безоружен.

Сейчас повсюду усилились вспышки терроризма, недовольства, волнений на Востоке и на Западе. Что дальше? Пророчество— дело неблагодарное. Как сказано в Евангелии от Матфея, "Довлеет дневи злоба его" (Более понятен этот постулат в лютеровской версии: Es ist genug, daß ein jeglicher Tag seine eigene Plage habe. Das Evangelium nach Matthäus, 6,34).

Однако по имеющимся росткам будущего нельзя не видеть, что большой конфликт Восток-Запад в обозримом будущем маловероятен из-за сдерживающей мобилизуемости сограждан любой из мировых держав в случае внезапной экзистенциальной опасности для нее (в т.ч. и для народов страны, соединенных русским языком). Глобальный конфликт заменится бесчисленным множеством малых конфликтов, междугрупповыми и междурегиональными противостояниями. Везде, где есть этнические конфликты, там в единоборство втягивается и религия. Вера вступает в альянс с национализмом, придавая ему видимость святости и ореол божественного предназначения. [2]

Религия опирается на язык, в частности, на сакральные тексты, национализм — на язык как на внешний, вообще-то первый атрибут нации (народности). Война, например, в Югославии имеет явно культурно-религиозный характер. Вот недавнее суждение премьер-министра Боснии и Гецговины Хариса Силайджича.

> *"Моя точка зрения : следующая война вспыхнет не из-за каких-то экономических неурядиц. Толчком для нее станет антагонизм культур, в том числе и религий. Телекоммуникации сближают людей очень быстро, но люди к этому еще не привыкли. Психологически они не готовы к столь быстрому сближению. В Боснии люди жили вместе, эту модель нельзя было уничтожать. Нечто подобное может повториться в соседних с Россией странах ".* (Общая газета, № 26, 1994).

А разве мы не наблюдаем, что делается в Закавказье, в Афганистане, на границах Таджикистана? Куда ведет этот путь, ответить не может никто.

Ясно для нас одно: в конечном счете народы будут искать сближения и связей между нациями, религиями и культурами через общность понятий и слов —

---

[2] Ср. *Каушанский П.Л.* Религия и грозящая катастрофа. Пробл. единения религий перед лицом глобальных угроз современности. СПб.: ВИТА, 1994; Взаимодействие культур Востока и Запада. Вып. 2. Сост. А.А. Суворова. М. Наука, 1991; *Здравосмыслов А.Г.* Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки. Н.Новгород: Изд. Волго-Вят. Кадр. Центра, 1994.

через речевые контакты, через преодоление языковых барьеров.[3] Вот так можно оценить сегодняшнюю ситуацию.

Если говорить о внутреннем кризисе общества и национально-этнических трениях, то они могут быть сведены, по моему убеждению, к одному— кризису правления, точнее к ***кризису управления***. Из этого кризиса выбраться еще труднее: ибо инструментом управления также является язык, а он не в порядке.

Языковое хозяйство и культура речевого взаимодействия между людьми и группами людей опустились до очень низкой черты, хотя, возможно, пока еще не до самого предела. Тенденция к снижению этого уровня отмечается, вообще говоря, во многих странах. О кризисе языка или "упадке речи" раздаются голоса в США, где появились особые языковые обозначения упомянутого "упадка" (the decline of speech), в Германии (der Verfall der Sprache), даже во Франции сейчас пишут не только о борьбе с англицизмами, но и о кризисе языка. Недавно в Париже вышел сборник под таким названием (La crise de la langue).[4] Само собой разумеется, что это относится и к русскому языку, особенно к русской речи, которая сегодня отстает от великих эталонов российской словесности. Так что, обустраивая Россию, надо серьезно заняться обустройством русского языка. Упадку речи сопутствует общекультурное сползание по наклонной плоскости, огрубление нравов, рост социальных и расовых столкновений в бытовой, производственной и общественно-речевой практике.

Но все-таки решать кризисные проблемы нельзя иначе, как через расширение ***контактов***. Интеркультурные контакты выступают не только как естественная целесообразность, но и как необходимость, обусловленная глобальностью экологических, технических и политических интересов. Известны разнообразные типы контактов, наиболее очевидные из них: биолого-генетические (вертикальные и горизонтальные), технико-экономические, научные, культурные. Последние могут быть подразделены на более частные разновидности, среди которых на первое место выдвигаются языковые. На первое — потому что для реализации всех других видов контактов предполагается наличие языковой

---

[3] Ср. *Р. Фишер, У. Юри.* Путь к согласию (Соглашение без ущерба для договаривающихся сторон) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., Прогресс, 1987, с. 173-206; Communication Theory. Eastern and Western Perspectives. Ed. By D.L. Kincaid- Acad. Press, San Diego a.o., 1987; *D.L. Horowitz.* Ethnic Groups in Conflict. Univ. Of California Press. Berkeley a.o. 1985; *V. Rosendahl.* Conflict and Compliance. Stockholm, 1985.

[4] См. также: *L.-J. Galvet.* La guerre de langues et les politiques. Paris, Payot: 1987; *H. Boyer.* Éléments de sociolinguistique. Langue, communication et société. Paris: Dunot, 1991.

О путях движения русской стилистики сегодня— см. *В.Г. Костомаров.* Языковой вкус эпохи. М. Педагогика-Пресс, 1994.

коммуникации. Это так же естественно, как фактор культурных контактов при международных экономических трансакциях. Межнациональные финансово-экономические связи осуществляются не только через границы государств, но и через границы культур. Культура выступает как мощный двигатель, формирующий способ человеческого мышления, взаимопонимания и поведения. Культурные различия между менеджером, представляющим государственную фабрику в Южной Корее, и зав. отделом вновь учреждаемой фирмы в Нижнем Новгороде могут создать на переговорах такой семиотический барьер, что в конце концов вся акция будет заблокирована.

К сфере культуры относится и идеологический аспект. Многочисленные конфронтационные идеологии всегда разделяли мир и были, в частности, компонентом международной сцены бизнеса. Конечно, американские менеджеры, например, независимо от того, являются ли они республиканцами или демократами, в принципе, представляют одну идеологию в рамках отечественного бизнеса. Когда же они выходят на международную арену, то сталкиваются с иными идеологиями. Посредник в международной трансакции старается избегать идеологических вопросов за столом переговоров. Но идеология играет весьма существенную роль. Идеология подсказывает властям ответы на основные вопросы. Определенная идеология в данной стране в целом приспособлена к ее специфическим потребностям.

Идеология нередко отождествляется с определенной культурой и национальностью, но и отличется от них. Некоторые страны с более или менее однородной культурой тем не менее разделены идеологически. Во Франции, например, проявляются две основные идеологические тенденции — левая и правая, которые берут начало от французской революции 1789 года. В результате там нет единой французской идеологии, но в то же время наверняка существует единая французская культура и единая французская национальность. То же можно сказать о России и Германии.

Во многих арабских странах, например, в Египете, имеются сторонники разных идеологий: западного капитализма, арабского социализма, исламского фундаментализма, сотрудничающие, хотя и не охотно, в одном учреждении. Но в интерэтнических контактах идеологические различия могут затруднить взаимопонимание.[5]

---

[5] См. *J. W. Salacuse*. Making Global Deals. Boston, 1991.

Использование идеологического жаргона, естественное и лишенное подтекста для лица, представляющего данную идеологию, часто воспринимается партнером как провокация. Для американского бизнесмена термины *"свободное предпринимательство"* (free enterprise), *"прибыль"* (profit) бесспорно положительны, тогда как для китайского менеджера, для чиновника, представляющего аргентинское правительство, или для российского функционера они способны приобрести отрицательную коннотацию.[6]

Нужно иметь в виду, что реалии меняются быстрее, чем идеология, что подтверждает пример центральной и восточной Европы. Когда расхождения между фактическим положением вещей и идеологией слишком большие, наступает отбрасывание доминирующей идеологии или ее реформирование (ревизия).

Правовые различия — это другой важный барьер в межэтнических культурных отношениях. Мы знаем, что право — это совокупность санкционированных государственным принуждением норм (предписаний), которые регулируют отношения между людьми, отвечающие интересам господствующего социального слоя в данном государстве. Правовые и политические системы в мире, подобно культурам, различны. Французское правительство не проводит политику точно так же, как это делает турецкое правительство. Законы и судебные процедуры в Индии иные, нежели законы и процедуры, действующие в Великобритании, несмотря на то, что Индия многие годы была частью британской империи. Да и понятие ***"право"*** также имеет неодинаковое значение в разных странах. Во многих регионах мира неписаные племенные, религиозные и этнические обычаи стали правомочными, и бывает, что они непосредственно влияют на установление контактов и возникновение конфликтов.

В свете сказанного при анализе культурных контактов необходимо принимать во внимание типологию культур, культурную традицию. Иногда встречаются определения типа ***"азиатская культура"***, ***"азиатский стиль дипломатии"*** или ***"африканская культура"*** и ***"африканская техника переговоров"*** .

Такие термины упрощают проблему. Хотя жителям Азии можно приписать некоторые общие культурные характеристики, однако всех азиатов зачислить в

---

[6] Ср. Социальные конфликты в меняющемся российском обществе: Детерминация, развитие, разрешение. Ин-т социологии РАН. Под ред. А.И. Волкова и др. М., 1994; *Y. Tsuda*. Language Inequality and Distorsion in Intercultural Communication: F Critical Theory approach. Amsterdam, 1987.

одну группу не представляется возможным. Культура Японии[7] иная, нежели культура Кореи, а стиль поведения японцев, естественно, не такой, как у корейцев. В Африке также существует своя мозаика культур, а значит, и стилей поведения. Культурная группа может подчас совпадать с определенной национальностью. Французы, немцы и японцы принадлежат к более или менее гомогенным культурам (внутри своих стран), но культура и национальность не всегда означают одно и то же. Например, в Нигерии культура племенной группы игбо с юга страны, где распространено христиантсво, иная, чем культура племени хауса с севера страны, где преобладает ислам.[8]

Как это ни покажется курьезным, первой причиной конфликта является контакт. С кем у меня нет никакого контакта, с тем нет и конфликта. Поэтому контакты должны быть классифицированы и изучены. Понимание природы контактов, а значит, и осознание их общественной пользы естественным образом способствует благоприятному сотрудничеству или, по крайней мере, сосуществованию этносов. Но и в этом случае возможны противоречия, обусловленные расхождением интересов. Предельный случай обострения противоречий называют ***конфликтом***. Абстрактного конфликта, конфликта "вообще"— не бывает. Существует негативный (деструктивный) конфликт и функционально оправданный — позитивный (конструктивный) конфликт. В содержательном отношении могут быть конфликты мировоззрений, политики, религии и языков.[9]

Соперничество мировоззрений и религий практически неразрешимо. Исторический опыт учит, что обратить какую-ту этническую группу в иную конфессию на практике не представляется возможным (тем более в исторически короткие сроки.) Перспективный путь — преодоление соперничества через язык. Но языки также различны и неравны. Неравны по количеству социальных функций и их характеру. Однако эти различия не рождают конфликта сами по себе. Напротив, в когнитивном смысле они дают возможность создать более адекватную картину мира, чем если бы она была создана только одним

---

[7] *В.М. Алпатов*. Япония. Язык и общество. М., Наука, 1988; *D.R. McCreary*. Japanese - U.S. Business Negotiations. A Cross-cultural Study. N.Y., 1986.

[8] С.И. Брук. Население мира. Этнодемографический справочник. М., Наука, 1986, с. 532-538; В.Т. Клоков, Языковая политика во франкоязычных странах Африки. Саратов. Изд. СГУ. 1992; *B. Malmberg*. Linguistic Barriers to Communication in the Modern World. Ibadan 1960.

[9] Ср. *H.-R. Lückert*. Konflikt-Psychologie. Einführung und Grundlegung. 5. Auflage 1965; *R. Bategay*. Aggression, ein Mittel der Kommunikation? Bern: M. Hueber. 1979; *K. Berkel*. Konfliktforschung und Konfliktbewältigung. Berlin 1984.

единственным этническим языком. Сумма языков создает бесконечное разнообразие взглядов на первичную материю универсума и на ее дух. Без этого разнообразия жизнь была бы монотонной, а общество нежизнеспособно. Эти различия должны, следовательно, уважаться и поддерживаться.

Как же язык может предупредить, снять или смягчить конфликт? Вправе ли мы в любом случае ожидать, что оптимальная коммуникация предотвратит конфликт или будет способствовать его разрешению? В. Писарек, занимавшийся этим вопросом, полагает, что утвердительно ответить на него нельзя. Конфликты между людьми и социальными группами, утверждает он, редко возникают из-за плохой коммуникации.[10] Еще реже бывают случаи разрешения или ослабления конфликтов благодаря хорошей коммуникации. Более того, на практике можно найти много примеров того, когда именно хорошее и оптимальное общение (коммуникация) приводит к обострению конфликта, если обе стороны стремятся к укреплению своих позиций или к победе любой ценой, а не к взаимопониманию. Это и понятно. Когда люди стремятся не к достижению истины, а к победе, то всегда кто-то оказывается победителем, а кто-то — побежденным. Но если они желают достичь истины, то в итоге оба выигрывают, потому что истина чаще всего бывает одна.

В случае возникновения различия во мнениях между нациями, как и между людьми, теоретически возможны разные стратегии поведения:

- Индивид (сторона), оказавшийся в конфликтной ситуации, действует автономно, пересматривая собственную позицию (например, идя на уступку);

- Оба индивида (обе стороны) меняют свою позицию (идя навстречу или вырабатывая новую оптимальную позицию, единую для обоих; или обоюдно замалчивают противоречия);

- Индивиды (стороны) не способны преодолеть конфликт ни самостоятельно, ни вместе, и это делает за них третья сторона (принудительно или на основе суггестивного воздействия).

Очевидно, что прицsmåиально-агрессивная стратегия не может способствовать интеграции сообщества людей, неодинаково мыслящих. Она не только не ведет к реальному устранению конфликта, но его еще и обостряет, к тому же тем сильнее, чем лучше реализуется. Действительно, когда направлен принцип, то точность в деталях только усугубляет несправедливость. При

---

[10] *W. Pisarek*. Słowa między ludźmi. Warszawa. Wyd. radia i telewizij. 1986. Ср. также другие мнения: *H.Richter, F. Weidmann*. Semantisch bedingte Kommunikationskonflikte bei Gleichsprachigen. Hamburg 1975;

применении этой стратегии вероятное разрешение конфликта — но не его устранение! — может наступить на путях иных, нежели коммуникация (например, физическое принуждение). Однако только стратегия взаимопонимания способна элиминировать конфликт. Вспомним слова великого мыслителя средневекового Востока Джалалледдина Руми:

"Как часто бывает, что турок и индиец находят общий язык, как часто бывает, что два турка словно чужие. Значит, язык единодушия — совсем иное дело: Единодушие дороже единоязычия".[11]

Достижение взаимопонимания не должно означать отказа от собственной правоты.

Теперь мы подошли к содержательной, семантической стороне языка. Следует обратиться к качествам этнического языка, которые наилучшим образом обеспечивают интерэтническую влиятельность, а значит, и удовлетворяют целям элиминации конфликта. Что же в языке способно наиболее успешно благоприятствовать этим целям? Ответ прост, как правда. Это — лексико-фразеологическое богатство языка и особенно речи, т.е. функционального оперативного аспекта языка.

Слово в состоянии послужить межэтнической опорой.[12] Этот тезис требует, однако, особого рассмотрения с соответствующей 'лексико-семантической и риторической экземплификацией. У П. Флоренского мы находим такую идею, идею плодотворную, хотя и выраженную в метафорической форме:

"Слово может расти, подобно росту растения, постепенно происходит амплификация слова, оно может расти, пока не сделается организмом, способным осеменять и другие души. В Священном писании аналогия слова и семени — одна из самых настойчивых, равно и во всей мировой, более или менее глубокой человеческой мысли ... Мы часто говорим: это — только слово, это — только одни слова. Такой взгляд — подготовка психологической почвы для имеборчества ... Слово, как и всякий символ, лежит вне пределов рационалистического понимания."[13]

В настоящее время разработана система языков под углом зрения их функциональной эффективности — и в научно-лингвистических проекциях, и в вульгарной аксиологии. В каждой национальной группе функционируют стереотипы оценок, относящиеся к собственному народу (аутостереотипы) и к

G. Schank, J. Schwitalla. Konflikte in Gesprächen. Tübingen 1987.

[11] Д. Руми. Литератрура Востока в Средние века. Ч.2. М., 1970. с. 154.

[12] См. Об интерсубъектных аспектах слова: *N.G. Komlev.* Components of the Content Structure of the Word. Mouton: The Hague, Paris 1976, p.55ff.

[13] *П. Флоренский.* Об имени Божием. Вестник Московского университета. Серия 9 - филология. № 3, 1994. С.78

Аналогичную мысль высказывал также В.И. Вернадский. См. о нем в кн.: *Н.Г. Комлев.* Слово в речи: Денотативные аспекты. М., МГУ, 1992, с. 74.

иным народам (гетеростереотипы). Эти стереотипы являются элементом обязательной системы ценностей и фактором национальной идентификации. Развитой язык не без основания считают символом культурного превосходства и духовного здоровья нации. Упомянутые оценки, однако, не всегда основываются на адекватной информации относительно своего и тем более чужого этноса и должны модифицироваться в процесе учебной и просветительской работы. Особенно это касается паремиологического и фразеологического оценочного материала, в котором выражена народная философия интерэтнических взаимоотношений.[14] Тенденции этнических оценок и оценок языков в общественно-речевой практике выступают как симптом скрытых процессов межэтнической напряженности и возможного усиления взаимной неприязни. Ясно, что это предполагает также глубокое изучение опыта языковой нейтрализации конфликта этносов в полинациональном государстве и в мононациональном государстве по отношению к иным этносам.

Бытует мнение, что национализм — это последствие демократизации обществ. Данное суждение слишком поверхностно. Жажда национальной автаркии — это скорее скрытый или явный протест против унификации общественного сознания, протест против нивелирования культур и подавления национального самовыражения. Непосредственное навязывание своей культуры, философии и политики другим этническим образованиям, а также попытки абсорбировать носителей чужой культуры путями, находящимися за пределами каналов этнического национального языка, ведут к деструкции и результатам, противоположным желаемым. Установление другого превосходства над иноэтносами, чем названное языковое богатство, предполагает использование силовых путей и орудий порабощения. А это противоречит гуманитарным принципам общества и высокому предназначению каждого человеческого индивида.

---

[14] Ср. *Н.Г. Комлев*. Линвистическая аксиология (Постановка проблемы) // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., Наука, 1981, с. 90-110; Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков. *Под ред. Г.С. Романовой и Г.Г. Типко*. М., МГИМО, 1992; J.H. Greenberg. Linguistics and Ethnology - Language in Culture and Society- *Ed. by D. Hymes*. N.Y. 1964;
S.G: Champion. Racial Proverbs. A Selection of World's Proverbs. Arrranged Linguistically. N.Y. 1963.

Johanna Korzeniewska-Berczyńska
Wyższa Szkoła Pedagogiczna, Olsztyn

Особенности перестроечной и постперестроечной мифологем

(Из опыта анализа публицистического дискурса)

Миф как дескрипция древних верований и архаической космогонии представляет собой константную онтологическую категорию и поэтому оказывается удобным средством отображения лавинообразности социально-политического пространства в XX веке. Он "интерпретирует" особенности индустриального и постиндустриального социумов, изобилующих нарастающими противоречиями, будущими страстями, поисками и недоумением, катаклизмами и попытками гомонидов найти свое место под солнцем.

Миф есть еще извечное воплощение Веры и Надежды как движущих сил бытия. Миф — одна из главных составных иррационального начала в человеке, амбивалентном существе, распятом между Добром и Злом, существе, деятельность которого не поддается алгоритмизации. Иными словами, антропоцентрическая категория мифа соответствует непредсказуемости как самого человека, так и его судеб, и, как таковая, необходима и подвластным, и властвующим.

Может показаться странным, что один и тот же феномен есть элемент как массового, так и господствующего сознания, но это правомерно рассматривать как еще один парадокс бытия, рядовой человек, хотя он и homo sapiens, жаждет мифа — во спасение от извечного глумления, обид, страданий, а также мифа, разъясняющего ему "каждый миг бытия". Владыки цинично распространяют все новые спасительные мифы, которые составляют благоприятную почву для возможности "навластвоваться всласть". Ведь в нашем мире правит бал принудительное "осчастливливание": коммунистическое, демократическое и прочее.

Среди таких мрачных декораций вновь и вновь разыгрывается величайшая драма незащищенного ego, отчужденности любого вида, в том числе — между власть имущими и т.н. подданными-узниками все возрождающихся, особенно в переломное время, Веры и Надежды. Каждый раз неадаптированный к новой действительности человек мечтает о том, что ожидание благоденствия в пришествии неведомого выльется, наконец, в реальную благопристойную экзистенцию.

Вышеизложенное понимание духовной сути социологического мифа подтверждает его "полиморфичность"; исходный материал, на который мы опираемся в данном тексте, рассматривается как некоторые припевы к общечеловеческой фуге мифов.

Анализ советских и российских мифов составляет основу для ряда вопросов общего и конкретного характера, а именно:

- Может ли общество, а также власть существовать без мифов? Кому и для чего нужны в России мифы? Каковы реляции между внутренним смыслом мифов и духовной кондицией исследуемого этноса? Миф — движущая сила или разлагающая химера? Каковы реляции между мифом и утопией? И, наконец, каковы причины реанимирования термина "миф", а также — чем объяснить его интенсивную по сей день жизнь в российском социополитическом пространстве?

Итак, в перестроечное время мы наблюдаем реабилитацию и как последствие — осмысление самой категории мифа. На страницах печати появляется множество комментированных цитат из трудов виднейших этнологов и философов: А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Ж. Сореля, Э. Агости, Ф. Кесседи, М. Вебера, Д. Белла и многих других. Этой проблематике уделяют внимание также советские и российские мыслители, напр.: П. Гуревич, М.К. Мамардашвили, Вл. Сорокин, С.Г. Кордонский и др.

Сказанное можно рассматривать как интродукцию к интенсивному применению самой категории мифа как средства описания мира: это наблюдается с конца 1988 года, параллельно некоторой стабилизации перестроечных процессов, а также гласности, которая, действительно, начинает обозначать право говорить обо всем и "во весь голос".

Трехлетнее промедление по отношению к началу перестройки в использовании этой удобной описательной категории мы склонны объяснять известным фактом, что *"людям, как правило, мировоззрение, в котором совершалась их социализация, кажется безупречным, бесспорным."* [1] Поэтому и в советском этносе долго созревала готовность поверить в инфернальность собственного, привычного мира.

Вместе с тем гибнущий коммунистический мир — захватывающий предмет интердисциплинарных исследований. Возникающие в процессе распада

---

[1] *Peter L. Berger*, Invitation to Sociology. A Humanistic Perspektive. Doubleday and Company, Inc., Garden City, New York 1963. (Собственный перевод автора статьи)

уникальные явления побуждают к тому, чтобы ставить бесконечные вопросы, сопровождаемые попыткой решать их, приблизиться к истине.

Процесс мифического осмысления, а затем детронизации коммунистической утопии находит адекватное отображение в языке публицистики тех лет; среди прочих его лексико-семантических свойств нетрудно отметить высокий коэффициент применения семы "миф", а также ее дериватов и производных, таких как: мифология, мифологема, мифосознание, мифотворчество, мифологизация (мифологизированность) и т.п.

Начиная с конца 1988 года, на страницах печати постепенно становится "темно" от фразеологизмов с вышеперечисленными словами, выражающими притом жажду клеймить, разоблачать, истреблять идеологему советскости. Таким образом, мы лишний раз можем убедиться, что в человеке силы разрушения, зла превалируют над стремлением к созиданию. Отсюда, вероятно, извечная иррациональная убежденность очередных режимов в том, что строить на развалинах есть самое надежное изобретение политической архитектоники. Перейдем к экземплификациям, полный список которых помещен в "Приложении": ***Краткий курс ВКП (б) - свод мифов; роковой миф о доблести предательства; разрушительные коммунистические мифы; агрессивные мифы сталинских времен; тотальный разветвленный советский миф.***

Итак, массовое сознание в этносе, с присущим ему манихейским мировидением, останется еще долго тоталитарным; разоблачение, клеймение, низвержение, эйфория духовной (и не только!) экспроприации — продолжают служить оудием расправы с очередными батальонами инакомыслящих. "Обновленный" советский человек жаждет окончательно рассчитаться с коммунистическим прошлым в соответствии с революционным стереотипом: *"разрушить до основания и новый мир построить."* Не вникая здесь в общеизвестные подробности, целесообразно процитировать синтезирующее изречение Ю. Буйды: *"Коммунистическая система — самый грандиозный миф XX века"* (НГ 11.12.1993).

Таким образом, в сложнейшей социополитической ситуации еще раз дает о себе знать выгода манипулирования категорией мифа; его иррациональная природа не требует никаких доказательств, никаких умозаключений. Вместе с тем, как правильно отмечает Гуревич, *"наука не может ответить, в чем смысл и каковы*

цели человеческого бытия. Именно миф позволяет человеку преодолеть важнейшие экзистенциальные травмы." [2]

Представители российского этноса оказались в ситуации исторической непреемственности. Люди, лишенные привычной, традиционной опоры именно осознают духовную травму, полученную в результате экзистенциального вакуума и поэтому лихорадочно ищут опору в местах, очень отдаленных в пространственном, временном и идейном отношениях. Кроме того, десятилетиями любая картина мира, кроме советской, представлялась как не доскональная, *eo ipso* — одиозная. Из-за таких и, вероятно, еще других, не раскрытых обстоятельств, модными становятся в советское перестроечное время фантастические былинные сюжеты, зарождаются мифы о ***патриахальной России, о добрых царях, о России, указывающей путь заблудившемуся человечеству, о семье цивилизованных народов, о золотом западном мире*** и т.п.

Уходит расшатанный в процессе официального катарсиса тоталитаризм, зарождается, реальная пока только на словах, демократия. На смену "единственно правильной" коммунистической идеологии, сопровождаемой "клубящимся туманом мифов", приходит неопределенный, но "единственно правильный" порядок, именуемый россиянами ***как нынешний государственный строй, переходный период***, а в последнее время — все чаще как ***безвременье***.

Мозаичность увлечения мифом как всеобъемлющей и все решающей категорией, меняется во времени согласно парадигме: отрицание целиком сталинского прошлого и "реального социализма" → восхваление новой власти → процесс низвержения демократической мифологемы.

Жизнеописание "желанных" и "подлинных" мифов достигает апогея в первые месяцы после Августовского путча, параллельно интенсификации восхваления нового режима, сопровождаемого застенчивой надеждой масс на очередное чудо. Сказанному сопутствует, как всегда, стремление переубедить, отвлечь внимание, а также ввести в заблуждение подданных, для чего и необходимы власть имущим мифы. Публицисты отмечают "новый всплеск мифотворчества", когда "факты смешиваются с домыслами, когда происходит мифологизация событий и людей." Кстати, эти действия совершаются согласно советскому архетипу, т.е. в атмосфере эйфории от победы (на этот раз демократов), от очередного правления "без ошибок и просчетов". Продолжает также работать мифологенный механизм идолопоклонства, хотя в новом

---

[2] *П. Гуревич*, Социальная мифология. Москва, 1983.

социальном контексте он функционирует менее досконально. Происходит мифологизация Ельцина как ***отца народа, отца нации, безальтернативного президента россиян, вождя демократов***. Вокруг него восстанавливается пантеон "Новых непогрешимых": ***демократов*** (иначе: ***реформаторов***), владетелей демократизирующегося социума, исполненного мифов, согласно которым ансьен режим девяностых решит все проблемы, демократия осуществится сама собою, а *"свобода разрушения плавно перейдет в свободу созидания"* (В. Пастухов, Ех, 8.12.1993).

Восхвалению непогрешимости новой власти способствуют также мифы, которые рождаются в модифицированной, "модной" словесной оболочке. Здесь дает о себе знать этническая традиция; советские стереотипы используются с целью охарактеризовать "новые" общественно-политические категории. Примеры — мифы: ***о капиталистическом рае на Земле, о безальтернативности демократичного выбора, о защите прав человека*** (какого? — *И. К-Б.*), ***о демократичной справедливости, о вине вездесущих врагов демократии, о демократе особого типа*** (он пришел на смену ***советскому человеку нового типа***). В свете вышеизложенного неудивительно, что публицистами рисуется такая, к примеру, картина: *"Наступил новый прилив мифотворчества. Придворным идеологам предстоит печальная работа (. . .): надо как- то объяснить причины провала."* [3]

Социологический миф — орудие для различных манипуляций; дискредитируются те мифы, которые полностью изжили себя в массовом сознании, а также те, которые невыгодны политическому истеблишменту.

После первых крупных неудач новой демократической власти наступает оживленное мифотворчество. В границах мифологемы *"о неправильной перестройке"* господствует предание *"о Горбачеве как человеке, который первым столкнул камень с горы (. . .) потому и виноват. Не сталкивал бы, жили бы по-прежнему. Еще полезен этот миф тем, кто приобрел: он столкнул этот камень, и спасибо ему за это"* (В. Пастухов, политический обозреватель, Ех, 8.12.1993). С целью снять с себя ответственность власть распространяет мифы об опасности коммунистического реванша и о коммунистической реставрации. Таким образом создается необходимый правящий лагерь "виновников" всех социальных бедствий и катаклизмов, а также отсутствия "света в конце туннеля" для масс простолюдинов.

---

[3] Например, *Л. Швецова* (др. исторических наук). Новое прозрение: цена и расплата. "Московские новости", 31.12.1993.

Адаптируя здесь термины М. Вебера, можно сказать, что в 1993 году развивается процесс первичного падения демократичных чар. Известно, что в подобной психической ситуации образуется апокалиптическая ментальность, повышается уровень пассионарного напряжения.[4]

Развенчиванию демократичной химеры способствует новое, циническое безверье, поощряемое беспощадностью и наглостью владык-представителей новых мифов: ***о народной приватизации (развенчанной как "прихватизация"), о дороге в светлое капиталистическое или рыночное будущее, об идейной чистоте народных вождей***.

Таким образом, отрицание - восхваление - сплошное разочарование суть основные элементы выявленной нами раньше парадигмы увлечения мифом. Под влиянием кровавых Октябрьских событий в Москве anno domini 1993 наступает вторичное падение чар демократии. Усиливаются мотивы социальной тревоги и нигилизма. Падает миф о гуманности новых борцов за благополучие народа, цепенеющего от неуверенности и страха за свое будущее.

Оценка сущности мифа такими мыслителями, как Сорель, Парето, Кассирер, Бергер, Белл и многими другими, находит новое подтверждение в нашем материале. Тем не менее, анализ семантического поля мифа в перестроечное и постперестроечное время позволяет выявить несколько генетических особенностей советской и постсоветской мифологем.

Итак, в советское время, вместе с языком, на котором проходила социализация, были унаследованы бесконечные стереотипы в функции упорядочения очередного, единственно правильного мира. Они живут не только вопреки опыту, но и вместо опыта. Отсюда новые-старые мифы как результат до конца не осознанной преемственности элементов советской мифологемы с целью по-новому (так ли? *И.К-Б.*) организовать политическую иконосферу. И еще одна особенность: после отрыва населения от кормящего советского "ландшафта"[5] представители российского этноса продолжают жить в ситуации социального диссонанса. Отсюда высокая фреквенция моделей: миф-утешение, миф во спасение, выражающие вечную категорию человеческих страданий. "Утечка в миф" есть

---

[4] Термины "апокалиптическая ментальность", "уровень пассионарного напряжения" заимствованы у Льва Гумилева, см., *Л. Гумилев*, Этносфера, история людей и история природы. Изд. Экопресс, М.,1993; соответственно статья с. 503 ("ментальность"); и с. 525 в Приложении к книге п.з. Словарь понятий и терминов по теории этногенеза с. 493-542.

[5] Термин "кормящий ландшафт" принадлежит Гумилеву. см., ук. соч. Он является одним из конструктов словарной статьи "химера", с. 532

зеркальное отображение масштабов необустроенности простолюдинов и степени резистентности новой этнической системы.

Потребность в мифе вызвана не только постоянным и сплошным дефицитом в духовной и других сферах, но и необычной для бывших советских подданных многоликостью, а также масштабами социополитических трансформаций. Жить в химере неуютно; общество только начинает учиться видеть многообразие явлений, процессов и связей между ними. Тем не менее, массовое сознание готово воспринимать очередное чудо: возникают т.н. фашистские мифы о народном спасителе в лице непредсказуемого политика, лидера социал-демократов, и это можно оценить как лихорадочные поиски спасательного круга.

По известным причинам ни одна национальная культура не может продержаться без мифов. Вместе с тем важно осознавать, что узоры данной мифологической ткани — это и есть закодированная информация о духовной кондиции данного социума. Миф может стать движущей силой, сплачивая этнос для реализации непосильных целей, повышая мотивацию к целенаправленному движению. Известно также разлагающее действие мифотворчества, которое имеет место в случаях безудержного насаждения лжи, разжигания ненависти и т.п. Тогда миф опасен, вреден, тем более, что, в отличие от утопии, он не приемлет никаких рациональных аргументов, он просто "сам по себе".

Согласно древним преданиям, где-то в глубокой пещере лежит толстая книга человеческих страданий и жалоб, а заглянувший в нее не успокоится вовеки. Ее бесконечные страницы заполняются не в последнюю очередь жалобами обездоленных россиян, кричащими о беспочвенности ожиданий и об извечной скорби батальонов униженных. Не грешат любопытством виновники их стенаний. Продолжается экзодус бездомных в мифические края, заселенные иллюзиями. Выстраивается очередная камарилья, состоящая из "друзей народа". Падают мифы! Да здравствует мифы![6]

---

[6] О силе мифа, о его харизме (в современном мире) см. *J. Campel*, Potęga mitu (The power of Myth). Пер: J. Kania, "Signum", Kraków 1994.

Приложение:

Контекстуальный свод "мифологических лексико-семантических единиц"

(список сокращений дается в конце)

I. Оценочные и темпоральные характеристики мифа: "Какой? " "Какие?"

Легко разоблачаемый (НиЖ 1988/ 11,12)
левокоммунистические времен перестройки (НиЖ 1988/ 11,12)
жизнеподобный (о кинематографе тридцатых) (Тв 1988/10)
подлинные мифы, притчи XX века (Тв 1988/10)
о сталинских подвижниках (Тв 1988/10)
живой, сталинский (Тв 1988/10)
навязанные, но и желанные ("реального социализма") (Тв 1988/10)
национальные мифы времен сталинизма (Тв 1988/10)
закамуфлированные под явь (литература соцреализма) (Тв 1988/10)
противоречивый миф о борьбе за светлое будущее (Сур, 19)
тотальный, разветвленный, советский (Ог 11/89)
старинные, сталинские (Ог 13/89)
как ложное обоснование преимуществ советского общества (Ог 24/89)
заменяющие все (права, нормальную жизнь и т.п.) (Ог 24/89)
гигантская фабрика по производству мифов (литература соцреализма) (Ог 24/89)
замешанные на крови (их отбрасывает перестройка) (Ог 28/89)
стерильный мифический рай (люди уже в нем не нуждаются) (Ог 32/89)
исторические — ложь по заказу (Ог 32/89)
зловещие, антисемитские , освещенные кострами инквизиции (перестроечные) (Ог 46/1989)
роковой (о доблести предательства) (Ог 48/1989)
сталинские (въелись в плоть и растворились в крови) (Ог 48/1989)
реального социализма (вновь расцветают) (Ог 48/1989)
твердокаменные, сцементированные десятилетиями (Ог 1/1990)
вызывающие легковерие (НГ 28.2.1990)

о замечательной "ленинской гвардии"; о "презумпции невиновности" (НГ 28.2.1990)

мифы перестройки о новом светлом будущем (Век XX 4/1990)

послереволюционые мифы о рабоче-крестьянской власти, об отсутствии эксплуатации, об отсутствии в стране безработицы (НГ 20.4.1990)

ленинские, о советском человеке, о советском образе жизни (МН 40/90)

разрушительные (Ог 39/1990)

манипулирующие (Иск кино 4/1990)

о России, указывающей путь заблудившемуся человечеству (Иск кино 14/1990)

о России — равноправном хозяине европейского дома (Ог 48/1991)

о безальтернативном демократичном выборе (Ог 48/1991)

о духовном превосходстве Запада (НГ 30.12.1991)

агрессивный российский политический миф (Век XX 3/1992)

о семье цивилизованных народов(Век XX 3/1992)

богатого застоя (Век XX 3/1992)

о нашей мифо-политической жизни (Век XX 3/1992)

о непорочном зачатии социализма (АиФ 20/1992)

о пользе от уравниловки (Изв 24.6.1992)

о Ельцине — безальтернативном президенте (НГ 30.6.1992)

о Ельцине — вожде демократов (МН 40/1992)

о мифах массого сознания (НГ 19.1.1993)

о консенсусе (Пр 11.2.1993)

реконструировать мифы прошлого (НГ 11.2.1993)

мифы демократии: она разрешит все проблемы; осуществляется сама собой, свобода разрушения плавно перейдет в свободу созидания; власть — лишь средство к цели (МН 14.2.1993)

о борьбе "хороших" демократов с "реакционной" номенклатурой (НГ 7.4.1993)

о народной приватизации (НГ 23.2.1993)

пелена мифов и иллюзий (еще не спала) (НГ 23.2.1993)

о незаменимом президенте — олицетворении государства российского (Пр 16.3.1993)

о тотальном сращивании партаппарата с мафией (НГ 9.4.1993)

мифы "реального социализма" (НГ 13.4.1993)

фашистские мифы либералов (НГ 15.4.1993)

о "коммунистическом реванше" (НГ 15.4.1993)

об освобождении цен (НГ 16.4.1993)

о классе собственников (как эффект ваучеризации) (Пр 22.4.1993)

о распродаже Отечества (НГ 19.5.1993)

о российской особости, неповторимости (НГ 19.5.1993)

о справедливой приватизации (Изв 17.6.1993)

о золотом Западе (Ех 18.6.1993)

навязчивый (о центризме как панацее) (Ех 18.8.1993)

о красно-коричневой угрозе (Ех 6.10.1993)

о добрых демократах (МН 24.10.1993)

о полчищах антидемократических сил (МН 24.10.1993)

новоиспеченный предвыборный (ложный) (НГ 8.12.1993)

о Горбачеве как виновнике всех социальных недугов (Ех 8.12.1993)

коммунистическая система как самый грандиозный миф XX века (НГ 11.12.1993)

о победе демократов (НГ 14.12.1993)

коллективистский, изжитый (НМ 2/1994)

центральный культурный (который до сих пор цементировал все генетические коды) (НГ 2.2.1994)

ликвидация человека во имя мифического существа (НМ 2/1994)

о приверженности мифам (НГ 4.1.1994)

о социальных классах (НМ 2/1994)

о пролетарском искусстве (Ех 2.2.1994)

о реальной альтернативе рынку (Изв 15.2.1994)

о современных заговорах (НГ 19.2.1994)

об Учредительном собрании (как панацее) (НГ 18.2.1994)

о сионских мудрецах (МН 14/1994)

II. "Действенные" характеристики мифа

развеять миф (о непричастности Сталина к тяжелым преступлениям) (Сур, 3)

жить без мифов (трудно) (Сур, 255)

заменять действительность мифом (Сур, 479)

реализовать советские художественные мифы (Сур, 485)

развенчивать все прошлые мифы (Ог 21/1989)

разоблачать старые мифы (Ог 11/1989)

насаждать мифы (преследуя мысль) (Ог 11/1989)

оставаться в мифах (Ог 11/1989)

заменять мифами подлинную жизнь (в советское время) (Ог 27/1989)

жить мифами и иллюзиями (о советском человеке) (ЛГ 28.2.1990)

хоронить свои мифы (призыв) (ЛГ 28.2.1990)

расставаться с мифами (трудно) (Ог 46/1990)

гальванизировать антибюрократические мифы эпохи военного коммунизма (ВФ 3/1991)

иметь иммунитет к мифу (Лат, 19)

разлетается миф (о справедливости насилия большинства над меньшинством)

(Лат, 179)

находиться во власти мифов (Лат, 190)

встроить миф (хама) (Иск кино 3/1991)

разоблачать мифы (о гении Сталина) (Ог 30/1992)

реконструировать мифы (Пр 12.3.1993)

жить мифами (о провинции) (Об газ 15.10.1993)

раздувать мифы (о вражеских силах) (МН 24.10.1993)

насаждать мифы (сегодня) (НГ 8.12.1993)

искажать мифами картину мира (сегодня) (НГ 11.12.1993)

III. Мифология и ее характеристики

пантеон новых мифологических героев (20-е годы) (Сур, 20)

мифология культа личности Сталина (Сур, 368)

мифологическая атмосфера псевдотрудовых будней (Вз, 487)

пропаганда новой мифологии (Ог 11/1989)

мифологическое сознание (ОГ 48/1989)

жесткая мифология тоталитаризма (Ог 2/1990)

мифологический котел перестройки (Век XX 4/1990)

мифологический виновник (по фашистской модели) (Иск кино 5/1990)

мифологический срез массовой культуры социализма (Иск кино 6/1990)

мрак политической мифологии (и сегодня) (Кап, 498)

поиски виновников в современной мифологии (Кап, 155)
мифологическое (и реалистическое) сознание (Иск кино 4/1991)
рамки официозной мифологии (70-е годы) (Иск кино 4/1991)
склонность к мифологическим структурам (о Пикуле) (Арх 17)
мифологические ловушки (социализма) (Амал, 48)
лишиться мифического ореола (сталинское время) (Як 140)
мифология лавочного рынка (НГ 11.2.1993)
мифологическая константа русского самоутверждения (прпротивопоставление Западу) (НГ 17.2.1993)
властители новой мифологии (НГ 23.3.1993)
мифологические крайности (коммунист-демократ) (Об газ 20.10.93)
новая странная мифология (НГ 11.12.1993)
строить мифологию (искажающую картину мира) (НГ 11.12.1993)
быть во власти мифологии (россияне сегодня) (ЛГ 25.12.1993)
фольклорно-мифологическое пространство (сегодня) (МН 2.1.1994)
советская военная мифология (МН 21/1994)
интеллигентская склонность к мифологии (МН 21/1994)

IV. Контексты сем: "мифологизированность, мифологизация"

мифологизированная картина мира (советского) (Ог 12/1988)
мифологизировать Сталина (НиЖ 12/1988)
мифологизированный политический салон (о художественном творчестве тридцатых) (Тв 10/1988)
мифологизированное прошлое (в фильмах тридцатых годов) (Тв 10/1988)
немифологизированная война (требуется) (Тв 10/1988)
"расколдовать" нашу мифологизированную действительность (очень сложно) (Ог 2 /1990)
мифотворческое создание советского человека (Вест 4/1991)
мифологизированность общественного сознания (продолжается) (Лат, 217)
полная мифологизированность жизни (в прошлом) (Медв, 323)
начало мифологизации Ельцина (НГ 15.4.1993)
вполне мифологизированная картина мира (и сегодня) (НГ 1.4.1993)
мифологизировать прошлое (Ех 2.1.1994)

активная мифологизация советской истории (сегодня происходит) (Ех 19.1.1994)

V. Контексты семы "мифотворчество"

яркое проявление мифотворческого духа (в Истории ВКП(б)) (Сур, 20)
заниматься мифотворчеством (больше нельзя) (Сур. 257)
новое мифотворчество (Сур, 488)
одолеть вериги мифотворчества (необходимо) (Сур. 488)
новые "мифотворцы" (Ог 11/1989)
масштабы мифотворчества (о программе XXVII Съезда КПСС) (Ог 11/1989)
мифотворческий период истории (советское время) (Ог 32/1990)
мифотворчество — бич советского общества (90-е годы) (НГ 28.2.90)
половодье мифотворчества (НГ 28.2.1990)
бешеная ярость идеологических мифотворцев (в прошлом) (Ог 2/90)
параноидальное мифотворчество (продолжается) (РК 7/1991)
мифотворчество — идеологическое обслуживание общества (НМ 9/93)
мифотворчество шестидесятых (Ех 7.4.1993)
новый всплеск мифотворчества (МН 31.12.1993)
гримасы интеллигентского мифотворчества (НГ 4.6.1994)

V. Перечень мифологем

мифологемы новых сил (Век XX 4/1990)
мифологемы всех напластований отечественной истории (см. выше);
краеугольная мифологема эпохи (ложь о диктатуре пролетариата) (Иск кино 4/1991)
призыв действовать в рамках закона (современная российская мифологема) (Хр 1991, с.248)
мифологема для России ("кризис Запада") (НГ 17.2.1993)
утратить мифологему (о коммунистах) (НГ 20.2.1993)
мифологема советской цивилизации (о некоторых актуальных ритуалах) (НГ 17.2.1993)
стародавняя мифологема русского бунта (НГ 17.2.1993)

советские мифологемы (братская помощь, солидарность, уважение к старости и т.п.) (МН 11/1994)

Список сокращений

АиФ	"Аргументы и факты"
Амал	Амальрик А., *Записки диссидента*. Москва 1991.
Арх	Архангельский, А., Между свободой и равенством. Общественное сознание в зеркале "Огонька" и "Нашего современника". *Новый мир, № 2 (1991).*
Век XX	Век XX и мир
Вест	Вестник АН СССР
Вз	*Взгляд. Критика. Полемика.* Публикации, Вып. 2. Москва 1989.
Ex	Megapolis-Express
Изв	Известия
Иск кино	Искусство кино
Лат	Латынина А., *За открытым шлагбаумом. Литературная ситуация конца 80-х.* Москва, 1991.
ЛГ	Литературная газета
Медв	Медведев Ф., *После России.* Москва, 1992.
МН	Московские Новости
НиЖ	Наука и жизнь
НГ	Независимая газета
НМ	Новый мир
Об г	Общая газета
Пр	Правда
РК	Русский курьер
Сур	*Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма.* Составитель: Ю. П. Сенокосов. Москва, 1989.
Тв	Творчество
Хр	*Хроника тревожных дней.* Москва, 1991.
Як	Яковлев А., *Предисловие. Обвал. Послесловие.* Москва, 1992.

И. П. Лысакова
РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Социолингвистическая интерпретация эволюции публицистического стиля (русская пресса 1917-1994)

Изменение социально-политической ситуации в России стимулировало интерес к русской прессе - одному из самых ярких феноменов перестройки. В публицистическом стиле, не только отражающем состояние общественного сознания, но и формирующем общественное мнение, наиболее ярко выражается влияние социальных факторов на язык. Анализ языковых особенностей газет разных типов с учетом как политической задачи издания в конкретных исторических условиях, так и социальных, психологических, языковых особенностей читательской аудитории мы называем социолингвистическим.

При социолингвистическом исследовании изучаются элементы социальной дифференциации языка в газетах разного типа и эволюция социальных диалектов за определенный период издания, определяются языковые детерминанты типовой модели газеты, выявляется соответствие языка газеты ее типологическим признакам.

История социолингвистического анализа советской прессы восходит к годам ее становления. В 20-е годы особенности языка массовой печати рассматривались как политическая проблема.

Научные исследования языка газеты проводились по заданиям партийных органов. При этом анализировали понимание газеты малоподготовленной аудиторией в сочетании с социологическим изучением читателей. В этих работах применялись такие методические приемы социолингвистического описания газеты, как анкетирование со списками слов, значение которых требовало проверки; сравнение словников газет и словников писем в редакцию; сравнение синтаксического строя газет, ориентированных на разную аудиторию.[1]

Эти методы изучения языка не получили, однако, развития в последующие десятилетия: культурная революция сосредоточила усилия советской общественности на повышении общеобразовательного уровня и речевой культуры населения, на стабилизации литературной языковой нормы.

Так как опыты социолингвистического анализа газеты пока единичны, каждое новое исследование экспериментирует в поиске методики, соответствующей его конкретным задачам. В наших работах[2] исходными экстралингвистическими факторами являются типологические признаки издания (политическая программа; тематическая характеристика, социальный состав читательской аудитории; время, место, периодичность выхода, формат и др.); социально-исторические условия его функционирования (политическая, экономическая, социально-классовая характеристика общества); социально-психологические особенности его читательской аудитории. В качестве единиц языкового анализа мы берем рубрики, заголовки, тексты информационных заметок. При выборе жанра мы исходим из того, что информационная заметка — обязательный компонент газеты любого профиля и что различные виды информационной заметки имеют большую стилистическую амплитуду, позволяющую наиболее полно раскрыть типологическую специфику изданий.

Социолингвистический анализ советской прессы в диахроническом плане выявил очень четкую закономерность: конкретная историческая эпоха, конкретная политическая ситуация в стране влияют на стиль прессы, создают определенный модус оценки, определяют соотношение эмоционального, социального и спонтанного компонентов в языке газетных изданий.

Как известно, декрет о печати, подписанный В.И. Лениным 9 ноября 1917 года, привел к созданию однопартийной системы печати, которая строилась по иерархическому принципу: "Правда" (центральная), "Ленинградская правда", "Московская правда", "Новгородская правда" и т.д. (территориальный принцип); "Комсомольская правда", "Пионерская правда" (возрастной принцип).

Монополия одной партии на прессу привела к преобладанию официально-делового стиля во всех изданиях, включая молодежные и детские. Стандарт преобладал над экспрессией, механическое повторение общих фраз программировало догматическое одновариантное восприятие действительности. Это было в интересах тоталитарного режима, который, тормозя развитие личности, приводил к застойным явлениям в интеллектуальной жизни общества.

---

[1] *Шафир Я.* Газета и деревня. М.,1923; *Шпильрейн И.Н., Рейтынберг Д.И., Нецкий Г.О.* Язык Красноармейца: Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона М., Л., 1928; *Гус М., Загорянский Ю., Каганович Н.*, Язык газеты. М., 1926.

[2] *Лысакова, И.П* Тип газеты и стиль публикации. Опыт социолингвистического исследования. Л., 1989; Пресса перестройки. М., 1993.

Политизация общества — не изобретение перестройки, а специфика советского строя, который наряду с командно-административной системой управления должен был создать систему своей идеологической защиты. Газета, по мысли основателя Советского государства В.И. Ленина, являлась "коллективным пропагандистом, агитатором и организатором" общества. Незнание этой функции русской советской прессы (1917-1989) может исказить содержание слова в газете и привести к ложному представлению о русском менталитете и о политической жизни в Советской России.

Массовая политизация общества осуществлялась через миллионные тиражи партийных, комсомольских и пионерских изданий, которые читались и обсуждались в учебных классах и в цехах предприятий. В 1986 году в Советском Союзе издавалось 8515 газет разовым тиражом 198,1 млн. экземпляров. Это значит, что каждый работоспособный гражданин мог иметь свою газету.

Газеты издавались на 55 языках народов СССР. Это были общеполитические и отраслевые газеты, молодежные и детские. Они могли быть дневными и вечерними, центральными и городскими, районными и заводскими. С августа по октябрь каждого года на предприятиях и в учебных заведениях проходила подписная кампания. Так как газеты и журналы были очень дешевые, многие семьи выписывали несколько разных изданий.

Если учесть жесткое требование к коммунистам (19 млн. человек) и к комсомольцам (38 млн. человек) выписывать партийную и комсомольскую прессу, обязательно обсуждать материалы газет на политинформациях и в школах политического просвещения, то можно представить, каких масштабов достигала политизация общества в Советском Союзе.

Анализируя уровень политизации в бывшем СССР, необходимо учитывать роль КПСС в организации работы по народному просвещению. РСДРП(б) победила в стране, в которой 4/5 населения составляло крестьянство, причем грамотной была лишь одна треть населения. 26 декабря 1919 года В.И.Ленин подписал декрет об обязательном бесплатном обучении грамоте всех лиц от 8 до 50 лет. В условиях централизованного управления народным просвещением вскоре обязательным стало начальное, потом восьмилетнее, а затем и среднее образование.

На формирование общественного сознания советского народа большое влияние оказала прекрасно организованная структура политического управления системой средств массовой информации. Идеологические отделы партийных

00050340

комитетов (от Центрального до местных) контролировали не только содержание газет и журналов, но и их языковое оформление. Уже в 1918 году Центральный комитет партии принял решение об издании газет, рассчитанных на разный уровень грамотности читателей для того, чтобы охватить политическим влиянием все слои населения. Для наиболее грамотных рабочих и партийных руководителей издавалась "Правда", а для беднейших малограмотных слоев населения - "Беднота".

Четкая классовая оценка, эмоциональные разговорные заголовки, набранные крупным шрифтом, обилие писем крестьян о житейских трудностях - таковы особенности стиля газет для массового читателя. Разговорность и эмоциональность вызывали доверие малограмотных людей к "Бедноте", которое усиливалось оттого, что письма с жалобами направлялись редакциями в органы власти для ответа на критику. Задолго до всеобщей грамотности населения Коммунистическая партия научила народ относиться к печатному слову как к инструменту власти и советская газета была доступным посредником между человеком и властью.

Ментальность советского народа формировалась под лозунгами классовой борьбы. Стилистическая палитра прессы имела в основном набор контрастных (черно-белых) тонов и эмоциональных оценок. Восторженная гиперболизация советского общества в послереволюционные и последующие годы соседствовала с уничижительным изображением классового врага, жесткой антитезой "они"-"мы". Императивность и декларирование лозунгов (*"Поднимем миллионы на штурм мясной проблемы!", "Комсомольская организация блестяще сдала экзамен на политическую сознательность!", "Колхозная система должна взять большевистские темпы в организации нового колхозного прилива!")* — яркая особенность стиля не только 20-х годов, но и всего советского периода.

По мере укрепления командно-административной системы к концу первого десятилетия Советской власти во всех газетах утверждались директивно-императивные интонации, нивелировался стиль разных изданий. В 30-е годы закрылись популярные массовые газеты "*Беднота*" и "*Крестьянская газета*".

Как показывает опыт советской прессы, казенный язык периодических изданий - это не столько следствие неграмотности журналистов, сколько результат тоталитаризации политической системы, которая формировала "однополушарное" мышление советского человека.

Жесткая идеологическая цензура привела к преобладанию стандарта над экспрессией во всех типах изданий, породила "канцелярит" — особый советский "новояз" (сложносокращенные слова, аббревиатуры, оценочные клише), в газетах появились специфические жанровые формы (передовая статья, отчеты с партийных конференций и др.). Наиболее коварно идеологическое влияние проводилось через создание специального семантического кода газетного языка, который отражал двойные стандарты социальной жизни и, порождая феномен двоемыслия, формировал иллюзорную картину мира в головах читателей. Так, родились новые смыслы у глаголов *"выбить"* (добиться решения вопроса), *"пробить"* (с трудом получить разрешение), *"отфутболить"* (отослать к другому начальнику), *"закопать"* (не решать вопрос долгое время), *"скорректировать"* (изменить задание в сторону уменьшения плана) и др. Полуправда в газетах искусно маскировалась эвфемизмами: вор - *"несун"*, краденое - *"левое"*, провал *"просчет"* и т.д. Такая подмена понятий обусловлена социальными условиями функционирования языка, однако сама возможность подмены объясняется психофизиологическим механизмом порождения и восприятия речи.[3]

Гносеологические корни этого явления — относительная самостоятельность формы и содержания слова, в результате которой один знак может иметь несколько содержаний (полисемия и омонимия), а одно содержание может быть выражено разными знаками (синонимия).[4]

Субъективные элементы значения слова являются предметом внимания не только лингвистов, но и философов, психологов. По мнению А.Н.Леонтьева, общественно выработанные значения в сознании индивидов приобретают пристрастность, "личностный, субъективный смысл", который может менять значение слова, не меняя "одежды".[5]

Исследования физиологов свидетельствуют, что многозначные слова можно рассматривать как раздражители с несколькими выработанными

---

[3]Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации. Сб. научных трудов. СПб, 1993, С.53-63.

[4] *Карцевский С.* Об ассиметричном дуализме лингвистического знака// *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.II, М.: 1965. С.85-90.

[5] *Леонтьев А.Н.* Действительность. Сознание. Личность. М.: 1975. - С.144-155. Ср.: *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: 1973. С.127-130; *Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М.: 1979. С.81-84. О механизме изменения значения слов см.: *Гак В.Г.* К проблеме соотношения языка и действительности. Вопросы языкознания, 1972, 5, С.20-22.

реакциями.[6] Если учесть, что звучание слов и их значение хранятся у человека в разных полушариях мозга, а одно слово может входить в состав различных семантических полей, то становится все более убедительным опровергаемый в прошлом тезис о том, что в языке столько слов, сколько значений.[7]

Двуликость слова, скрещение в нем разнонаправленных акцентов - самое коварное оружие в политической борьбе. Например, слова *"свобода", "демократия", "права человека"* имеют разные денотаты в речи представителей разных политических партий. Исследователи языка прессы предполагают ввести даже термин ***"идеологема"*** для таких социальных инвариантов.[8]

Проблема "личностных смыслов" имеет точки соприкосновения с теориями "значимости" слова Ф. де Соссюра и "ценности" слова И.А.Бодуэна де Куртенэ[9], высказанными ими в начале XX века. Эта проблема всегда будет актуальна для исследователей взаимоотношений языка и общества, так как без элементов субъективного нет процесса познания.

При определенных обстоятельствах "личностные" смыслы могут переходить из разряда "приращений" в разряд "сужений" значения слова. Именно такова, на наш взгляд, природа речевого штампа.

Психофизиологический механизм образования штампа связан с повторением следов в памяти при употреблении слова. Этот же механизм работает и при создании речевых стандартов. Но отличительные черты стандарта — воспроизводимость, . однозначная семантика, и, прежде всего, нейтрально-нормативная окраска. Условием перехода стандарта в штамп является утрата нормативной нейтральности. Штамп - *"не столько затасканный и извращенный стандарт, сколько изнасилованная жанром идиома, метафора, фразеологическая и образная единица"*.[10] В разряд штампов переходят, как правило, эмоционально-экспрессивные формы языка, те формы, которые содержат

---

[6] *Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д.* Аспекты исследования семантики слова /Психологический журнал, 1982, Т.2, 5, С.29.

[7] *Залевская А.А.* О слове в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.

[8] *Нойберт А.* К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики. - В кн.: Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык - идеология - общество. Сост. проф. д-р Г. Фойдель, перевод с нем. Н.Б.Мальцевой, Предисловие и общая редакция проф. Н.С.Чемоданова. М., 1979, С.63; Ср.: *Солганик Г.Я.* Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования. М., 1976, С.40-41.

[9] *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. С.148-149. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т.II., М., 1963, С.83.

[10] *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971. С.202-203. Ср.: *Солганик Г.Я.* Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования. М., 1976. С.18-19.

"личностные смыслы", дополнительные "приращения смысла", актуализированные в конкретном речевом акте за счет контекстных, ситуационных связей. Когда экспрессивная форма переносится в другие контексты и ситуации, случайные односторонние признаки, породившие образную номинацию, не работают и вступают в конфликтные отношения с денотатом.

В основе психологических причин образования штампов лежит физиологический принцип адаптации к сильному раздражителю.

Рассмотрим типичное для советской прессы 60-х годов предложение:[11]

"Правильная механизация нашего строительства является мощным и действенным средством и важнейшей основой резкого повышения производительности труда".

Подчеркнутые эпитеты, на наш взгляд, являются избыточными определениями, которые приводят к тавтологии и девальвации значения целого предложения (слово *"правильная"* является лишним в данном словосочетании, так как *"неправильная"* механизация - абсурд, а *"мощное"* средство, как правило, является действенным; существительное *"основа"* имеет в ядре своего лексического значения сему *"важный"*, а *"повышение"* уже само по себе имеет положительные коннотации и усиливать его словом *"резкий"* в этом контексте нет надобности).

Многословие, гиперболизация признака и штампы - безошибочные сигналы формализации журналистики. Правда, частичная или полная утрата словом значения (семантическая сатиация) явление, естественное для развития языка: в этом проявляется относительная самостоятельность формы, которая может отставать от развития содержания, но в прессе абсолютизация формы - явление социально вредное, так как приводит к *"падению лингвистической валюты"*[12] и является не только показателем инертной авторской мысли, но и средством формирования такой же застывшей мысли читателя. Механическое повторение общих фраз и штампов программирует догматическое, искаженное восприятие действительности получателем информации, что в конечном счете тормозит развитие личности и приводит к прямо противоположному эффекту воздействия.

Пресса каждого десятилетия Советской власти создавала свою стилистическую палитру в зависимости от поворотов линии партии.

---

[11]Пример заимствован у К.И.Чуковского. См.: *Чуковский К.И.* От двух до пяти. Живой как жизнь. М., 1968. С.694-695.

[12]*Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929. С.158.

Журналисты знали, что отступление от канцелярита трактуется как инакомыслие. Безопаснее сказать *"достигнутые* успехи", чем "успехи"; "*настоящее* мастерство", чем "мастерство"; *"Что мы имеем на сегодняшний день в смысле дальнейшего развития товарной линии производства молочной продукции и ликвидирования ее отставания по плану надоев молока?"* вместо *"Как делать больше сметаны и творога?"*. Даже в разговоре родителей с детьми можно было услышать официальное: *"Ты по какому вопросу плачешь?"*, а в пирожковых вместо: *"Приятного аппетита!"* людей встречали суровые плакаты: *"Предприятия общественного питания предназначены для потребления продукции на месте"*.

Газетное слово внедрялось в сознание людей во всех сферах жизни, так как средства массовой информации, контролируемые ЦК КПСС, пользовались авторитетом как рупор власти. Страх нарушить стандарт создавал двоемыслие, и такая затянутая тиной эвфемизмов жизнь с двойными стандартами, с "деревянным" партийным канцеляритом считалась нормой до 1986 года. Очень точно охарактеризовал газетный стиль советского времени сатирик М. Задорнов в фельетоне *"Ассортимент для контингента":"Если б А.П.Чехов работал в современной газете, ему б не дали написать так 'несовременно': 'В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...'. Он бы наверняка постарался блеснуть журналистским красноречием: 'В человеческом индивидууме все должно отвечать эстетическим нормам: и морально-нравственный фактор, и внутренние резервы, и изделия текстильной промышленности, и лицевой фасад'."* [13]

Многие поколения советских людей, не бывавших за границей и никогда не читавших других газет, кроме родных, московских, искренне верили "Правде" (ленинградской, московской, комсомольской, пионерской), горячо любили своих вождей и с удовольствием пели красивую песню популярного композитора И. Дунаевского: *"Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!"* Клише и стереотипы газетных текстов входили в сознание советских людей с детского сада, и поэтому формировалось очень монолитное общество, воспитанное на одном политическом тезаурусе.

Новый политический курс, провозглашенный М.С. Горбачевым, изменил стилистику советских газет. В 1986 году полифония общественного мнения появилась в "Правде", "Московских новостях", в журнале "Огонек". Новые темы, запрещенные цензурой советского периода (религия, эмиграция, положение в армии, репрессии и голод 30-х годов), требовали новой лексики и новых оценок.

Социопсихолингвистические эксперименты по восприятию рубрик, заголовков и текстов в газетах выявили различие в восприятии газетных формул людьми разного возраста, пола, профессии и образования.[14] Исследования показали, что большинство читателей предпочитает эмоциональные разговорные конструкции официально-деловым безличным структурам, однако обилие эмоций, как правило, не нравится людям старшего поколения.

Разрушение идеологических стереотипов стало главной особенностью прессы перестройки. Прежде всего это выражалось в иронии и сарказме. Молодежная газета "Смена", например, открыла раздел "Факс уполномочен заявить". Каждый взрослый человек в СССР знал клише "ТАСС уполномочен заявить", которое имели официальные сообщения правительственного агентства. Трансформация этой высокой фразы воспринималась как дерзость. Веселый вызов официозу стал стилистической доминантой рубрик и заголовков этого раздела. Иронией было пронизано название рубрики *"Я другой такой страны не знаю"*, меланхолично звучала знакомая из классической литературы формула *"В губернском городе СПб"*, чем-то домашним веяло от *"А в это время за границей"*. Отказавшись от стандартных *"Дневник событий"*, *"Телеграфные агентства сообщают"*, газеты стали взахлеб употреблять разговорную и даже жаргонную лексику (*"Все мы немножко с прибабахом"*, *"Нац-болы справляют поминки по большевикам"*). Газета "Час ник" в январе 1991 года открыла даже специальную рубрику *"Без балды"*. *"Фанатейте с нами!"* - обращалась газета от имени подростков к родителям. А чтобы познакомить родителей со значениями слов *"тусовка"*, *"кайф"*, *"фанатеть"*, "Час пик" стала печатать *"балдежный разговорник"* под названием *"Шнурки в стакане"*.

Дестандартизация газетного стиля проходила и в текстах традиционных жанров. Так, в информациях под шапкой *"Факс уполномочен заявить"* нередко угадывалась пародия на официальную тассовскую заметку: *"1-2 сентября в Ленинграде состоялась учредительная конференция партии любителей пива (ПЛП). Рассмотрены проекты устава и программы партии, которые предполагается принять на первом съезде в начале октября. Основные цели ПЛП — борьба за повышение качества любимой продукции и повышение культуры ее потребления"* ("Смена"). Разрушалась политическая система советского государства, и пресса,

---

[13] *Задорнов М.Н.* Ассортимент для контингента.- Огонек, 1988, № 15.

смеясь, расставалась со своим прошлым. На смену официальной информационной программе телевидения *"Время"* пришло *"Времечко"*, рядом с *"Сегодня"* - *"Намедни"*. Не только просторечие раскрашивало новый эфир, возрождались и старинные русские слова, придавая новый шарм телевизионному и радиовещательному слову. Российское телевидение, получив 13 мая 1991 года свой канал вещания, назвало информационную программу не "Новости" и не "Последние известия", а *"Вести"*. Старое русское слово "вести", сохранив дыхание древности, как бы подчеркивало неординарность новой программы и было альтернативой официальному "Времени".

За годы перестройки изменилась жанровая структура прессы, изменилась и структура системы периодических изданий. Нет уже иерархии "правд" районного и заводского масштабов. Отмена цензуры (1 августа 1990 года) принесла журналистам независимость и свободу стиля. И если стандарты прошлого канцелярита еще иногда проглядывают через ширму современной лексики в *"Бирже новостей"* (Санкт-Петербургские новости), то *"Аргументы и факты"*, *"Комсомольская правда"* и массовая еженедельная газета *"Час пик"* разрушили его до основания.

Конечно, переход от монизма к плюрализму проходит в наших средствах массовой информации не всегда цивилизованным путем, подчас без соблюдения правил классического красноречия. Отсутствие в школьных и вузовских программах курсов риторики, низкая лингвистическая культура населения (плохое знание иностранных языков и стилистического многообразия родного языка) привело к пестроте речевой палитры в эфире (радио, телевидение) и в прессе. Эта хаотическая пестрота, наряду с оправданным употреблением просторечий (например, на полосе для подростков *"Без балды"* в газете "Час пик") и заимствованных слов в таких специальных изданиях, как *"Коммерсантъ"*, *"Эхо"*, часто не отвечает критериям стилистической целесообразности, разрушает гармонию жанра и типа издания.

Изменившаяся стилистика прессы отражает изменения в обществе. Конечно, плюрализм мнений, разнообразие общественных движений не регулируются так четко, как в былые времена регулировались правила движения журналистов по газетным полосам и телевизионному эфиру, поэтому современная стилистическая палитра прессы значительно разнообразнее. Можно ли считать эти процессы

---

[14] *Лысакова И.П.* Социология, журналистика и социолингвистика.- В кн. Журналист. Пресса. Аудитория. Вып.4. Л., 1991, С.60-62. *Гусева Н.А., Лысакова И.П.* Восприятие молодежью газетной

революцией в газетно-публицистическом стиле русского языка? С нашей точки зрения - да, так как не эволюционировала, а сломалась вся система идеологической защиты политического режима, рухнувшего в августе 1991 года.

Легализация самиздата способствовала разрушению стилистических стандартов официальных изданий, возникли не только новые модели рубрик и заголовок (*В губернском городе СПб, Без балды*), но и новые жанровые формы (реклама). После августа 1991 года стилистические изменения закрепились в типологических особенностях новых газет, идентифицируя революционные изменения в обществе. Стилистическая доминанта типа издания проходит, как и раньше, через рубрики, заголовки, тексты, но каждое профессионально исполненное издание имеет специфический набор составляющих этой доминанты.

Таким образом, социолингвистический анализ российской прессы в диахроническом плане выявляет очень четкую закономерность: конкретная историческая эпоха, конкретная политическая ситуация в стране влияют на стиль прессы, создают определенный модус оценки, определяют соотношения эмоционального, социального и спонтанного компонентов в языке газетных изданий.

лексики. Социологические исследования, 1989, 6. С.85-88.

Margarita Manukjan-Moser
Universität Zürich

Построение дискурсного пространства речевых реплик на визуально наблюдаемый объект

Одной из интересных областей лингвистики, с нашей точки зрения, является анализ дискурсных построений, т.е. речевых образований, продуцируемых в спонтанном внутриситуативном общении, при котором цельность произносимого определяется вовсе не строго предложенческими рамками, а выводится одновременно из нескольких данных фразового и трансфразового[1] уровней. При таком подходе в объектив исследователя попадает не просто произнесённая реплика, а сам момент зарождения (формирования) смысла данной реплики на перекрещении конситуативных параметров различной природы.

Исходя из предположения об определённой роли обстановки, типа личностей-участников коммуникативного акта, а также целенаправленности речеповеденческой активности последних в доформировании смысла реплики, высказанной говорящим, мы решили провести лингвистический анализ на очень ограниченном (скажем, первородно-примитивном) типе дискурсных отрезков, а именно, реплик, стимулированных внешним раздражителем. Из всех видов реплик, стимулированных внешним раздражителем, мы выбрали для исследования только те, поводом к порождению которых являются реальные объекты экстралингвистического мира, визуально наблюдаемые (обязательное условие) одновременно как говорящим, так и адресатом в момент построения фразы об этом объекте, фразы, вовлечённой в оборот коммуникации. Такое ограничение объекта анализа объясняется его многообразием, сложностью, а также порой трудноуловимостью проблемы реагирования, уходящей в глубь языкового и конситуативного мышления участников диалогического контакта. Лингвисты предсказывают сложность анализа такого типа диалогического поведения, как реплицированние, стимулированное извне, ввиду многоуровневости и мгновенности (отсюда трудноуловимость) работы конситуативного мышления

---

[1] По трансфразовому анализу смотри след. раб.: *Абрамов Б.А.* "Трансфрастика и её объект" в тезисах докладов Всесоюзной научной конференции „Коммуникативные единицы языка", М., 12-13 дек. 1984 г. с. 3-4.; *Вейхман Г.А.* „Предложения и синтаксические единства" в журнале Вопросы языкознания (ВЯ), № 4, 1981г.; *Падучева Е. В.* "Прагматические аспекты связанности диалога" ИАН СЛЯ 1982, № 4.; *Вейхман Г.А.* Дериваты вопросно-ответных единств (ВОЕ)" в журнале ВЯ, №5, 1984 г.;

интерлокуторов, а также индивидуальных факторов восприятия объекта речи в диапазоне от личностно-психологических до личностно-телеологических. По сути, речевые реплики ситуативного реагирования являются реализованным результатом того процесса, который можно было бы представить себе в виде столкновения СИСТЕМЫ и СРЕДЫ, иначе стандарта, лежащего в виртуальном языковом сознании носителей языка, и того внеязыкового окружения, в котором и по потребностям которого имеет место языковое применение, что в свою очередь предполагает вхождение в действие актуального[2] языкового сознания носителей языка. В данном случае внеязыковое окружение понимается нами широко, что охватывает и экстралингвистическую действительность, и человека с его потребностями, интенциями и соответствующим речевым и неречевым поведением. Языковое применение структур диктует свои собственные законы.

Анализ разговорных реализаций стандартных структур (разговорная речь- *РР*) в истории русской лингвистики начался ещё в начале 60-х годов. После многочисленных обсуждений вопроса о статусе и особенностях русской *РР* на страницах лингвистических журналов [3] наконец была осознана необходимость определять „*РР как особую языковую систему, противопоставленную в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку*",[4] как систему, первым отличительным признаком которой, по Земской, „*справедливо называть конситуативность*"[5]. В связи с этим появилось немало работ, авторы которых пытались найти ***причины появления*** и жизнестойкости пустых мест в трансформированных предложениях. Появилось понятие „пустое синтаксическое место" (ПСМ), что более закрепилось в качестве термина „незамещённая синтаксичекая позиция" (НСП), которую Е. Н. Ширяев определил как „*любое значимое отсутствие компонента в позиционной структуре предложения*"[6]. В дальнейших своих исследованиях Ширяев ограничился анализом системных языковых отношений, ***не уделив должного внимания речевым условиям как***

Калашникова Г.Ф., Альникова В.Ю. „О структурной организации русского полипредикативного сложносочинённого предложения" в журнале ВЯ, №6, 1991 г.

[2]О виртуальных и актуальных единицах языка см. *Ш..Балли* 1955г.

[3] *О. А. Лаптева*. Русский разговорный синтаксис, М. "Наука", 1976 г.

[4]*Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев*. Русская разговорная речь (Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис), М., „Наука", 1981 г.,с 5.

[5]Там же, с. 191.

[6] *Е. Н. Ширяев*. „Основы системного описания незамещённых синтаксических позиций.", в межвуз. сбор.: Ситаксические структуры (системный анализ значимых единиц русского языка), Красноярск, 1984 г., стр. 13.

источнику НСП, которые, по его собственному определению, *„многообразны и подвижны"* и поэтому едва ли могут быть описаны. В результате были описаны парадигматические и синтагматические сигналы синтаксических нулей, а также методы выявления нуля через прямую и обратную валентности.[7] Последнее предполагало, отталкиваясь от наличествующего слова, идти обратно по речевой цепи и далее, определив валентностные свойства предыдущего слова, восстановить само это слово. Напр., *Он — в Москву*, так как предлог „в" с винительным падежом означает „пункт следования", следовательно, в данном предложении НСП должен занимать глагол движения. Однако, такой внутрипредложенческий подход оказывается недостаточным, т.к. данная реплика, сказанная о ком-либо наблюдаемом в момент, когда тот пишет письмо, может включать в свою НСП глагол „писать"; если наблюдаемый субъект говорит по телефону,— то возможен глагол „звонить", равно как и глагол „отправлять", если последний, находясь на почте или на вокзале, сдаёт посылку в соответствующий отдел. Сходную точку зрения находим у Э. Адриана, который правомерно пишет : *„Е. Н. Ширяев не разграничивает конситуативно и системно обусловленные нулевые глаголы"*[8], признавая роль конситуации лишь для некоторых случаев. И далее Э. Адриан, опираясь на двустороннюю концепцию Г.В. Кол-шанского[9] о взаимодействии интра- и экстрафакторов в формировании смысла, добавляет: *„Если существует несколько лексико-семантических возможностей, то выбор определяется конситуацией (внесистемными факторами)"*.[10]

Далее в настоящей статье мы не собираемся заниматься подсчётом и типовым отнесением НСП к той или иной группе . По этому поводу уже написано немало интересных работ.[11] Об НСП мы упомянули лишь для того, чтобы поставить в центр рассмотрения те новые типы речевых структур, которые образуются с появлением нулей и которые, несмотря на кажущуюся „деформированность", обладают высоким коммуникативным потенциалом за

---

[7] Понятие обратной валентности введено в лингвистику Л. Б. Максимовой для анализа предложений с нулевым глаголом.

[8] Э. *Адриан*, ст. „Влияние системы языка и конситуации на высказывание без глагольного предиката" в сб.: Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ), №15, Современная зарубежная русистика, стр. 533.

[9] См. раб. *Г.В. Колшанского* Контекстная семантика М.,"Наука", 1980г.

[10] *НЗЛ*, №15, стр. 535.

[11] *D. Weiss* (1993); заслуживает интереса курс лекций по данной тематике, прочитанный проф. док. Даниелем Вайсом на отделении славянских языков (Славянский семинар) Цюрихского университета в 1994 г.

пределами предложения. Изменённые структуры, которые можно было бы условно назвать ***речевыми коммуникативами***, представляют большой интерес с точки зрения их *коммуникативной применимости*[12].

Далее рассмотрим некоторые типы коммуникативов (1), (2), (2а), (3), (4) и др.

Вежливая реплика-просьба:

(0)-Закрой, пожалуйста, дверь

считается вполне закономерной стандартной реализацией речевого акта директивного типа, предполагающего стимуляцию какого-нибудь активного действия по отношению к экстралингвистическому объекту, иначе, к ***объекту дирекции***

Далее мы можем предъявить и другие варианты реализации данного речевого акта. Один из героев фильма „Укрощение строптивого" (эту роль исполнял А. Челентано) врывается в комнату к лежачему больному и, наступив ногой на его кровать, перепрыгивает через неё, подходит к окну и открывает его. Каждое движение нашего героя больной сопровождает криками :

(1) —*ДВЕРЬ... КРОВАТЬ... ОКНО...*,
(1а) (1б) (1в)

что в конситуации понимается как (1а) -"*Закрой дверь*",(1б) -"*Не наступай в туфлях на кровать*", (1в) - "*Не открывай окно, потому что я болен*".

Затем „строптивый" уходит тем же путём, оставив после себя открытыми окно и дверь. Больной кричит ему вслед в обратной последовательности:

(2) — *Окно... Кровать ... Дверь ....*,
(2а) (2б) (2в)

что соответственно интерпретируется как (2а) -"*Закрой окно*", (2б) -"*Не наступай в туфлях на кровать*", и (2в) -"*Закрой за собой дверь*".

Правомерно возникает вопрос : является ли краткая реплика

---

[12] О некоторых коммуникативных интерпретациях односоставных именных предложений в различных ситуативных условиях говорилось уже на VI Конгрессе славистов в 1968 г.

(1)“*Дверь -*“, понимаемая в конситуации как (1.1) „*Закрой дверь*“, всего лишь речевой реализацией стандартной реплики (0) „*Закрой, пожалуйста, дверь*“, демонстрирующей разницу в стиле реализации данного речевого акта только по критерию „***вежливо-невежливо*** ?“

При анализе данных реплик с точки зрения действия фактора наблюдаемости перед исследователем открываются новые горизонты. Оказывается, что названные типы реплик (1) и (0) употребимы в различных конситуативных условиях и направлены на достижение не абсолютно идентичных перлокутивных эффектов. Как нам кажется, при произнесении полной реплики (0) в сознании говорящего имеется уже не раз оговорённая в лингвистической литературе пресуппозиция открытой двери, для нас же важно то, что при этом ***визуальное отношение говорящего к объекту дирекции немаркировано***. Последнее означает, что невозможно точно сказать, воспроизводит ли говорящий по памяти предречевое состояние объекта (открытую дверь) или сам видит его в момент введения анализируемой реплики в речь.

Иначе обстоит дело с примером (1), или (2). Такого типа обрывочные реплики директивного типа рождаются в конситуации, сформированной из нескольких условий:

а) в результате усилий кого-то, или чего-то (напр., если активным деятелем является ветер, сквозняк) меняется физическое положение объекта дирекции;

б) имеет место обязательное визуальное наблюдение говорящим изменённого-изменяющегося положения объекта в момент или непосредственно до произнесения им реплики;

в) говорящий предвидит отрицательные для адресата или третьего лица (или предмета) последствия в случае, если наблюдаемое им изменение дойдёт до предела;

г) самим фактом произнесения кратких реплик говорящий выражает несогласие с изменённым / изменяющимся на глазах положением объекта, что может быть расценено как своего рода протест против производимого/ происходящего действия.

Обрывочность и незавершённость реплики создаёт ***эффект сиюминутности и категоричности протеста*** говорящего против наблюдаемых им изменений объекта, при этом краткость реплики как бы символизирует толчок к скорейшему антидействию. Ярким примером к последней мысли может послужить следующая реплика:

(3) — *"Дверь / Дверь / Сквозняк..."*,
(3а) (3б) (3в)

произносимая в момент визуального наблюдения говорящим захлопывающейся двери, при этом налицо стимул к антидействию и, желательно, до того, как само действие дойдёт до своего полного предела, напр., дверь захлопнется.

Дроблёное, неоднократное упоминание объекта дирекции также создаёт эффект неотложности, срочной необходимости антидействия, при этом употреблённая реплика соответственно будет отнесена к типу срочного неотложного антидействия. Эффект неотложности, срочной необходимости антидействия создаётся также интонационными средствами, такими, как произнесение реплики на одном дыхании, без пауз между частями реплики.

По нашим, возможно, спорным языковым ощущениям, эффект неотложности, срочной необходимости антидействия может быть создан также определёнными изменениями морфологического характера, а именно подачей исходных (нейтральных) форм вместо ожидаемых по контексту склоняемых или спрягаемых, например, Nom. вместо Acc. в реплике (4):

(4) — *Ваза / Ваза...*,

произносимой в момент визуального наблюдения падающей со стола вазы и обращённой к адресату, означает „*держи вазу*" (Acc.)

Тот же ***эффект категоричности*** создаётся при использовании инфинитивной (изначальной) формы глагола при обращении к собеседнику т.е. там, где ожидается спрягаемая форма, ср.: „*Держи вазу...*" и „*Держать вазу...* ", или, ещё лучше — просто „*Держать*". Последний вариант, в котором нейтрализованы показатели по лицу, всё же используется в коммуникативной ситуации при обращении к адресату, при этом такая адресованность воспринимается как подавляющая, нивелирующая со стороны говорящего, что и работает на создание эффекта категоричности.

Как видно из примера (4), падежная нейтрализация вовсе не лишает существительное коммуникативных прав, т.к., помимо названного

отсутствующего критерия, в нём, используемом в качестве коммуникатива, наблюдается наличие ещё двух не менее важных, а именно:

1) конкретная референтность и 2) сильная определённость, т. е. определённость объекта одновременно и для говорящего и для слушающего[13]. Оба эти критерия создаются за счёт обращённости участников коммуникативного акта к наблюдаемому ими объекту речи. Если обратиться к дейктическим теориям референции, исходящим *„из ситуации присутствия предмета в условиях коммуникации“*[14], то наблюдаемая в реплике (4) падежная нейтрализация становится более оправданной, ибо элемент коммуникатива „Ваза“ используется не с целью идентификации, номинации или презентации объекта реальности, а для того, чтобы, назвав его, указать на него, привлечь внимание адресата к нему. Для такой дейктической функции точность падежного выражения отходит на второй план,[15] *„ошибка в выборе частного признака в этом случае не меняет истинностного значения высказывания“*[16]. Усеченная дейктическая функция реплики (4) подтверждается возможностью замены *„Ваза/Ваза...“* на *„Смотри (туда)... срочно и прими меры“* (обозначим через (5)) в сочетании с указательным жестом в сторону падающей вазы. Конечно же, каждый из взаимозаменяемых вариантов (4) и (5) имеет набор своих отличительных признаков: например, реплика (5), в отличие от (4), необязательно маркирована признаком „стимуляция к неотложному антидействию“, что и определяет сферу её употребления, предпочтительно в тех контекстах, где ***нет необходимости в неотложном антидействии*** благодаря безопасным последствиям изменяющегося наблюдаемого объекта. Поэтому реплика *"Смотри (туда)"....* более уместна в сочетании с указательным жестом в сторону, например, падающей звезды.

Интересным в примере (3) выше является номинативное представление каузатора захлопывающейся двери (3б, т.е. Сквозняк), наличие которого на

---

[13] *Е. В. Падучева*. „Высказывание и его соотнесённость с действительностью“, (Референциальные аспекты семантики местоимений), Ак. Наук ССР, М., „Наука“, 1985 г., с 87.

[14] *НЗЛ*, №13, Логика и лингвистика, (Проблемы референции), Предисл. Н. Д. Арутюновой, с. 19.

[15] Падежная нейтрализация может расцениватся не с точки зрения ошибочности, ущербности реплики, а как ещё один показатель разговорности, нпр., как именительный темы. Об этом речь пойдёт далее в данной статье.

[16] *НЗЛ*, №13, Логика и лингвистика, с. 22.

поверхностном уровне реплик типа вышеназванного срочного неотложного действия представляется нам менее облигаторным.[17]

От упомянутого типа резко отличаются ***экспликативные реплики***, имеющие место в ситуации ***уже свершившегося действия***, приведшего к определённым последствиям, наблюдая которые, говорящий пытается объяснить их причину путём называния имени каузатора. Например, при визуальном наблюдении осколков стекла, разбитого из-за сквозняка скорее всего произносятся фразы:

(6) „*Сквозняк-*", или, „ *Это сквозняк тут...*", или же ещё варианты с эмоционально-оценочными усилителями : „*Какой сквозняк—* ", „*Надо же, сквозняк*", в которых наличие каузатора является обязательным. Часто сам объект-каузатор бывает невидим, он лишь выявляется, определяется, устанавливается говорящим по наблюдаемым им результатам изменённого состояния объекта. Хорошей иллюстрацией к сказанному может послужить следующий комментарий врача, внимательно осматривающего рентгеновский снимок больного:

(7) — *чёрные точки... Вот ещё скопления... И здесь ещё... Воспаление лёгких...*
(7а) (7б) (7в) (7г)

Поэтапное ступенчатое упоминание наблюдаемых деталей (чёрные точки, ещё скопления и т.д.) (7а, 7б, 7в) вырисовывает полную картину явления, источник которого (7г) выявляется в результате ***интеллектуального поиска*** говорящим, обладающим соответсвующей профессиональной подготовкой или опытом, что можно обозначить как ГОВ. (expert), в репликах же типа (6) говорящим может быть любой человек, что можно обозначить как ГОВ. (ljuboj). Ступечатость реплик (7) соответствует этапам аргументативно-поискового хода мысли, поэтому здесь упоминание наблюдаемых результатов искомой причины является более облигаторным, чем в реплике (6) выше. Если в репликах (6) каузатор всего лишь называется или констатируется, то в реплике (7) он должен быть сначала найден,

---

[17] В рамках реплик директиного типа интересно было бы рассмотреть целый спектр модальных смыслов, вносимых в высказывание такими элементами текстового уровня, как частицы, сравните: а) Закрой дверь.; б) Дверь, дверь! и в) Дверь —*то.* или *Ну*, дверь— *то.* В примерах (в) вычитывается следующая дополнительная информация: 1) об отношении говорящего к адресату речи, а именно компромиссность : \\\ ГОВ. согласен смириться со многими неудобствами, причиняемыми ему адресатом (адресат пришёл в неудобный для говорящего момент, кричит, мешает, оставил за собой дверь открытой и т. д.), но и адресат в свою очередь должен пойти на компромисс и *по крайней мере, хотя бы* закрыть за собой дверь (Дверь—то...)\\\ ; 2) о различного типа эмотивных отношениях говорящего к происходящему, напр, выражение нетерпимости и раздражённости говорящего из-за необходимости безрезультатно повторять одну и ту же просьбу адресату уже второй, третий раз (Ну, дверь то...).

выявлен, само же его номинативное появление в структуре реплики означает, что он в результате поиска уже выявлен говорящим или считается им таковым. С этой точки зрения, можно было бы для большей точности реплик с маркером ГОВ. (expert) отнести к подтипу ***экспликативно-выявительных***.

Но представим себе другую ситуацию, а именно — слепого студента поселили в общежитии, и он на ощупь изучает свою новую комнату. Шаг за шагом он открывает для себя своё жизненное пространство:

(8) *— ДВЕРЬ ..КРОВАТЬ..ОКНО ...*

что понимается, как „то, что я ощупываю пальцами, опознаётся мной как нечто, общепризнанно называемое всеми членами данного языкового сообщества дверью, кроватью, окном".

Конечно, мы не забываем о том, что последний пример может вызвать возражения в том плане, что реплики эти порождаются на основе сигналов, полученных не визуально, а на ощупь. Однако, при нестрогом ограничении объекта анализа, данный тип реплик может оказаться в пограничном рассмотрении, ибо он всё-таки представляет собой реакцию-идентификацию по моментально воспринятым признакам, хотя эта „моментальность" несколько и растягивается во времени из-за перекрытости визуального канала. Названная „растянутость" как бы утрирует сам процесс идентификации и тем самым помогает увидеть категорическую разно-родность схожих на поверхностном уровне назывных структур в репликах (1) и (8). Именно этими соображениями продиктован наш выбор такого пограничного примера. Примеры такого типа интересны ещё и тем, что в них ослаблена адресованность, т.к. говорящий идентифицирует объект речи не для слушающего с целью сообщить ему эту информацию, а для себя самого с целью опознать объект, при этом любой человек, находясь рядом, попадает в поле адресации и невольно перенимает функцию коррекции опознаваемого незрячим говорящим.

К несколько иному типу идентификации могут быть отнесены реплики ***неожиданного обнаружения*** объекта реакции (пример (9) ниже), по сравнению с которыми реплики вышеприведённого типа (8) можно было бы назвать типом ***поискового обнаружения:***

(9) —*ДВЕРЬ.*

- восклицает один из героев сказки „Приключение Буратино", после того как срывается холст с нарисованным очагом в каморке у папы Карло. По поводу примеров данного типа можно было бы ожидать возражения, что, мол, нет никакого различая в смыслах их полных и редуцированных вариантов. Сравним следующие реплики :

(9): —Дверь., и (10): — Я вижу дверь;
или же ещё
(11): — Пожар!?, и (12): — Я вижу пожар.

Как нам кажется, редуцированные варианты (9) и (11), представляющие собой минимальное наличие значимых сегментных показателей, характеризуются, однако, (так же, как вышеприведённые реплики (1)) перенасыщенностью их импульсами супер- и супрасегментного качества и поэтому могут обладать максимальной информативной потенцией. Фактически, ***помимо значений неожиданности, внезапности обнаружения объекта, удивления, радости или даже страха перед неизвестным и неожиданным*** (как в примере (9)), ***неполные реплики могут стать сигналом к перераспределению ролей для всех участников контакта***, присутствующих в конситуации произнесения фразы (11), а именно : кто-то должен спасаться от пожара, кто-то - помогать спасать погорельцев, кто-то - тушить пожар, а кто-то - звать на помощь и т. д. Анализу подобных перлокутивных эффектов может быть посвящена отдельная статья. Мы же хотели бы сопоставить реплики (11) — *"Пожар!"* и (12) — *"я вижу пожар".*

Многолетние наблюдения над репликами, произносимыми в конситуативных условиях, привели нас к идее о зависимости типа оформления фразы на поверхностном уровне помимо многих других показателей ещё и ***от места нахождения говорящего***, а также остальных коммуникантов по отношению к наблюдаемому объекту, являющемуся экстралингвистическим стимулом к речи.

Как нам кажется, полная реплика *„я вижу пожар"* скорее всего появится тогда, когда объект (пожар) находится на обозримом, однако отдалённом от участников контакта расстоянии. При этом обязательность предиката диктуется возможным при ***отдалённом наблюдении*** объекта речи отрицательным результатом *(„я не вижу пожара из-за тумана, или из-за наступивших сумерек")*. При нахождении же говорящего на близком от объекта расстоянии (для краткости

назовём *„погруженное наблюдение объекта“*) возможность отрицательного результата чисто логически исключается, (ибо невозможно находиться рядом и ничего не видеть), что снимает противопоставление видеть-не видеть, а вместе с этим и необходимость в предикате.[18]

При отдалённом наблюдении говорящий находится как бы за чертой той территории, на которой имеет место событие, обозначенное полной предикативной репликой.

$<S_{Loc\,1}$ —,V— $O_{Loc\,2}>$,

при этом расчленённое представление предикативной основы реплики происходит параллельно осознанию говорящим самого себя вне события.[19] Само визуальное пространство как бы расчленяется на две части : Loc_1, место нахождения говорящего наблюдателя и Loc_2, место наблюдаемого события. Дадим вышеприведенной формуле более доступное прочтение: Субъект - наблюдатель (S), находящийся в одном пространстве (Loc_1), зрительно воспринимает (V) объект наблюдения (O), находящийся в пространстве, которое в сознании говорящего в момент произнесения им в данной реплики интуитивно определено, т.е. другое (Loc_2). Смотри реплики (10) и (12).

При погружённом наблюдении говорящий вовлечён в событие, задет событием, находясь внутри определённых пределов, он как бы соединён с событием и поэтому оказывается подверженным всем отрицательным последствиям происходящего, при этом возможна след. реплика :

<O!?>, где O_{loc} — S_{loc1}, а V само собой разумеется.

При этом вышеприведённая реплика примет вид :

$<_{Loc\,1}$ (O-S) , конечно V> .

Интересно, что структурный компонент <O !?> появляется на поверхностном уровне не один, а с тенью своих глубинных синтагматических

---

[18]Мы не рассматриваем особые случаи, когда говорящий из-за шока временно теряет память или зрение.

[19]Мы имеем ввиду не только территориальное нахождение говорящего вне события, но и его личностную „незадетость“ т.е. ощущение себя и своих близких вне опасности, ибо и при отдалёном наблюдении событие может затронуть говорящего, если он знает, что в опасности находятся его близкие.

связей, по которым и угадывается его предикативное отнесение. При этом реплика „*Пожар*“ допускает двоякое развёртывание:

а) **субъектоцентрическое** [20]

т.е описание события с точки зрения воспринимающего субъекта, или относительно воспринимающего субъекта, кто-то воспринимает пожар:

< S — V— Пожар !?>

б) **объектоцентрическое**, при котором описание события как бы отделено от воспринимающего субъекта, а именно, пожар находится в том месте, которое попадает в поле восприятия говорящего:

<(Пожар-? —V находится — Loc.) —,= V — S >.

Свёрнутость, недосказанность реплики „*Пожар-?*“ позволяет объединить два этих типа отражения внеязыковой реальности, при этом возникает возможность обозначить пересечение линии самого события, реального факта с линией говорящего наблюдателя. Таким образом, в открытой, незавершённой реплике оказывается больше перспектив. Итак, наличие в репликах типа (11) и (12) различного набора коммуникативных прав приводит нас к мысли о том, что при дискурсном рассмотрении подобных фраз нет нужды считать их полными и краткими реализациями одной и той же структуры, тогда как важнее определить их ***как два разных вида речевых коммуникативов***

В некоторых случаях более утончённые языковые возможности разграничивают типы реплицирования при неожиданном обнаружении объекта реакции по признакам: первичность — неосознанность и вторичность — осознанность, например,

(13) „*Вода-?*“ и (14) „*Наводнение-?*“.

Очевидно, что из этих двух реплик первая более стимулирована поступившим через визуальный канал образом объекта реакции (здесь наплывом водной массы), чем вторая, представляющая собой название не отдельной детали, а самого события, и поэтому может оказаться всего лишь умозаключением.

---

[20] О существовании типов синтаксических построений, названных нами „субъектоцентрическим и объектоцентрическим“ свидетельствуют следующие реплики в русском „Вы смотрите первый канал немецкого ТВ“ и в немецком "*Hier ist das Erste Deutsche Programm*“ языках. Заметим, что объектоцентрический перевод немецкой фразы на русский язык оказывается ошибочным :

Первая реплика ***моментальна***, вторая - не всегда. Помимо признаков „первичность", „неосознанность", „моментальность" реплики типа *„Вода-!?"*, как нам кажется, могут быть охарактеризованы ещё и по критерию „тип наблюдения", а именно признаком "приближённое" (то же, что и выше -"погружённое" [21]) наблюдение, при котором "вода" как отдельная деталь всего события, заняв бóльшую часть поля визуального восприятия говорящего, охватывает и полный фокус внимания последнего.

И наконец вполне возможен следующий пример, сконструированный нами и построенный по типу известной фразы из стихов А. Блока *„Ночь. Улица. Фонарь. Аптека, Бессмысленный и тусклый свет."*, но для большей наглядности заполненный теми же лексическими единицами назывного характера, что и выше:

(15) —*ДВЕРЬ. КРОВАТЬ. ОКНО. Где я нахожусь? Как я попал сюда?*

Такие фразы интродуктивного характера можно было бы отнести к типу вводно-фоновых, или ***интродуктивно-фоновых*** реплик реагирования, потому что в начале они рисуют фон, в который погружен говорящий наблюдатель, внутри которого и в связи с которым последующие реплики приобретают значимость. Здесь возможна следующая интерпретация: некто начинает осознавать себя в новом пространстве (в данном примере очевидно возвращение его в реальное состояние, например, после обморока), но, не зная ничего о месте своего нахождения, этот некто начинает описывать всё вокруг себя, попадающее ему на глаза: „ Я вижу дверь, я вижу кровать, я вижу окно, все эти предметы в сумме составляют некое пространство, в котором я нахожусь и далее размышляю, действую и т.д."

Подобные явления так называемого „именного стиля", или иначе стиля „с именным зачином", характерны для поэзии 19-20 веков. У А. Фета находим : *„Шёпот. Робкое дыхание"*,

(16) *Шёпот* сердца, *уст* дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.
Свет ночной, ночные *тени*,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица.

---

* Здесь есть/находится первый канал немецкого ТВ.

[21] Имеется ввиду погружённость, ввергнутость говорящего в наблюдаемую им ситуацию, а не в воду.

Бледный *блеск и пурпур* розы,
Речь не говоря.
И *лобзания, и слёзы,*
И *заря, заря-...* (А. Фет, 1850 г.) и т.д.

В приведённом стихотворении налицо нанизывание на нить повествования целого ряда имён существительных при полном отсутствии глагола. Единственно возможными глаголами, имплицитно понимаемыми в контексте, допускающем элиминацию предиката, являются, с нашей точки зрения, глаголы восприятия „видеть и слышать". По свидетельствам литературоведов[22], тенденция именного стиля в поэзии А. Фета развивается в большей мере, чем у его современников. В дальнейшем именной стиль охватывает и поэзию А. Блока: *"Хохот. Всплески. Брызги...", „Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.", „Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна".* Явления именного стиля не просто предназначены для того, чтобы украсить ритм стихотворного построения. Именной стиль скрывает в себе субъективную шкалу отсчёта, центром которого является сам говорящий. Окружающий мир есть всего лишь сумма ощущений воспринимающего субъекта, испытываемая им к моменту речи в настоящем. Ещё в 1934 году было замечено,[23] что в современном русском языке все именные предложения воспринимаются под знаком настоящего времени. Характерная для реплик с „именным зачином" ***безглагольность*** придаёт повествованию ***регистр*** особого субъективно-эмоционально отражённого мира. Говорящий как бы „выбрасывает" из себя поочерёдно попадающие в фокус своего внимания детали мира, в котором он находится. Деталь, поставленная в ряд с другой деталью вкупе создаёт полную картину воспринимаего (ощущаемого) говорящим экстралингвистического мира. Целый ряд как бы повисших в воздухе отрывочных безглагольных имён создают эффект моментальности ощущений говорящего. В той же статье Вяч. Вс. Иванов пишет, анализируя именной стиль в стихах А. Блока: *„Этот стиль обнаруживается в тех стихотворениях, строфах, строках, где выступает запись ощущений поэта как таковая вне дискурсивных рассуждений"* [24], часто — в наиболее трагических

---

[22]Об этом см. статью *Вяч. Вс. Иванова* „Категория определённости-неопределённости и шифтеры". в кн.: Категория определённости-неопределённости в славянских и балканских языках. ответств.ред. Т. М. Николаева, М., „Наука", 1979 г., с. 98-104.

[23]См. *А. М. Пешковский* „Русский синтаксис в научном освещении." М., 1934, с. 344.

[24]См. цитируемую работу *Вяч. Вс. Иванова* с. 100.

местах повествования. В той же статье[25] находим у Пастернака интересный пример использования именного стиля для передачи ощущения времени в 1905 г.:

(17) *„Октябрь. Кольцо забастовок."*

Последний пример интересен тем, что он описывает ***политическое время***, в отличие от широко распространённого отражения именным стилем ***времени года***

(18) "***Зима***. Крестьянин, торжествуя...")
или ***времени суток***
(20) *„**Заря**. Сияет край востока.."*.

В любом случае реплики с именным зачином передают временной или локальный фон, в котором и описываются дальнейшие события.

К несколько иному типу можно отнести именные реплики, используемые автором-говорящим в тех местах в общей ткани повествования, когда:

а) происходит резкая смена событий от спокойного ритма повествования к описанию эмоционально напряжённых моментов, напр. у А.С.Пушкина в „*Полтаве*":

(20) *"Бой барабанный, клики, скрежет..."*,

где именной стиль создаёт эффект трагичности описываего;

б) ускоряется ход событий, и говорящему надо успеть за этим ходом, напр. реплики, взятые из комментария хоккейной игры:

(21) *„Хомутов-Быков. Быков-Хомутов. Пас. Удар! Гол!"*

в) при необходимости поимённого подсчёта наличествующих предметов. Хорошей иллюстрацией к данному типу может послужить пример из детского стихотворения С. Маршака „Багаж":

---

[25]Там же, с. 103.

(22) *"В испуге считают багаж:*

Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка
—Товарищи,
Где собачонка?"

Мы привели лишь некоторые из возможных типов речевых реплик на визуально наблюдаемый объект, чтобы показать их семантическое разнообразие при возможной структурной схожести конситуативных речевых реализаций.[26] Такое дискурсное „единообразие“ назывного типа, адекватно понимаемое участниками коммуникативного акта в определённой конситуации, в большей степени присуще русскому языку и в меньшей - другим европейским языкам. Известная полифункциональность русских назывных предложений получила дальнейшее расширение в речевых реализациях русской разговорной речи, привлёкшей к себе внимание целого ряда лингвистов . Ещё у А. М. Пешковского (1934 г., с.125) находим анализ *„стационарных-нестационарных эллиптических структур“*, И. А. Попова (1953г.-20) говорит о *„неполных предложениях“* в русском языке, В. В. Виноградов же (1954г.-Т.2,-97), не считая неполные предложения нарушениями КЛЯ, призывает изучать их *„не с точки зрения их формальной недостаточности, или неполноты, а со стороны их собственных, специфических для них структурных свойств и фукнций“*. Последняя позиция исследователя оказалась благородным зерном, упавшим на благодатную почву.

Обнаружилось огромное многообразие русских разговорных структур номинативного типа. Не случайно такое парцеллятивное выравнивание по именительному падежу Лаптева называет *„экспансией именительного падежа“*[27]. Описывая явление парцеляции как дробление связанной синтагматической цепочки слов, в результате чего остаются элементы, *„получающие самостоятельную отнесённость к действительности и образующие отдельные высказывания“* (Земская, с.50), Земская объясняет их происхождение *"волновой природой формирования мысли"*, вызывающей необходимость в присоединительных

---

[26]Анализ просодических показателей описываемых реплик в рамках данной статьи, к сожалению, не предусмотрен .

[27]*О. А. Лаптева* „О некодифицированных сферах современного русского литературного языка“,№2, №966 г.стр. 49.

конструкциях. Интересную попытку рубрикации *„номинативных предложений“* даёт В. В. Бабайцева[28].

Итак, как мы видим, проблема актуализированных трансформаций языковых структур в русской лингвистичекой литературе не нова. Осознание того, что перевес в сторону синтаксиса актуализации в устной речи *„часто и с большим основанием объясняется внешними факторами протекания диалога“* [29](Земская с.50) не натолкнуло, однако, исследователей на основательное изучение этих факторов, среди которых называются: активная роль контекста и конситуации; участие в речи мимики и жеста; „цейтнот“, порождаемый скоротечностью устной речи и отсутствием предварительной возможности обдумывать синтаксическое построение фраз; волновой природой формирования мысли и т.д.

Если обратиться к анализу вышеприведённых реплик, то можно легко убедиться в том, что квазиидентичность их структур создаётся по причине того, что *„визуально наблюдаемая конситуативность“*, включающая в себя и коммуникативное намерение участников речевого акта, как бы „проглатывает" те части предполагаемой полной структуры высказывания, которые *она* способна заменить собой. Отсюда появилась мысль о том, что через изучение параметров конситуативности можно было бы выйти на восстановление смысла. Такой взгляд на проблему привёл к интересным наблюдениям: если выраженная часть реплики отсылает нас к экстралингвистической реальности, то некоторые части этой реальности могут, наоборот, указать нам на невыраженные элементы высказывания, и где-то на стыке этих двух направлений доформировывается смысл сказанного. С этой точки зрения, реплики, порождённые в визуально наблюдаемой ситуации представляют собой огромное поле линвистической деятельности, по причине того, что размытые границы недосказанного смысла открывают широкие возможности к интерпретации высказанного. При этом не менее важную роль начинают играть различные „закулисные“ „скрытые категории“ языка.[30]

Очевидно, отталкиваясь от данных конситуации, человек проделывает огромное количество ментальных исчислений, прежде чем выйти на такое

---

[28] *В.В. Бабайцева* Односоставные предложения в русском языке, М. 1968, с. 143

[29] *Е.А.Земская* Русская разговорная речь(проспект, М., 1968, с. 50)

[30] *Т. В. Булыгина* в ст. „О границах и содержании прагматики“ в Известиях АН СССР, серия литературы и языка, Т. 40. №4, 1981,г. сопоставив два предложения : „Дорога кончалась около леса и Дорога кончилась около леса“, — приходит к выводу о существовании такой скрытой категории

конечное оформление (дискурсное построение) речевой реакции, которое оказалось бы адекватным как ***референтному плану*** (т.е. отражению реального мира), так и ***метареферентному*** (план коммуникации), в данном случае я опираюсь на терминоупотребление Л. Л. Фёдоровой[31].

Суть проблемы, встающей как перед преподавателями *Русского языка как иностранного* (РКИ) и их студентами, так и перед исследователями языка и методистами, такова: известно, что при непосредственном внутриситуативном порождении синтаксически полные, стандартные структуры реплик могут испытывать определённые видоизменения на поверхностном уровне. Наблюдается стяжение полной фразы, выпадение частей высказывания, малозначимых в данном скрещении конситуативных импульсов; трансформируется интонационный контур высказывания, сила эмоциональной насыщенности которого достигает такого предела, когда логика языкового чутья диктует небходимость введения во фразу целого ряда партиклей и партиклевых образований, меняется, скажем, уточняется фразовое ударение и т.д. В результате таких видоизменений часто остаются, казалось бы, обрывки фраз, которые не только не теряют свой смысл, но и наоборот, полноценно функционируют, как никогда точно выражая в конечном счёте различные типы речевого воздействия говорящего на адресата.

В том, что с видоизменением (порой с сокращением до минимума) изначальной, стандартной реплики коммуникативные смыслы продолжают уточняться, вовсе нет кажущегося парадокса, если расценивать изначальную реплику как инвариантный стандарт, вбирающий в себя потенциальную возможность всех других речевых реализаций, т.е. своих вариантов. В некотором роде отойдя от своей основы-инварианта, новоиспечённый вариант начинает до некоторой степени терять свою опору на жёсткий стандартный синтаксис первоосновы и настолько „вживается“ в конситуативное окружение, что претендует на то, чтобы быть расцененным в качестве самостоятельной полноценной структуры. Таково набросковое объяснение механизмов полноценного фукционирования дискурсных новообразований. Однако лингвисты задаются вопросами о том, существует ли и как задаётся программа по порождению этих вариантов и есть ли им предел? Ответы на эти вопросы помогли бы в разработке и построении новых стандартных структур вариантов, т.е. своего рода устойчивых коммуникативных структур, столь необходимых в практике

как *"дейктический характер совершенного вида"* так как совершенный вид во втором предложении даёт указание на фигуру наблюдателя. (см. стр. 335-342).

преподавания РКИ. Однако, в рамках одной статьи поставленные вопросы не решить. Для этого необходим тщательный лингвистический анализ.

Очевидно, что для поисков решений на поставленные задачи рамки анализа в одномерной, допустим, лишь структурно-лингвистической плоскости оказываются очень узкими. Возникает необходимость выстроить объёмную прагмалингвистическую модель, в которой, с одной стороны, учитывались бы ставшие уже традиционными синтаксически-функциональные параметры, а, с другой стороны, в эту модель органически вошли бы некоторые категории лингвистической прагматики.

Конечно же анализ описываемых структур следовало бы начать с пристального изучения ситуации, в которой данные реплики приобретают вторую, новую жизнь с учётом всех конситуантов, их взаимоотношений и их отношений к объекту речевой реакции. Не менее важным фактором является ***момент конситуативного реплицирования*** (коротко *МКР*), рамки которого должны быть строго определены, иначе реплика или теряет свой смысл, или приобретает новый. Например, реплики, относящиеся к группе „Срочного неотложного антидействия“ потеряют свой смысл, если *МКР* для их произнесения будет неточно определён, скажем, фраза „*Дверь! Дверь! Сквозняк!*“ будет приознесена после того, как из-за сквозняка уже захлопнулась дверь или упал с подоконника горшок с растением.

В заключение хотелось лишь добавить, что обращение к анализу речевых реплик на визуально наблюдаемый объект приводят нас к мысли о том, что существуют не только сходства, но и различия в ситуативно-языковом мышлении у носителей различных языков. Хочется надеяться, что изучение этих особенностей создаст предпосылки для построения в будущем общей теории дейктических явлений.

---

[31]Смотри *Л. Л. Федоровна* "О двух референтных планах в диалогах в ВЯ № 5, 1983 г.

Литература, не упомянутая в сносках:

Апресян Ю.Д.: О сильном и слабом управлении (опыт количественного анализа).-ВЯ, 1964, № 3, с. 32-49.

Арутюнова Н.Д.: Предложения и его смысл. М.,"Наука", 1976.

Арутюнова Н.Д.: Типы языковых значений. Оценка, Событие, Факт., М.,"Наука", 1988г.

Винокур Т. Г.: К характеристике понятия „ разговорная речь", РЯНШ, 1965, №2.

Гак В. Г.: Высказывание и ситуация.- В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972.М., 1973, с. 349-372.

Грамматика 1980 (отв. ред. Н. Ю. Шведова). М., „Наука", 1980.

Русская разговорная речь (Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис). Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н., М., „Наука", 1981 г.

Золотова Г. А.: О конситуативной синтаксической единице. Изв. АН СССР, Серия литературы и языка Т. 40, №6.,1981 г. с. 496-497.

Кафкова О.: О роли контекста в разных типах коммуникатов.- В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 240-247.

Кожевникова К., Кафкова О.: Лингвистическая и педагогическая проблематика разговорного стиля. РЯНШ, 1966, №2.

Лаптева О. А.: Русский разговорный синтаксис. М.,"Наука", 1976 г.

Лаптева О. А.: О грамматике устного высказывания., ВЯ, №2, 1980 г.

Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., "Наука", 1981 г.

Попова И. А.: Неполные предложения в современном русском языке.- В кн.: Труды Ин-та языкознания АН СССР, Т..2, 1953 г.

Степанов Ю. С.: В поисках прагматики (проблема субъекта), Изв. АН СССР, серия литературы и языка, Т.40, №4, 1981 г., с. 325-332.

Фёдорова Л. Л.: О двух референтных планах диалога. ВЯ, №5, 1983 г.

Шведова Н.Ю.: Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.,1960 г.

Ширяев Е. Н.: О некоторых аспектах конситаутивных высказываний разговорного языка,- в кн.: Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. Горький, 1972 г., с.260-264.

Шмелёв Д. Н.: Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., „Наука", 1976 г.

Языковая номинация (общие вопросы). (отв. редакторы Б. А. Серебренников и А. А. Уфнмцева). М., „Наука", 1977 г.

Валерия Нечаева
Slavisches Seminar, Tübingen

Изменения в лексическом составе современного русского языка и нарушение узуса

Важнейшие социально-исторические процессы, происходящие в России в последние годы, вызвали значительные изменения в лексическом составе русского языка, вторглись в узус и продолжают свое центробежное развитие. "Лицом к лицу —лица не увидать", — сказал однажды наш поэт. Видимо, лет через 25-30 в стабилизировавшемся обществе, а соответственно и в литературе, и в прессе исследователи смогут установить, насколько жизнеспособны наблюдающиеся сейчас явления. Нам же предстоит лишь описать их нынешнее состояние.

"Слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не само по себе, а лишь через всю систему значений, образующий семантический строй " (В.В. Виноградов, 1977: 70). Лексическая система русского языка, как и любого другого, отличается своей открытостью и пополняется за счет притока лексем из просторечья с его экспрессивной коннотацией, диалектизмов, вульгаризмов, заимствований из других контактирующих языков. Все дело в том, в каких пропорциях осуществляется ее вульгаризация и деформация узуса, не нарушают ли эти лексемы-пришельцы коммуникацию широких слоев населения, носителя русского языка, не становится ли известная лингвистическая шутка академика Л.В.Щербы о *"глокой куздре, что штеко болданула бокра и кудрячит бокренка"*, более доступной пониманию, чем, скажем, *"В элитном флете дилера М. состоится эксклюзивное шоу с бьюти-герлс"* или нечто еще того хуже, что привести не поворачивается язык (В. М. Нечаева: Российские вести №2/1993).

Оставив в стороне трансформирующуюся политическую метафору, блестяще описанную А.Н. Барановым (А.Н. Баранов, 1991), попытаемся проанализировать явления наиболее частотные и, не побоюсь сказать, представляющие угрозу литературному русскому языку.

Это прежде всего:

а) тенденция к повышенной экспрессивности лексического и синтаксического строя языка, выражающаяся в обращении к просторечью, вульгаризмам и жаргонизмам в сферах коммуникации, нетипичных для этих процессов, как отражение утверждения в общественной жизни;

б) злоупотребление американизмами и словообразованиями с английскими корнями, а также использование в произведениях художественной литературы топонимов и даже отдельных фрагментов текста на английском языке (часто плохом!) в латинской графике (см. А.А. Кабаков, 1991);

в) перенос обозначений топонимов и номенклатурных знаков из иностранных языков (главным образом из английского), иногда в переводе: Белый дом, мэрия, префектура, муниципалитет и т.п.;

г) включение сакральной лексики в публицистику и художественную литературу на фоне просторечья и вульгаризмов — сталкивание стилей, разрушающее сакральное значение лексемы и всего высказывания в целом;

д) нарушение узуса в вокативе и в модели антропонимии, то есть смещение форм национально-речевого поведения;

е) снижение общей культуры письменной и устной речи (нарушение синтаксического строя, словоупотребления, смешение значений паронимов и т.п.): променять серебро на золото, догнать пропущенное, успешный дилер, власть держащие, понимать о чем и т.п.

Причинами этих явлений можно считать прежде всего исчезновение в результате гражданской и Отечественной войн, а также вследствие массовых репрессий дворянской и разночинной интеллигенции с ее чутким отношением к родному языку и превосходной русской речью, со знанием этикетных форм общения.

Отсутствуют эталоны. Кроме того, это можно объяснить притоком в руководящие стуруктуры страны, в средства массовой ннформации, в художественную литературу:

1) представителей провинциальной, главным образом, технической интеллигенции среднего звена, первого, в лучшем случае, второго поколения (нередко это бывшие заочники, вечерники), то есть лиц, имевших дело с технической документацией на английском языке или просто стремящихся говорить и писать "красиво", "как у них"...;

2) лиц, которые выросли или получили образование за рубежом, большей частью в США, (это бывшие сотрудники советских загранучреждений, их дети, наши стажеры, студенты и т.п.), а также

3) лиц, которые, не имея прочной образовательной базы, провели много лет в лагерях ГУЛАГа и усвоили лагерный жаргон.

Рассмотрим лингвистические признаки перечисленных явлений подробнее. Как известно, изменения словарного состава проявляются прежде всего в актах

номинации, при которых происходят определенные лексико-грамматические трансформации. Смещения в семантике слова могут вызвать изменения в его синтактической функции, а функциональные изменения влекут за собой и деформацию семантических дериваций. Семантические же изменения парадигматического характкра (расширение, сужение, смещение значений) обусловливают изменение семантической функции номинативных единиц, например, при переходе терминов и номенклатурных знаков из узкоспециальной сферы в общенаучную, публицистическую и даже обиходную в процессе детерминологизации. Это явление наблюдается, в частности, при проникновении математических и физических терминов в другие функциональные стили: ***интеграл***, ***интегральный подход***, ***инфрастуктура отрасли***, ***жилого района*** и т.п. В художественной литературе, в публицистике, в жаргонной речи, столь распространенной у нас, наблюдается сужение значений лексем: отпад, беспредел, шустрить (делать что-либо обходными путями, стараясь обойти кого-либо) и т.п.

Зачастую признак, лежащий в основе номинации, активизируется и мотивирует семантический сдвиг, метафоризацю. Слово теряет свою внутреннюю форму. Повышенная экспрессивность в обиходной речи, художественной литературе и публицистике выражается в том числе и в:

а) расширении объема просторечных словообразований, в том числе и топонимов, с суффиксом *-к-*: ***вагонка***, ***безналичка***, ***разборка*** (= выяснение отношений), ***тусовка***, ***промедленка***, ***ожидалка*** (= приемная должностного лица), ***преображенка*** и т.п.

б) в образовании названий лиц по роду и форме занятости или инструменту (орудию действия) с суффиксами *-ник*, *-ниц-а*, *-щик*, *-чик*: ***тачечник***, ***повозочник***, ***колясочник***, ***распродажник***, ***рыночник***, ***расстрельщик****;

в) в употреблении просторечных форм словообразования с негативной коннотацией на *-уха* и переосмыслении качества этой коннотации до нейтрального и даже позитивного уровня: "*Эх, **и житуха** там была! Вспомнить-кайф!*";

г) в употреблении просторечного словообразования при названии процессов на *- ёж*: ***скулеж***, ***балдеж***, ***выпендреж***, ***идилеж*** и т.п.

Тенденция к экспрессивности, отражающая эмоциональный накал в обществе, проявляется и в возникновении путем метафоризации и метонимизации новых переносных значений различных групп лексем: это названия марок

автомобилей, предметов армейского хозяйства, иногда номенклатурные знаки (*уазик*, *калашников*, *кент* и т.п.), которые переходят как бы в разряд нарицательных существительных. Если метафоры определяют бытовые предметы, то возникает вторичная идентифицирующая функция лексемы, считая первичной функцию атрибута: ***врунок*** — репродуктор, передающий новости: ***ветровка*** — куртка, защищающая от ветра и т.п. Как сдвиг в сочетаемости с глаголом или прилагательным образуется когнитивная метафора: *крутые ребята* — жестокие молодые люди и т.п.

В результате интерференции английского языка неожиданное расширение значения "*создавать*" приобретает глагол *развивать* и, естественно, отглагольное существительное *развитие*. Раньше, как известно, он обозначал *"продолжать разрабатывать, расширять существующее"*. Лексическая система русского языка подвергается сейчас агрессивному притоку американизмов, чему в значительной степени способствует теле - и радиореклама. Они употребляются без всякой надобности, лишь для демонстрации "просвященности", утверждения свободы высказывания (с терминами, дублирующими русские, еще можно было бы примириться). При этом говорящий (и тем более пишущий) забывает об опасности постепенного вытеснения родного языка и из сферы обиходной коммуникации и о полной недоступности высказывания для широких слоев населения, особенно сельского, восстанавливая существовавшую в начале XX века пропасть между широкими слоями носителей русского языка и искусственно созданной "элитой". Закрепляются английские этикетные формулы приветствия, прощания, оценки (лексемы: ***сабвей, флет, кэб, офис, эксклюзивный, шоу, хоррор, гард, вокмен, месседж, тинэйджер*** и, конечно, ***консенсус***, ***имидж***, ***спонсор***, ***хай лайф*** и т.д.. и т.п.) Им несть числа... Одним из популярных слов является слово *дилер*, получившее положительную коннотацию в российском употреблении. Кстати, в немецком языке тоже ощущается влияние американизмов, хотя и не в такой безобразной степени, а слово *дилер* функционирует лишь в отрицательном значении — для характеристики торговцев наркотиками.

Возникают различные виды агглютинативного соединения русских и иностранных основ: например, появился ***Горбачев-Фонд*** — в переводе на русский язык: Фонд Горбачева. Или ***"Строй-спонсор"*** — видимо, организация, финансирующая строительство...

---

* ***тачечники, повозочники, колясочники*** — люди, занимающиеся мелкой торговлей или имеющие огороды и перевозящие свою продукцию и вещи с вокзалов или со складов по месту жительства, торговли на повозках и в колясках; ***расстрельщик*** — лицо, осуществляющее приговоры (расстрел).

Интересно отметить также увеличение объема деминутивов в разговорном, художественном и публицистическом стилях речи, сложившееся под воздействием разговорного стиля. Эти необычные для официальной коммуникации явления возникли впервые вследствие произвола продавцов, царящего в продовольственных магазинах. Это деминутивы "заискивания, уничижения": *"Девушка, мне, пожалуйста,* ***килограммчик огурчиков*** *и* ***парочку лимончиков****"* или: *"Нет лишнего билетика?", "Это местечко свободно?"*

В художественной литературе наблюдается обостренный интерес к подробным описаниям полового акта во всех его физиологических отправлениях, вследствие чего нарастает объем соответствующих лексем-названий гениталий и самих процессов в самом вульгарном варианте. Одной из поэтесс (!), например, принадлежат такие строки: *"Никто по мне не заохает, когда меня* ***измудохают****."* С упорством подростка с сексуальными патологическими наклонностями писатели в авторскую речь включают матерную брань в выражениях, которые в прежние времена даже хулиганы не писали на заборах (А. Кабаков, В. Аксенов, С. Васильева и т.д.).

Говоря о лексике, нельзя не сказать о фразеологизмах-неологизмах, обладающих высокой степенью метафорической экспрессивности. Упомянем хотя бы о нескольких, пока слабо или совсем не описанных и наглядно иллюстрирующих происходящие в системе лексики процессы. Речь идет о фразеологизмах с идентичной категориально-грамматической характеристикой в структуре безличного предложения с семантическим признаком безразличия, равнодушия, непричастности к чему-либо: ***до лампочки / фонаря, до феньки/ фени.*** Эти фразеологизмы используются практически во всех стилях речи, кроме научного, хотя часть из них вульгаризмы.

Как известно, в связи с амнистиями и реабилитацией политических заключенных из лагерей вышли сотни тысяч людей, вынесших оттуда вместе со страшными воспоминаниями и язык социума, в котором находились многие годы. Употребление отдельных лексем (***шмон***) и фразеологизмов тюремно-лагерного жаргона уже "на воле" было вначале своеобразной формой вызова существующему строю, диссидентской бравадой, но постепенно входило в привычку, становилось притягательным и для окружавших бывших лагерников людей. ***"Мне это до фонаря"*** включает лексему лагерного жаргона: ***фонарь*** — ложь, обман, до которого "серьезному", с точки зрения воровской среды, человеку, "вору в законе" нет дела. "***До фонаря***" в силу своей жаргонной этимологии является вульгаризмом. Вариант "***до лампочки***" — более позднее образование и более

просторечное. Почти аналогично и происхождение "*до феньки*". В воровской речи немало нарицательных существительных с суффиксом -*к*- , придающих уничижительное значение. Они были первоначально именами собственными: ***дунька, манька, фомка, фенька*** и т.п.

На воровском жаргоне фенька — мелкая монета, которая не интересует того же вора.

Д.С. Лихачев, на своем печальном опыте переживший общение с такой средой, справедливо пишет:

> "*... Скрытая, магическая сторона воровской речи выражается в ее эмоционально-агрессивной насыщенности, перенесении эмоционального отношения к предмету на слово, свойство, значение...*
>
> *Смысл слова разгадывается лишь в конкретной обстановке, в определенной ситуации, отраженной во фразе. При этом логическое значение вытесняется эмоциональным... Слова воровской речи характерны своей экспансией, способностью распространяться далеко за пределы своей среды"* (Д.С. Лихачев, 1992: 366 - 373).

Поэтому не стоит удивляться описываемому А. Кабаковым эпизоду: "... *Однажды (она) вела какую-то из новых, бесконечно болтливых передач, ... и какой-то весьма интеллигентный старикан, ... дружески наклонившись к ее уху, ... спросил: " А вы, милый друг, у хозяина-то почалиться успели?*", что означало: "При Сталине посидеть в лагере успели?" Так активно внедряется жаргон в среду людей интеллектуальных профессий.

В наши дни много говорится в России о возрождении традиций. Обратимся к новациям в национально-речевом поведении и посмотрим, так ли это

Еще в XV-XVI веках начали складываться трехчленные формы русского имени, антропонимической модели, вначале лишь для феодальной знати: Федор Иванович Толстой. Они имели значение показателя чести именуемого лица. Отсюда и выражение: "Как Вас звать-величать?" А в XVIII веке обязательным для всех становится употребление отчества и окончательно оформляется способ наименования лиц, принятый у нас до середины 80-х годов XX века: личное имя, отчество, образованное от личного имени отца, и фамилия. Эта трехчленная форма является моделью русской антропонимии. Если убрать из этой модели отчество, возникнет модель антропонима, существующая во многих европейских языках и в американском варианте английского языка. Антропонимы, то есть имена собственные, выполняют определенные функции: различительную (для опознания лица), социальную (место индивида в структуре общества) - обе наиболее важные - а также ритуальную (соответствие традиции) и некторые другие. В истории нашего народа социально-различительные функции были всегда

актуальны. В бывшем Советском Союзе даже граждане других национальностей по собственному желанию (подчеркиваю - без требований Москвы!) образовывали свои отчества, нетрадиционные для своих народов: Шота Шалвович, Султанат Махмудовна, Ильмар Оттович и т.п. В своей среде их так никто не величал и, возможно, не следовало бы вообще так поступать, но это было удобно для межнационального общения, особенно в вокативе при официальной коммуникации, когда сказать "господин Гурамишвили" для нас слишком сухо и официально, а по имени обращаться слишком фамильярно. Отчество в его особой социальной функции в *самостоятельном* употреблении, в том числе и в вокативе, традиционно употреблялось и пока употребляется для выражения уважительности, исходя от адресанта, носителя просторечия, независимо от возраста адресата, причем обычно в стяженной, разговорной форме: Никитич, Акимыч, Алексевна, Михална и т.п.

А теперь позволю себе привести цитату из повести Викт. Ерофеева:

"... Как жаль, что у вас отменили имена-отчества! — Как отменили? Когда? - ужаснулась я, сраженная новостью. - Я неделю не слушаю радио... Голландец что-то заметил красавчику на непонятном мне голландском языке.

- Ну, их так редко употребляют, - не сдавался американец. - Я был уверен, что отменили " (В. Ерофеев, 1990: 106).

"... я и сама в отношении имени держусь непредвзятого мнения, по принципу: был бы человек хороший. - Ира,- назвалась я свободно и невзначай, как будто сорвала цветок незабудки у самой кромки болота" (108).

С героини В. Ерофеева спрос невелик: это женщина самой древней и ныне модной профессии. Но у каждого народа существуют официальные и неофициальные имена, то есть сокращенные либо их субъективно-оценочные формы. Наши прекрасные русские имена в краткой, неофициальной форме, как они были услышаны иностранцами в устной разговорной речи, вошли в набор популярных имен собственных в Германии, Австрии, Дании, Финляндии: Аня, Таня, Наташа, Саша, Катя и т.д. Так они и зафиксированы в документах граждан этих стран.

Имя как социальный знак воспринимается в плане его функционирования в речи, но выступает и как национальный знак в языке. В старой России сначала в крестьянский обиход, а затем и в официальные документы крестьян входили имена с уменьшительно-ласкательными и уничижительными суффиксами, в которых отражалась эта социальная функция. Неслучайно В.Г. Белинский писал: "... *называют* (крестьян - В.Н.) *не именами, а кличками: Веньками, Стешками,*

Палашками." Но в то же время трехлетнего сына Анны Карениной слуги звали Сергей Алексеевич ...

До недавнего времени в официальном общении отчество опускалось при названии имени (но не в вокативе!) деятеля искусств, автора художественных произведений, спортсмена, журналиста. Социальная функция такого лица оправдывала выделение его в особой форме. Кстати, это не распространялось на ученых. Еще 8 лет назад было невозможно назвать в средствах массовой информации министра лишь по имени и фамилии, уж не говоря о более отдаленных исторических временах: нигде в литературе не найдете Петр Столыпин или Александр Бенкендорф. Была, правда, еще одна возможность: князь Андрей, но только в кругу равных по происхождению. Теперь порой отчество употребляется не как величальное (*"из чести по отцу"*), а, наоборот, приобретает некий отрицательно-разоблачительный оттенок значения: Владимир Вольфович ...

Мало того, у деятелей культуры, журналистов и представителей других профессий изчезает даже полное имя и остается уменьшительное: Гоша Нефедов, Катя Попова, Саввик Шустер и т.п. Российский комментатор, ведущий программу для зарубежных стран, официально рекомендуется: *"Передачу вела Наташа Вдовина"*, а дипломат в официальном интервью, рассказывая о своем коллеге, представителе ООН в Боснии, называет его Славой Герасёвым. Видимо, по модели Билл Клинтон или Джимми Картер ...

Это явление не нашло отражения в работах специалистов, хотя Н.И. Формановская (в книге, написанной в 1988 г.) (Н.И. Формановская, 1989: 110), говоря о раскованности седовласого журналиста, предстающего перед многомиллионной аудиторией как Леонид (правда, еще не Леня), грустно замечает *"Посмотрим, куда поведет нас эта традиция."* Теперь мы это видим.

Наши иностранные учащиеся, изучающие русский язык, сталкиваются с описанными явлениями, новыми для них и воспринимаемыми как экзотический язык, который их привлекает своей непохожестью на язык классической русской литературы и их преподавателей. К тому же, особенно за рубежом, стилистическая и семантическая дифференциация лексем и фразем осуществляется в учебном процессе недостаточно четко, поощряя, таким образом, употребление лексем-вульгаризмов, а то и просто нецензурных слов. Кстати, доказательством могут служить зарубежные телефильмы с "русской" темой или русскими "героями", которые без устали пьют водку "на здоровье" и употребляют матерную брань через каждое второе слово для "украшения" речи. Поэтому долг преподавателя русского языка — терпеливо и настойчиво объяснять, что такие явления не отражают

русскую культуру, а вульгаризмы не принято употреблять в культурном обществе даже в неофициальном общении, что это не признак раскованности и демократичности, а выражение недостаточной культуры речи и неуважения к добрым традициям русского народа.

Учащийся с первых уроков должен называть своего преподавателя русского языка по имени - отчеству и избегать употребления американизмов, говоря по-русски, чтобы не возникали вопросы, которые я порой слышу, пусть пока в шутку: *"Когда в России перейдут на латиницу?"*

Использованная литература:

Балдаев, Д.С. и др.:	Словарь тюремно-лагерного блатного жаргона. Москва, 1992.
Баранов, А.Н.:	Русская политическая метафора; материалы к словарю. Москва, 1991.
Белинский, В.Г.:	Собрание соч. В 9 томах. Москва, 1982, т. 8, с. 61.
Виноградов, В.В.:	Избранные статьи. Москва, 1977, с. 70.
Ерофеев, Викт.:	Московская красавица, повесть. Москва, 1990, с. 106.
Кабаков, А.А.:	Сочинитель, повесть. Москва, 1991.
Лихачев, Д.С.:	Черты первобытного примитивизма воровской речи. В: Балдаев Д.С. и др.: Словарь тюремно-лагерного блатного жаргона. Москва, 1992, 366 - 373.
Нечаева, В.М.:	Зачем России "Белый дом?" В: Российские вести, 1993,II.
Формановская, Н.И.:	Речевой этикет и культура общения. Москва, 1989.

Ingeborg Ohnheiser
Leopold - Franzens - Universität Innsbruck

Еще раз о "состоянии русского языка" глазами филолога-иностранца[1] *

1. *"Элементы терминологии и специальных языков проникают в публицистику; свежие европеизмы/интернационализмы появляются в русском языке; наблюдается сближение книжной речи и просторечия; пуристы и консерваторы жалуются на загрязнение литературного языка просторечными и иностранными словами; оживляются архаичные черты. Одновременно наблюдается ироничное употребление архаичных и возвышенных стилевых элементов как выражение протеста против всего старого..."*

Эти наблюдения взяты не из современного текста о "состоянии русского языка", а из виноградовского описания развития русского литературного языка во второй половине 19-ого века (Виноградов 1982, ст. 430). Значит ли это, что "И нет ничего нового под солнцем"? И да и нет. Что же нас все-таки волнует и радует, удивляет и возмущает в языке газет, радио и телевидения? И можно ли уже без эмоций подойти к анализу того, что нам кажется новым? Ведь бросается в глаза то обстоятельство, что мы до сих пор находимся более или менее в стадии регистрации, как будто еще рано делать обобщения; с другой стороны, надо задать вопрос, как приблизиться к этим обобщениям.

Итак, я боюсь, что в докладе будет больше вопросов, чем ответов, в том числе вопросов именно не носителя языка, человека, не живущего в русской языковой среде - вопросов, вытекающих также из преподавания — ведь студенты, начавшие заниматься русским языком лишь в конце 80-х — начале 90-х годов, интересуются: "А почему же вы волнуетесь, радуетесь и возмущаетесь?"

2. Резкое проявление определенных феноменов, безусловно, определяется сменой "стиля одной эпохи" (нем. Zeitstil), но при этом выступают и общие тенденции языкового развития. Следует, однако, проследить, какие тенденции доминируют, как они соотносятся друг с другом. Следуя традиции Пражской лингвистической школы, можно исходить из таких общих тенденций, как тенденции к интеллектуализации и демократизации, к интернационализации, к

---

* см. "Примечания" в конце статьи

рациональности и эмоциональности, инновации и архаизации. Демократизация, как известно, определяется как проникновение просторечных, разговорных, устных форм в письменный/литературный язык, в книжные функциональные стили. Под интеллектуализацией понимается, с одной стороны, развертывание всех функций языка и сопровождающие его специализация и дифференциация, включая интернационализацию и терминологизацию, с другой стороны, распространение книжных моделей в обиходном языке.

Проблема, по-моему, состоит в том, что четкое разграничение отдельных тенденций и их распределение по определенным стилям и жанрам в настоящее время осуществить труднее, чем при описании языка и стилей предыдущих десятилетий.[2]

Ф. Данеш еще в 60-е — 70-е годы говорил также о тенденции к гомогенизации, уравниванию элементов разных форм существования языка, характерной для всех современных языков, прежде всего в массовой коммуникации. Доминирующей в настоящее время представляется, на мой взгляд, тенденция к интернационализации, как бы сопровождающая все остальные тенденции. Тенденции к интеллектуализации и демократизации дополняют друг друга. Приемы эмоционализации в разных сферах коммуникации часто связаны с "карнавальностью" (языковой игрой). (Ср., напр., Китайгородская / Розанова 1993). Кроме того, отмечается более яркая индивидуальность текстов.

Мне кажется, что при оценке новшеств мы все еще испытываем давление того, что было. Кажется, что мы все еще удивляемся явлениям, к которым в своих языках более или менее привыкли (что отнюдь не значит, что мы их одобряем). И мы как бы привыкли смотреть на русский язык как на изолированный от процессов в других языках феномен.

Если сравнить, напр., проявление интернационализации и демократизации/ отчасти вульгаризации в русском языке с ситуацией в других языках, то здесь можно наблюдать немало аналогий.

2.1. Интернационализация, как и в других языках, все больше затрагивает самые разные сферы языка, потому что происходит интернационализация самых разных, если не всех, сфер быта (напомню лишь об актуальной дискуссии во

Франции). И, говоря о тенденциях к интернационализации, мы имели в виду прежде всего книжные стили, забывая или не зная о том, что еще Бодуэн де Куртенэ - в предисловии к "Блатной музыке" Трахтенберга (СПб. 1908) - говорил о ее интернациональном характере как одной из отличительных черт.

Таким образом, то, что нас в связи с интернационализацией русского языка в настоящее время может удивить, — это не сама интернационализация, а радикальность данного процесса.

2.2. Мне представляется, что подобная ситуация характерна и для более яркого проявления жаргона, субстандартных элементов. Нет ли здесь аналогии с подобными тенденциями в Западной Европе в связи с молодежным движением 68-го года? Тогда в языке наблюдалась существенная свобода как знак протеста по отношению к традициям и к официальной политике. И если не все стало кодифицированным, то результатом явилась все-таки определенная языковая либерализация. (Есть, между прочим, интересная параллель в современной русской литературе - склонность к употреблению просторечных и других элементов субстандарта рассматривается как знак протеста и объясняется и тем, что разговорная речь - ввиду ее распространения и укоренения как более или менее нейтрального средства коммуникации - перестала быть выразительным средством и тем самым средством идеологического/идейного ограничения, социальной дифференциации.)

И опять: то, к чему мы привыкли в своих языках, вызывает изумление и удивление при чтении русской прессы. В зависимости от тематики множества статей и публикаций, напр., о волнующих вопросах преступности и т.п., наблюдается, пожалуй, более яркая стилизация соответствующей языковой среды, но и приближение авторской речи к предмету изложения: вещи называются своими именами (в прямом смысле слова). При этом нередко бросается в глаза своеобразное "соседство" интеллектуализации и вульгаризации.

Подобное впечатление как бы подтверждается, напр., чтением "Материалов к общественно-политическому словарю" (1992-1993гг.) Гасана Гусейнова (Бремен, 1994). Половина словаря - это книжные слова, новая политическая лексика, другую половину составляют слова и выражения просторечия и арго, все взятые из прессы,

но, как показывают соответствующие цитаты, употребляемые там именно в прямой речи или опять-таки для характеристики социального фона. Множество примеров языковой игры, сочетающих интеллектуальную и просторечную лексику или включающих просторечные элементы в книжные словообразовательные модели, свидетельствует о размывании стилистических границ (*пофигизм, дерьмократия*).

И не надо, по-моему, переоценивать "бум" всяких "произведений", содержащих нецензурную лексику, бум, который вызван прежним пуризмом и иногда лжепуризмом или просто любопытством. "Плоды чтения", правда, необязательно способствуют языковому либерализму, проповедованному лингвистом, кому все языковое должно быть интересно. Что касается русского языка, то мы, опять же, мало знаем о рецепции. Кто же все читает? А может быть, со временем утихнут первые страсти, и мы привыкнем к тому, к чему уже привыкли у нас: печатный "ландшафт" и в языковом отношении дифференцирован, что ведь прежде всего связано с содержанием и с установкой на определенного читателя.

2.3. Одно явление, однако, кажется характерным именно для современной русской ситуации.

Неоднократно отмечалось в литературе и переосмысление, и возвращение в язык архаизмов (напомню часто цитируемую статью "На кладбище слов"). Однако, в связи с "деархаизацией" - если можно так выразиться - наблюдается своеобразный для современного языка феномен: возвращаются не только отдельные слова, но и целые тексты разного содержания из дореволюционного времени, часто находящиеся на одной и той же странице с современными текстами, в одном и том же журнале (в том числе и в "Русской речи"). Подобные наблюдения касаются и современных, и старых текстов религиозного содержания рядом с текстами светского характера.

Приведем в этой связи лишь один, может быть, нерепрезентативный, но все-таки показательный пример. В журнале "Русская речь" за 93-й год печатались списки "Актуальная лексика". Примеры взяты из текущей печати. И там находим наряду с *кикбоксинг, клиринг* и *листинг* слова - с пометой "филос." - *онтологизм* и

патристика. Источник этой "актуальной лексики" — произведения Бердяева, в настоящее время или впервые опубликованные, или вновь изданные.

Другое дело - что газеты определенных политических и идеологических направлений, которые, наряду с перепечатанием старых текстов, нередко сохраняют или имитируют их стиль.

Ситуация на страницах газет и журналов напоминает положение в области художественной литературы, литературных журналов, в которых печатаются произведения разных времен, где рядом с новыми текстами встречаются произведения забытых авторов. Какие это имеет последствия для рецепции - этим вопросом литературоведение/литературная критика только начинают заниматься.

3. Если вернуться к нашему вопросу, как разнообразие и совместное появление текстов разных стилей и времен воспринимается и осознается современным читателем, то мы об этом явлении мало или ничего не знаем и не узнаем о нем и в публикациях, посвященных изменениям в современном русском языке или так называемому состоянию русского языка. (А может быть, подобные вопросы интересны и важны только с точки зрения иностранца, который с филологическим интересом следит за изменениями.)

В поисках ответа на вопрос, как носители языка относятся к изменениям вообще, как оценивают их, я исходила из типологии отношений к языку, описанной Данешом (1982). Данеш различает четыре типа отношения к языку:

1) инструментальное,
2) этическое,
3) аффективное и
4) традиционалистское.

Инструментально детерминированный подход выбирает и оценивает средства для достижения определенных целей с точки зрения эффективности, целесообразности; этически мотивированный подход можно охарактеризовать с точки зрения правильности, соблюдения норм, интеграции в языковой коллектив. Оба типа отношений Данеш относит к рациональным, 3-е и 4-е (аффективный и традиционалистский) — к нерациональным, учитывая при этом сложность четкого

отграничения и признавая возможность вполне положительных эмоциональных мотивов последних.

С позиции этих рассуждений я подошла к анализу целого ряда размышлений о "состоянии современного русского языка" последних лет. (При этом я столкнулась с интересной исторической параллелью, отмеченной также Пановым в предисловии к монографии "Русский язык и советское общество" (1968). Рассуждения писателей и публицистов (а также неспециалистов) о языке и стиле именно переломных периодов нередко категоричнее и строже, чем оценки лингвистов.)

Оказалось, что писатели и публицисты, как и неспециалисты, скорее склонны к эмотивным заключениям, лингвисты - к рациональным. Однако, и у современных языковедов нередко прослеживаются эмотивные моменты - что не только вопрос поколения - моменты, которые, как мне представляется, связаны с относительно традиционалистским, по сравнению с другими языками, пониманием "русского литературного языка".[3]

3.1. Во мнениях нелингвистов можно наблюдать три тенденции:

- констатация актуального положения без глубокого анализа причин (оценка отрицательная):

Как живем, так и говорим; русский язык превратился из языка Пушкина в воровской жаргон;

- актуальное положение объясняется историческими причинами; причины, как и последствия, оцениваются отрицательно:

на протяжении 70-и лет создавался социалистический Вавилон; приводятся примеры смешения стилей; часто употребляются метафоры болезни (*паралич русского языка); *приток иностранных слов считается таким же вредным для русского языка процессом, как раньше политическая терминологизация; негативная оценка подтверждается также историческими параллелями (*петровская языковая смута*);

- последствия общественных изменений для языка оцениваются положительно:

"Как молодежный сленг и язык интеллигенции, так и русская феня - язык сопротивления, словарь свободы; тем, что отвергается языковой пуризм, отвергается сталинская модель жизни."[4]

Все эти направления не называют альтернатив или задач.

"В форме критики состояния русской речи выступает сейчас прежде всего критика общества. Эта лингвистическая критика (лингвистическая социология) поддерживает в обществе процесс самопознания, но мало опирается на специальный анализ и отливается в основном в публицистические формы." (В.Е. Гольдин, Русская речь 3/92, с. 39).

3.2. В дискуссии языковедов ("О состоянии русского языка" , Русская речь 1992 - 1993 гг.) повторяется требование повысить уровень культуры речи: *"Тревогу должно вызвать не состояние системы языка, а уровень языковых способностей нашего общества, наше массовое косноязычие, производящее впечатление национальной катастрофы"* (Г.Н. Скляревская, Русская речь 5/92, с. 40).

- встречается также положительная оценка притока интернационализмов;
- исторические параллели (языковая ситуация при Петре I и в послевоенный период нашего века) приводятся скорее как утешение, как будто бывало еще хуже;
- единичны сравнения с языковой ситуацией (интернационализация, вульгаризация, большая терпимость к нелитературным формам существования языка) в других странах, с целями и перспективами языковой политики (В.Г. Гак, Е.А. Земская);

- учитывая и признавая возможные изменения нормы, участники дискуссии едины в том, что русскому языку - в смысле системы - *"ничего не грозит"*. И: *"Со временем все утрясется."*

3.3. Несмотря на предполагаемую стабильность системы, необходимо, по-моему, подробнее исследовать последствия изменения нормы, а также узуса, для языковой системы или подсистем в смысле перераспределения средств, продуктивности/непродуктивности, новых парадигматических и синтагматических связей, именно в связи с яркой тенденцией к интернационализации. Изменяющаяся

норма, в свою очередь, может способствовать активизации или архаизации системных ресурсов.

Новые тенденции в норме, языковом вкусе и узусе, как мне представляется, должны иметь последствия для стилистических описаний. Можно, правда, исходить из неизменившейся общей рамки системы функциональных стилей, но как быть с т.н. подстилями, с внутренним упорядочением стилей и их языковых ресурсов? Какие последствия имеет интернационализация определенных стилей / типов текста?

Коренных изменений ждут практические стилистики, которые во многих отношениях просто устарели.

Перед тем как перейти к обобщениям, даже если они имеют предварительный характер, стоило бы расширить историческую перспективу, сравнить, напр., наблюдения над сегодняшним языком с наблюдениями из монографий "Русский язык и советское общество" 68-го года, да и более ранними исследованиями.

И стоило бы, наверное, взглянуть и на близкородственные славянские, а также на другие европейские языки. Последний момент кажется важным для более четкого анализа последствий языковых контактов, все больше /или вновь/ затрагивающих и текстообразование, стилистические образцы и т.п. (Ср. напр., интернационализацию рекламных текстов до первой мировой войны и в годы нэпа с сегодняшней ситуацией.)

Анализ таких вопросов имеет, по-моему, не только лингвистически-познавательное, но и практическое значение.

4. Итак, то, что условно называется состоянием современного русского языка, что волнует писателей и публицистов, лингвистов и неспециалистов, можно понять только на фоне предыдущего "состояния".

Учет более широкого исторического диапазона, по-моему, представляется неизбежным и для преподавания.

Тематическая, стилистическая и временная пестрота текстов, с которой мы сталкиваемся в газетах и журналах, при чтении художественной литературы заставляет нас, преподавателей, лишний раз передумать содержание нашего

предмета. При всей необходимости системного подхода, прежде всего на начальных этапах обучения, надо в большей степени развивать динамичное представление о языке. Много часов отводится на историческую грамматику, гораздо меньше - на историю литературного языка. О том, что происходило в языке со времен новгородских грамот до Пушкина, а позже — с конца прошлого/начала нашего века до настоящего времени, имеется у учащихся только смутное представление, и то скорее благодаря занятиям по литературе, чем по языкознанию.

До сих пор нет истории русского языка 20-го века. Ранние исследования нередко подчеркивали именно новые явления, в этой связи помнится известная метафора Поливанова (за которую его так резко критиковали: "При новой модели паровоза не будет изменяться форма колес..."). Известная монография "Русский язык и советское общество" (1968 г.) ждет продолжения и, наверное, определенной переоценки. Мало исследовано развитие функциональных стилей, текстообразования. В 80-е годы усиливается, сначала прежде всего у славистов западной Европы, интерес к "новоязу", на фоне которого и стали рассматривать "язык перестройки", причем после первого восторга наступало определенное отрезвление.

Все это надо, по-моему, иметь в виду, чтобы лучше понять современные языковые процессы и течения в языкознании.

Не менее важны эти вопросы для литературоведческих занятий, ведь литература нашего века живет стилизацией или ироничным очуждением стиля, вплоть до сарказма. (Как, напр., понять "Котлован" Платонова или "Роман с газетой" Попова, ничего не зная о прежнем языке политики и прессы?).

Поэтому я предложила коллеге-литературоведу совместно провести междисциплинарный двусеместровый семинар "Русский язык в 20-м веке". На этом семинаре будут учитываться как социолингвистические и лингвостилистические вопросы, включая анализ текстов разных функциональных стилей в диахронной перспективе и в синхронных срезах, так и языковой и стилистический анализ литературных произведений отдельных периодов и разных жанров, а также фильмы, записи и т.п.

Конгресс МАПРЯЛ - конгресс преподавателей, поэтому мне показалось интересным включить и этот, скорее методический вопрос.

Примечания:

[1] Лишь после окончания работы над докладом и его прочтения на съезде МАПРЯЛ я ознакомилась с двумя работами, авторы которых приходят к выводам, во многом созвучным с моими наблюдениями и - благодаря монографической форме - иллюстрированным богатым языковым материалом: *В.Г. Костомаров*, Языковой вкус эпохи. Москва 1994; *А.Д. Дуличенко*, Мюнхен 1994. По Костомарову, доминирующей в настоящем развитии является тенденция к демократизации, которая отражается в смешении стилистических и жанровых границ, в изменении стилистического облика текстов. Автор доказывает социолингвистическую обусловленность этих процессов, а именно, изменение языкового вкуса. Подход Дуличенко подтверждает мое убеждение в том, что современные процессы можно лучше понять на фоне более широкого исторического диапазона, о чем я и говорю в конце статьи.

[2] Если обратиться к тенденциям к интеллектуализации и демократизации, то оказывается, что обычно описываемые на примерах из лексики и синтаксиса явления не обязательно корреспондируют с предметом и адресатом определенных типов текста. Относительно типов текста и их оформления тенденцию к демократизации можно понять и так, что

(а) увеличивается количество (типов) текстов, в которых (аа) автор выступает как индивидуум со своими взглядами и мнениями (сокращение количества редакционных сообщений, передовых и т.п.), и (аб) в которых мнения свидетелей определенных событий передаются в прямой речи (большее количество интервью, бесед, которые создают впечатление аутентичности). Таким образом, сам процесс текстообразования содержит факторы, которые способствуют демократизации благодаря проникновению в письменную речь форм устной речи;

(б) элементы обиходной речи находят все большее распространение также в связи с тем, что обиходные темы занимают большее место в современной прессе: в интересах упомянутой уже в другой связи аутентичности авторы как бы более явно приближают авторскую речь к стилю описываемых лиц, социальных групп, приводятся цитаты из их речи (напр., в репортажах о молодежной преступности и т.п.);

(в) включая разговорные элементы, автор сознательно отходит от стандартизованных форм определенных типов текста, преодолевает однообразие, возбуждает интерес;

(г) разговорная лексика и элементы разговорного синтаксиса используются также как средство приближения, солидаризации, причем автор, по-видимому, надеется на создание совместной с читателем базы восприятия и оценки.

Здесь, однако, наблюдаются различия между отдельными газетами, т.е., и что тоже новое для русской прессы явление, газеты более явно ориентированы на определенные круги читателей (язык, стиль создают социальную и идейную идентификацию);

(д) кроме того, увеличивается количество текстов, которые для реципиентов имеют как бы индивидуализирующую направленность (гороскопы, объявления о желании найти партнера и т.п.).

Последние из приведенных примеров одновременно показывают, что тенденция к интернационализации не обязательно связана с интеллектуализацией, а часто описываемые изменения в русских рекламных текстах показывают, напр., что интернационализация затрагивает не только лексику, но и стиль и вообще текстообразование.

Но и интеллектуализация может быть связана с индивидуализацией, с сознательным учетом потенциального читателя и - в рекламе - потребителя. Это отражается в стиле разных типов текста, например, с помощью аллюзий, как в рекламе фирмы "Мысль": *"Я с Мыслью, следовательно существую и процветаю."* (ср. cogito ergo sum; определенное "разочарование" заключается в том, что "Мысль"- это название кирпичного завода). Интеллектуализация, как и выше упомянутые индивидуализация и демократизация, может в большей степени зависеть от темы и от индивидуальности автора.

Таким образом, в связи с новыми типами текстов изменились предпосылки и условия для языкового/ стилистического оформления текстов.

[3] Ср. также похожую мысль в книге Костомарова (1994, с. 52): *"...Ведь не подлежит сомнению и отмечалась многими исследователями излишняя по сегодняшним мировым меркам рутинность книжной традиции, которая веками не позволяла перегружать текст разного рода отклонениями от традиционной литературной нормы."*

[4] Примеры взяты из газет и из Словаря Г. Гусейнова.

Литература:

Виноградов В.В.: Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX вв. Москва 1982.

Дуличенко А.Д.: Русский язык конца XX столетия. Предисловие и подготовка к изданию Werner Lechfeldt. = Slavistische Beiträge 317. München 1994.

Караулов Ю. Н.: О состоянии русского языка. Русская речь. 2 (1992) с.48 сл. (с продолжениями)

Катлинская Л.П: Из актуальной лексики. Русская речь. 5 (1993), с. 57.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.: Речевые одежды Москвы. Русская речь. 3 (1994), с. 50 сл.

Костомаров В.Г.: Языковой вкус эпохи. Москва 1994.

Панов М.В. (ред.): Русский язык и советское общество. (4 т.) Москва 1967.

Daneš;F.: Dialektische Tendenzen in der Entwicklung der Literatursprachen. In: Grundlagen der Sprachkultur. Beiträge der Prager Linguistik zur Sprachtheorie und Sprachpflege. Teil 2. Berlin 1982, S. 93ff.

Gussejnov,G: Materialen zu einem russischen gesellschaftspolitischem Wörterbuch. (1992-1993). Bremen 1994.

W. Sperber
Universität Leipzig

Традиция и новация в языке русской газеты

Александр Николаевич Яковлев, руководитель Федеральной службы по теле- и радиовещанию России, в беседе с главным редактором "Московских новостей" в начале 1994 года сказал:

> *"Внутренних газет я уже не читаю. "Московские новости" вы мне присылаете, а других я не выписываю. Уж извините, ничего нового в газетах за последние годы не появляется. Ничего. Ну, может быть, иногда сообщат о научном открытии. А в политике мы как зашоренные лошади. Конная молотилка, которая ходит по кругу. Там лошадям обязательно надевают шоры, чтобы они не отвлекались, ни направо, ни налево. Одно и то же, одно и то же". (Московские новости, 30 I - 6 II 1994 г., с. 11А)*

Несомненно, это очень утрированное суждение, но тем не менее суждение человека, которого можно считать экспертом в области средств массовой информации. Конечно, дискутируя это суждение, сначала следует определить, что такое "новое" в газете. Новое — это может быть то, что только что случилось. Я не могу представить себе газеты, которая говорила бы только о том, что было в древности. Тогда это не газета, а летопись. Но новое — это может быть также неслыханное, невиданное до сих пор, то, чего раньше никогда не было, о чем раньше еще не знали. Сюда относятся "научные открытия", упомянутые А.Н. Яковлевым. Он, конечно прав в том, что войны, интриги, дипломатические встречи, переговоры и соглашения, бунты и революции, убийства и кражи, праздники и свадьбы, культурные мероприятия, спортивные состязания и т.д. и т.д., о которых пишут в газетах, — это не новые явления, они встречаются каждый день, как и тысячу лет назад. Но не писать об этом тоже невозможно. Тогда газета стала бы научным журналом. Желательно, правда, чтобы газеты не удовольствовались перечнем голых фактов, а поставили эти факты в более широкие общественные связи, другими словами, уделяли больше внимания аналитической работе.

Как зарубежный читатель я знаком с русскими газетами уже сорок лет. И мне трудно не согласиться с тем, что за это время многое изменилось в них, особенно за последние годы. Эти изменения, правда, не являются продуктом случая. Они возникли в результате исторических изменений внутри русского общества, прежде всего благодаря изменениям структур власти в обществе. Всеобъемлющая диктатура вождя партии нового типа в условиях культа личности

имеет специфическое отношение к информации для широких масс населения и идеологическому воздействию на них при помощи средств информации. Иное отношение (хотя не слишком отличное от первого) возникает в условиях коллективного руководства партией и государством узкого круга олигархов (членов политбюро и Центрального комитета партии). Совершенно другие требования были поставлены прессе при попытке реформировать реальный социализм сверху в условиях перестройки и гласности, и тем более на новейшем этапе развития России, когда, по словам А.Н. Яковлева, *"подходить ко многому надо уже по-другому, раз мы строим демократическое, правовое государство"* (там же).

На каждом этапе развития общества и властвования над ней пресса и ее работники стоят перед специфичными задачами. Существуют специфичные формы руководства прессой, специфичные формы зависимости журналистов и в связи с этим специфичные требования, предъявляемые журналистам извне, требования, без учета которых журналист не может долго работать в своей профессиональной сфере. Эти требования касаются, с одной стороны, выбора тех фактов, которые упоминаются в газете, и тех фактов, которые обходятся молчанием; с другой стороны, оценки этих фактов. В условиях реального социализма, до перестройки, читатель иногда мог извлекать больше информации из газет, следя за тем, о чем газеты не пишут, чем из того, о чем газеты писали, как ни странно это звучит. Коренным образом изменилась в течение последних десятилетий и оценка определенных событий, явлений, лиц на страницах русских газет. Таким образом, сомнений нет, что произошли большие изменения в областиприципов выбора и обработки газетной информации, а также и в области оценки определенных общественных явлений.

Как реагировал язык газеты на эти изменения? Газетное дело в России имеет 300-летнюю традицию. За это время был выработан язык газеты, который в состоянии отвечать любым требованиям журналистской работы в любых условиях. Благодаря этому исторические перемены последних десятилетий привнесли в список языковых средств, употребляемых в публицистике, не столько нововведений, сколько можно ожидать на первый взгляд. Правда, появляются новые термины, и научные и общественные, а число последних пополняется особенно быстро в условиях коренной перестройки общественных структур за счет старых терминов, которые становятся историзмами; появляются новые аббревиатуры, постоянно расширяются сочетаемостные возможности слов,

семантический объем отдельных слов расширяется или сужается. Может меняться и удельный вес определенных стилистических пластов лексики в рамках языка газеты. Но все эти явления входят в обычный ход жизни языка. Язык сравнительно медленно и запоздало реагирует на изменения общественного строя. Это и хорошо, так как только благодаря этой сравнительной независимости от случайных политических факторов язык может функционировать как средство общения для всех членов народа, всех поколений, всех социальных группировок. Неудивительно поэтому, что попытки доказать, будто русский язык в СССР или немецкий язык в ГДР коренным образом отличаются от того же языка в несоциалистических условиях, были обречены на неуспех (ср. критику таких концепций в книгах: Лексика современного литературного языка, Москва 1968, с. 16 и сл.; W. Fleischer, Wortschatz der deutschen Sprache in der DDR, Leipzig 1988, S. 13 ff.). Языковая традиция, передаваемая из поколения в поколение, структура языка сильнее кратковременных политических эпизодов. Поэтому не следует ожидать, чтобы через 9 лет после начала "перестройки" русский язык хотя бы в газетном стиле претерпел глубокие изменения.

Но тем не менее что-то уже изменилось в текстах газеты. Эти изменения проявляются, правда, не в форме возникновения совершенно новых речевых приемов, а в форме активизации или реактивизации речевых приемов, уже существующих в русской газетной речи, и в уменьшении частотности других речевых приемов, характерных для русских газет доперестроечного времени.

Во всех работах советского времени по основным принципам публицистики в социалистическом обществе подчеркивалось первостепенное значение пропагандистской и организаторской функций публицистики и повторялось одно положение из работ В.И. Ленина: *"Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор"*.

Как результат этого подхода к задачам газеты в текстах газет встречались сравнительно часто предложения с модальностью побуждения, призыва, запрета, небходимости, напр., инфинитивные предложения и предложения с эксклюзивными или инклюзивными формами повелительного наклонения. Их число в сегодяшних газетах ощутимо меньше. Особенно заметно это в заголовках. Очень редки стали заголовки типа *"Прибавить энергии в работе"* (Правда, 17 XI 1986, с. 1), *"Совершенствовать работу агропрома"* (Правда, 24 XII 1984, с. 3), *"Владеть ситуацией"* (Правда, 17 XII 1987, с. 3), *"Срочно примите меры"* (Вечерняя Москва, 1 XII 1988- с. 1) и т. п. Предложения с императивным значением в

заголовках сегодня еще встречаются в качестве совета или предупреждения, напр., *"Вовремя купи, вовремя продай. Советы биржевому спекулянту"* (Век № 10. 1994, с. 8), *"Некорректные приемы при расчете и выплате дивидендов. Московский общественный комитет предупреждает: акционеры, будьте бдительны!"* (Московские новости, № 5, 1994).

Но есть и примеры употребления названных форм в призывном значении, когда содержание заглавия обращается ко всем без исключения членам общества, напр., *"Берегите каждую каплю"* (Двадцать четыре, № 10, 1994, с. 6).

Интересно, впрочем, что формы повелительного наклонения и в текстах рекламы в сегодняшних газетах не употребляется для того, чтобы склонить покупателя к покупкам, не встречаются рекламные лозунги типа: *"Пользуйтесь услугами воздушного транспорта!"* или *"Сберегайте время — летайте самолетом."*

Заметно изменился и состав втречающихся в газетах типов текстов. Резолюции, решения, коммюнике, сообщения о ходе работы государственных и партийных органов и общественных организаций, были типичным явлением в русских газетах до конца 80-х годов. Сегодня читатель газеты гораздо реже видит тексты этого рода. Информация о работе общественных организаций передается читателю не с точки зрения самой этой организации, а с точки зрения публицистического органа, который он читает.

Образцы информативно-делового подстиля (ср. А.Н. Васильева, Газетно-публицистический стиль речи, Москва 1982, с. 44 и сл.) все-таки еще встречаются. Напр., Валентина Никифорова в газете "Правда" (24 мая 1994, с. 1-2) опубликовала статью под заглавием "И еще шаг к СССР", первый абзац которой напечатан жирным шрифтом и своей дикцией полностью соответствует речевому обычаю коммюнике о встречах представителей коммунистических партий. (Речь идет о координационной встрече представителей компартий государств, образованных на территории СССР.)

С другой стороны, появились новые типы текстов, которые не встречались на страницах советских газет, напр., гороскопы, прейскуранты (курсы валют, курсы акций, тарифы на авиабилеты и т.п.), просьбы о спонсоринге, краткая информация на первой странице издания о некоторых (по мнению редакции, интересных) статьях на последующих страницах.

Уже в годы перестройки в газетной речи стали чаще употребляться славянизмы. Эта тенденция еще более усилилась в 90-е годы. Напр., последние газеты, которые я читал, употребляли слово *"родина"* реже, чем слово *"отчизна"*.

Слово *"обитель"*, которое в словаре Ушакова характеризуется как типичное только для риторического стиля, снова вошло в употребление: Кремль называется *"златоглавой обителью"* (Московская Правда № 98, 1994, с. 11). То же самое можно сказать и о поэтизме *древо*: *"Важно, чтобы "древо" жизни продолжало цвести ..."* (там же, с. 13). Эти примеры свидетельствуют о тенденции к употреблению слов с торжественным значением в газетных текстах.

Другую функцию выполняет славянизм *промысл* в следующем примере: *"Австралийский суд установил, является ли падение библии на голову "промыслом божьим"* (Известия, № 105, 1994, с. 3). Здесь чувствуется не торжественность, а ирония.

В заголовках и в тексте статей современных газет очень часто встречается выражение противительных и сопоставительных отношений. И этот прием русским газетам прошлых деятилетий был не чужд, но сегодня проявляется сильнее. Вот примеры заголовков такого типа из одного газетного номера (Двадцать четыре, № 10, 1994): *"Есть королева ... придворных может и не быть"*, *"Это не рынок, а произвол"*, *"Договор подписан, война продолжается"*, *"Близнецы, но пока не братья"* (об отношении Молдавии к Румынии), *"Банки не только копят, но и производят"*, *"Лигачев отдыхает, но дело его живет"* (о пагубных последствиях для русской индустрии введения новых ставок акцизного налога), *"Долой Тургенева, да здравствует 'Тургенев' ."* (В этой заметке Ирины Ореховой пишется: *"Гибнет на глазах старейшая московская библиотека имени И.С. Тургенева. Зато рядом процветают два ресторана с символическими названиями 'Тургенев' и 'Полина Виардо'! Боже, что с нами?"*)

Не меньше число заголовков, содержащих противительные отношения, и в Известиях (№ 105, 1994):

> *"Многие заводы и фабрики могут быть проданы, а их руководители уволены", "Совет безопасности ООН готовится ввести санкции против КНДР. Россия 'за', Китай - 'против' ", "Совместные розыски пропавших без вести продолжаются: американцы получают список 'козельского конвоя', а мы — 'досье Клауса'? " "Радован Караджич летит в Москву не как политик, а как поэт и лауреат", " Сыщики из 'Кролла' нашли все, кроме золота КПСС", "Если бы Христос был коммунистом. Наследники дела Ленина начали новый поход на религию, на этот раз с целью ее приватизации", "Все дают вам советы, а мы предлагаем помощь", "В Анапе много солнца и мало отдыхающих", "Кутюрье работают на витрины, а улица носит свое. И Париж и Москва в этом похожи".*

Язык газеты 90-х годов XX столетия может прибегнуть к одному речевому приему, которым можно пользоваться только в годы перехода от общественной системы реального социализма к новым формам общественной жизни. Дело в том,

что взрослый читатель газет и журналисты в России и в других странах Средней и Восточной Европы знакомы с двумя системами общественной жизни — социалистической-коммунистической и посткоммунистической, они располагают двумя во многом противоположными шкалами оценки общественных явлений, двумя системами общественной терминолгии. В этой ситуации публицист в своей речи может сопоставить несопоставимое и достигнуть таким образом сильного стилистического эффекта, большой стилистической экпрессивности.

В "Комсомольской правде" (№ 98, 1994. с.11) опубликована статья А. Гамова *"Ударная стройка. Ремонт Кремля".* Кому не приходит в голову, при чтении этого заголовка, типичный советизм *ударный,* "относящийся к выполнению важной и спешной работы" и устойчивое сочетание *ударная стройка пятилетки* ? В этой статье сказано:

> *"Работы ведутся в две смены, по бригадному подряду, организовано даже 'капиталистическое соревнование'. Как сообщил нам начальник участка Владимир Срыпник, план строители ежедневно выполняют на 150-160 процентов и при этом ... ни капельки не выпивают, как это частенько случается па других площадках".*

В этих двух предложениях рядом встречаются советизм *выполнять план на сколько-либо процентов*, термин перестроечного времени *бригадный подряд*, и во фразеологическом выражении *социалистическое соревнование* первый компонент заменяется антонимом *капиталистическое.* Нельзя лучше охарактеризовать переходное состояние современной экономической системы России! В другом месте автор пишет: " *И вот с начала нынешнего, решающего и определяющего гооа кремлевской двухлетки, обгоняя правительственные лимузины, заглушая своим ревом бой курантов, к златоглавой обители устремились экскаваторы, автокраны, бетоновозы, самосвалы ..."* И здесь употребляется сопоставление пятилетних планов социалистического времени с современным планом реконструкции архитектурного памятника. Относительно последнего применяются те же штампы, какие применялись относительно пятилеток в лозунгах типа: "энный год — *решающий и определяющий год* энной пятилетки".

Интересный пример расширения сочетаемости лексем представляет следующее предложение: *"Смысл реформы в том, что практически ликвидируется такой* ***социалистический пережиток****, как 'право полного хозяйственного ведения'. Это право дало возможность директорам госпредприятий полностью распоряжаться госсобственностью, ни за что при этом не отвечая,"* (М. Бергер, Правительство Черномырдина подготовило небольшую экономическую революцию, "Известия", № 96, 1994, с.1). (Речь идет о проекте указа о реформе

госпредприятий и о продаже предприятий-должников) Слово *пережиток* вошло в русский язык лишь в XX веке. В советское время оно употреблялось с целью придания отрицательной оценки нежелательным, с точки зрения коммунистической партии, явлениям общественной жизни. Иногда оно служило и средством, при помощи которого можно было свалить вину за отрицательные стороны жизни в социалистическом обществе на досоциалистические общественные отношения: *"Злоупотребление спиртными напитками — пьянство, приводящее к алкоголизму, является одним из позорных и вредных пережитков капиталистического прошлого"* (Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. Том первый, Москва 1959, с. 11). Пять лет тому назад словосочетание *социалистический пережиток* было просто немыслимо. Тем больше стилистический эффект его на сегодняшнего читателя. Но можно предполагать, что чем чаще употребляется это словосочетание в газетной речи, тем больше стирается этот эффект. Оно может стать таким же серым штампом, как *пережитки капитализма.*

В заглавии *"Кадры действительно решают все, считает Кристофер Майер, американский специалист в области менеджмента"* (Финансовые известия, № 23, 1994, с. IV) знаменитый лозунг КПСС "Кадры решают все" сопоставляется с мнением капиталистического менеджера. Совпадение суждений представителей противоположных общественных систем подчеркивает в этом случае истинность данного суждения. Этот лозунг употребляется и другими авторами. Он стал крылатым словом, устойчивым сочетанием, которое в стилистических целях может варьироваться. Так, напр., передовая "Литературной газеты" от 9 XI 1994 г., написанная главным редактором этой газеты А. Удальцовым, озаглавлена: *"Кадры решают не всё".*

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что язык русской газеты представляет собой твердо устоявшуюся речевую систему, устойчивую против кратковременных общественных перемен и в то же время довольно гибкую, так что она в состоянии отвечать всем предъявляемым ей требованиям. Влияние на язык газеты определенных политических направлений и систем могло иногда сузить или расширить одни или другие составные части этой системы, но не полностью изменить ее.

Hildegard Spraul
Universität des Saarlandes, Saarbrücken

Семантические изменения в русской общественно-политической лексике последних лет (1987 - 1993)

Изложение темы представлено по следующим разделам:

1. *Изменения политического и общественного строя и общественно-политическая лексика.*
2. *Определение источника сравнения для семантических изменений в лексике.*
3. *Теоретический подход к описанию лексической семантики.*
4. *Демонстрация анализа на примере слова демократия.*
5. *Новый тип текста на русском языке: политический дискурс*
6. *Заключение*

1. Изменения политического и общественного строя и общественно-политическая лексика

Русский литературный язык XX века дает богатый материал для исследования воздействия радикальных общественных изменений на тот пласт лексики, которую принято называть общественно-политической.

Это положение отмечалось языковедами еще при изучении лексики после Октябрьской революции. Напомню только наблюдения Льва В. Успенского, относящиеся к 1928-му г. и опубликованные только в 1931-ом г. в Праге. Здесь говорится об употреблении слов *"оппозиция"* и *"партийный"*:

> *(1)"... термин 'оппозиция' с 1925 года называет в общем языке круг явлений гораздо более узкий, нежели раньше; слово 'партийный' могло в прежних условиях означать лицо, состоящее в какой-либо партии, теперь - только 'член ВКП (б)'."(268)*[1]

В наши дни, примерно с 1987 г., мы более отчетливо наблюдаем похожие изменения в семантике слов, которые опять-таки стали предметом дискуссий как в прессе, так и в научной литературе о ней. Приведу только один пример:

> *(2) "Но дело даже не в дефиците объяснений ... . У нас нет языка, на котором можно было бы говорить о политике, экономике, государстве и обществе, не впадая в новую мифологию. Слова* **"демократия", "референдум"** *и т.п. у нас большей частью очень отдаленно соответствуют обозначаемым объектам" (Лит. Газ.17- го фев. 93г).*

С лингвистической точки зрения, здесь следует отметить, что высказанные ожидания однозначного соответствия языкового знака с обозначенным объектом

весьма наивны. Напротив, забегая вперед, могу сказать, что именно семантические изменения наших дней привели к большей многозначности слов - явлению, которое представляет собой неотъемлемую предпосылку любого политического дискурса.

Сегодняшние изменения в лексике публицистики связаны с отказом России от диктатуры советской власти и связанного с ней авторитарного строя, установление которых повлекло за собой в 20-ые годы и последующие десятилетия вышеупомянутые семантические сдвиги в сторону идеологизированного сужения слова.

Вступление в силу в августе 1990 г. Закона о печати и фактический уход с политической арены в 1991 г. КПСС как всеобщей правящей силы дали юридическую и политическую основу для плюрализма в публицистике.

Комплекс неязыковых факторов делает описание и определение языковых изменений весьма сложным. В то же время, при неоспоримой условности точки зрения современника, наблюдаемые явления и процессы требуют своего освещения и осмысления, о чем и свидетельствуют многочисленные публикации на данную тему в российской и зарубежной русистике.

В дальнейшем мне хочется представить в свете лингвистических данных два аспекта новой русской публицистики, а именно

1-е: семантические изменения словесных единиц и их последствия для лексикографического описания; т. е. аспект, затрагивающий системный план языка (см. пункт 4), и

2-е: использование этих же семантических изменений в политическом дискурсе; аспект, который причисляется к лингвистике текста (см. пункт 5).

2. Определение источника сравнения для семантических изменений в лексике

При трактовке семантических изменений слов требуется выяснить, *с чем* мы сравниваем сегодняшнее значение, *в чем* мы видим точку отсчета?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего надо напомнить о следующем: многочисленные лингвистические исследования подтверждают, что десятилетиями в СССР проводилась известная языковая политика относительно средств массовой информации. Здесь уместно вспомнить понимание газеты у Ленина. Известна его

---

[1] *Успенский, Л.В.*, Русский язык после революции."Slavia", Časopis pro Slavanskou Filologii, Rožnik X.

формулировка 1901 г.: *"Газета - не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор."* [2] Это определение стало лозунгом, тысячекратно повторявшимся и теоретиками средств массовой информации, и практиками-журналистами.

В этих условиях образовался подвид языка, который сегодня не только в зарубежной, но и в российской лингвистике называют ***"новоязом"***, (*"newspeak"*, по-французски *"langue de bois"*).[3]

В Советском Союзе данный подвид языка порой описательно называли *"языком трибуны"*, лексемы которого определялись дефинициями и комментариями в *Академических толковых словарях.* Отсюда они были заимствованы в общие и специальные словари, напр. в такие как "*Словарь русского языка*" (СРЯ) С.И. Ожегова[4] и "*Словарь-справочник агитатора и политинформатора*"[5].

Сказанное позволяет сделать вывод, что *"новояз"* встречался не только в текстах средств массовой информации. Вернее, этот санкционированный "язык трибуны", опираясь на мощную силу государственной идеологии, определял рамки значения общественно-политической лексики вообще, создавал стереотипы для их употребления в массах.

Поэтому при решении вопроса о том, какие языковые факты могут служить точкой отсчета для исследования изменений в сегодняшнем лексиконе, правомерно исходить из того, что в качестве *"tertium'a comparationis"* здесь выступает та кодифицированная общественно-политическая лексика доперестроечного времени, которая описана в Академических толковых словарях.

Конкретно я опираюсь на *"Толковый словарь русского языка"* Ожегова в издании 1983 г. Отмечу, что весьма интересно сравнить словарные статьи основополагающих политических и экономических терминов, например

Praha (1931), 252-287.

[2] *Ленин, В.И.*, С чего начать, "Искра" 1901; Полн. собр. Москва, 1967, т.5, с.11.

[3] ESSAIS sur le discours soviétique, (1981 - 1987) 1 - 7, Université de Grenoble. *Spraul, H.*, Elemente des hohen Stils in der neueren sowjetrussischen Publizistik. "Ztschr.f.slav. Philologie", Heidelberg 1987, S. 98-115.
Weiss, D., Was ist neu am "Newspeak"? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion. In: Rathmayr, R.(Hg.) Slavistische Linguistik 1985 (=Slavistische Beiträge, Bd. 200); München 1986, S. 247-325.

[4] *Ожегов, С.И.*, Словарь русского языка, изд.14-ое, стереотипное, Москва, 1983.

[5] *Краткий словарь - справочник политинформатора и агитатора*, Москва, 1989[6].

"социалистический", "рынок", "собственность", "частная собственность" и т.п. в последних изданиях этого словаря: контуры идеологического рубежа между периодами "застоя" и "нового мышления" вырисовываются в изданиях 1987 г., с одной стороны, и 1989 г.- с другой. Мне было любопытно найти подтверждение сказанному в последнем *варианте "Толкового словаря"*, изданном в *1992г.* уже под редакцией двух авторов - Ожегова и Шведовой. Этот словарь с лингвистической и языковой точек зрения фиксирует в значительном объеме постсоветское состояние русской лексики. Из весьма любопытного предисловия ограничусь следующей цитатой:

> *"Существенным моментом является то, что этот словарь полностью освобожден от тех навязывавшихся извне идеологических и политических характеристик и оценок именуемых понятий, которые в той или иной степени присутствовали в предыдущих изданиях (в меньшей степени - в 21-м - т.е. 89 г. Х.Ш.) и от которых ни авторы, ни редактор не в силах были освободиться."*[6]

3. Теоретический подход к описанию лексической семантики

Из многочисленных языковых и речевых изменений ограничусь здесь *изменениями лексической семантики.* Анализ основывается на следующем фактическом материале.

На факультете переводчиков университета земли Саар примерно с 1989 г., при участии студентов и преподавателей, изучается язык советской и российской прессы, в первую очередь в таких газетах и журналах, как:

"Известия" (Изв)," Правда", "Аргументы и Факты" (АиФ), "Московские Новости"(МН), "Литературная газета"," День" и "Огонек".

Дополнительно мы следим за языком общественно-политических передач 1-го канала российского телевидения.

Специфику этого материала мы видим в том, что он отражает употребление общественно-политической лексики в массовом пользовании, т.е. интересует нас как носитель стереотипных образов восприятия и мышления.

Это обстоятельство и повлияло на сделанный нами выбор лингвистического подхода при анализе: опираясь на методы структурной лингвистики, мы в то же время проводим изучение языка и речи не только под углом зрения знаковой системы, но и учитываем современные концепции анализа знания в понимании "*conceptional frames*"[7].

---

[6]*Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю.*, Толковый словарь русского языка, Предисловие, с.4, Москва, 1992.

[7]*Fillmore (Филлмор, Ч.)*, Фреймы и семантика понимания. Новое в зарубежной лингвистике, XXIII, Москва, 1988, 52 - 92.

В соответствии с этими концепциям, некоторый общий пласт общественных понятий находит свое отражение в массовом употреблении слов. Семантические рамки и контуры этих слов определены самими людьми, членами данной языковой общности, которые осмысляют и обозначают свои различные социальные роли.

Напомню, что подобный подход лежит в основе фундаментального исследования об основных политических понятиях и их употреблении в речи французской революции, подготовленного авторским коллективом ученых из разных стран.[8]

Таким образом, мы сравниваем употребление в современной прессе отдельных единиц общественно-политической лексики с их толкованием в доперестроечное время по "Словарю русского языка" Ожегова в издании 1983 г.

При изучении *политического дискурса* (употребляя известный термин текстовой лингвистики) мы опираемся на получившие широкое признание работы о немецком политическом дискурсе. Назову здесь лишь работы *Dieckmann'a* (1975²), *Klein'a* (1989) и *Strauss'a* (1986).[9] Следующая цитата представляет собой широко признанное определение языка политических текстов:

> *"Politische Sprache ist ein spezifischer Verbund aus Fachsprachenpluralität und öffentlicher Sprache, eine Sprache, deren soziale Geltung nicht auf bestimmte Expertengruppen eingeschränkt ist und die nicht nur über ein kognitiv-denotatives, sondern auch ein evaluativ-persuasives Potential verfügt."(G. Strauss, 1986, 194)*[10]

4. Демонстрация анализа на примере слова "демократия"

Используя слова ***демократия*** и производные от него, представлю теперь конкретный пример анализа и его результаты.

При обработке газетных текстов мы выделяем изучаемое слово с его ближайшими синтаксическими связями: учитываются в первую очередь перечисление, предикативные и разного рода определительные связи.

---

[8] *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680-1820*, Hg.: Reichhardt, R., Schmitt, E. et alii, München 1985.

[9] *Dieckmann, W.*, Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache, Heidelberg1975² . *Klein, J.*, Wortschatz, Wortkampf, Wortfelder in der Politik. In: Klein (Hg.)Politische Semantik, Opladen 1989, 3 - 50. *Liedtke, F.* (Hg.), Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik. Opladen 1991; *Strauss, G.*, Der politische Wortschatz. Zur Kommunikations- und Textsortenspezifik, Tübingen 1986.

[10] "Политическая речь представляет собой специфическое соединение множеств языков специальности и публичной речи, т.е. это речь, которая имеет коммуникативную функцию не только среди экспертных групп; и которая обладает не только когнитивно-денотативным потенциалом, но и эвалуативно-перзуазивным." (Перевод наш.Х.Ш.)

Приведу один пример. (Перечень использованных примеров в сокращенном виде дается ниже.) В "Известиях" от 24 авг. 1991 г. о *демократии* говорится:

> *(3) Эти проблемы следует решать ... демократическими методами и теми властными структурами, которым это право доверено законом и Конституцией.*

Для семантического анализа мы выделяем ***закон*** и ***Конституция***, что и зафиксировано в перечне; номер в скобках (т.е. "3") указывает на нумерацию цитат.

Соответственно обработаны все примеры, - приблизительно шестдесять- и мы видим, что слово ***демократия*** и производные от него употребляются в многообразных, частично исключающих друг друга связях, как например, см. ниже: (5 и 8): *нормальный* ("нормальное понимание демократии") и *парламент*; а (22): *народовластие* и *Совет*; (4): *ценности современной цивилизации,* а (24): *буржуазный* и *гнилой* и т.д. В следующем перечне примеры упорядочены по источникам:

демократия

(Изв. 24.8.1991)/ **закон, Конститутция** (3)
ценности современной цивилизации (4)
(Изв. 16.4.1992)/ **нормальный, парламент** (5)

(МН 26.1.1992 /**дисциплина, свобода слова** (6)
либеральный оттенок, индивид (7)
нормальный (8)
уважение (к человеку) (9)
равенство (10)
трудолюбие, вера в Бога (11)
мир, согласие, помощь (12/13)
немонархический (14)
болтовня (15)
глупость (16)
коммунизм, эгоизм (17)
умеренно авторитарный, демокр. централизм(18)
эгалитаристский, народ ("интересы народа")(19)
шаман, анархический, распад (20)
прототалитарный (21)
(МН 23.2.92)/ **базисный, народовластие, Совет** (22)

(Правда, 24. 2.1992)/ **буржуазный, лживость** (23)
(Правда, 26.11.1992)/ **буржуазный, гнилой** (24)
(Правда, 11.7.1992)/ **тоталитаризм** (25)
посредственность (26)

демократ

(Правда, 11.7.1992) **хищник, коррупция** (27)
разрушение, преступность (28)

демократия

(День, 15, 12.-18.4. 1992)/ **диктатура** (29)
(День, 36, 6.-12.9.1992)/ **преступность** (30)
(День, 9, 1.- 7. 3.1992)/**тоталитаризм, пропаганда**(31)
террор (32)
(День,9, 1.-7.3.u.Nr.40/1992)/**лживость, антинародность** (33/34)
(День, Nr. 40/1992)/ **развал, болтовня** (35)

демократ

(День, 9, 1.-7.3. 1992) /**либерал** (36)

демократизм

(День, 15, 12. - 18.4. 1992)/ **прозападный, проамериканский, псевдодемократизм** (37)

демократия

(Ожегов, СРЯ, 1983)
/**социалистический, буржуазный** (38)

(Ожегов, СРЯ, 1990)
/**социалистический, народовластие** (39)

Чтобы упорядочить пеструю семантическую картину, дальнейший анализ строим на основе семантической категоризации, сформулированной в философских трудах[11] и используемой в западной лингвистике. Речь идет о различии между *интенсиональными* и *экстенсиональными* значениями слова, что можно толковать как различие между смыслом и значением или как различие между внутриязыковыми и речевыми связями, с одной стороны, и связями означающего с денотатом, с другой.

В приведенных выше примерах мы рассматриваем обнаружившиеся семы как отдельные семантические признаки интенсиональных, смысловых значений слова ***демократия.***

Интенсиональные значения мы сопоставляем с экстенсиональными, денотативными, что иллюстрирует следующая схема в виде координатной сетки:

[11] *Frege, G.*, Über Sinn und Bedeutung, Ztschr.f.Philos.u.philos. Kritik, NF 100, 1892, S. 25-50. In: Frege, G., Funktion, Begriff, Bedeutung (Fünf logische Studien), Göttingen, 1966, S. 40-65.

"ДЕМОКРАТИЯ"

(экстенсия)⇒	Парламентская демократия 1990 -1993		Народная демократия		
(источник)	Изв./МН/	МН/Правда/День			Ожегов83
(означаемое) / (Sem)	демокр$_1$	демокр$_2$	демокр$_3$	демокр$_4$	см. демокр$_2$ и демокр$_5$
I					
закон (3)	+				
Конституция(3)	+				
парламент (5)	+				
немонархич. (14)	+				
ценности совр. цивилизации (4)	+				
нормальный (5/8)	+				
свобода слова (6)	+				
индивид (7)	+				
равенство (10)	+				
трудолюбие(11)	+				
вера в Бога (11)	+				
мир/согласие/ помощь (12/13)	+				
II					
буржуазный (23/24/38)		+			+
лживость (23/33)		+			
гнилой (24)		+			
посредственность (26)		+			
тоталитаризм(25/31/21)		+	+		
диктатура (29)		+			
террор (32)		+			
хищник (27)		+			
коррупция (27)		+			
преступность(28/30)		+			
развал (28/35)		+			
прозападный (37)		+			
антинародный(34)		+	+		
либерал (36)		+			
болтовня (15/35)		+			
глупость (16)		+			
коммунизм, эгоизм(17)		+	+		
III					
демокр.централизм(18)				+	
эгалитаристский(19)				+	
народовластие(22/39)				+	
Совет(22)				+	
социалистич.(38/39)					+

При рассмотрении схемы следует учесть, что в 1-й строчке *горизонтали* перечислены ***экстенсиональные*** значения. В нашем случае речь идет о двух

денотатах, здесь можно сказать - о двух реалиях : о *парламентской демократии* и о *народной демократии*. Следующая строчка указывает источники и время их публикации. Далее по горизонтали - перечень толкований означаемого. Эту строчку следует рассматривать в сочетании с данными по вертикали, т.е. различными семами интенсиональных значений или смысловых оттенков. Крестики в сетке указывают на использование слова ***демократия*** с учетом всех названных здесь факторов.

Забегая вперед, хочу представить результаты этого рода синопсиса. Они показывают, что в современных газетных текстах русское слово ***демократия*** встречается в 4 толкованиях, обозначенных здесь цифровыми индексами "1 - 4". Семы объединяются в 3 подкласса, на что указывают римские цифры "I - III".

Анализ по этой сетке можно вести с разных точек зрения. Начну его с рубрик по горизонтали, т.е. с точки зрения денотативного экстенсионального значения.

Мы видим, что создаются новые, по сравнению с толкованием в Ожегове 83 г., *полисемии*. Это подтверждает употребление слова *демократия* в смысле "парламентской демократии" - денотат, который относится теперь к реалиям и самой России, чего нет при толковании в словаре Ожегова. Такого рода семантические изменения слова можно квалифицировать как *расширение значения* - процесс, который наблюдается сейчас у большого количества слов общественно-политической лексики. Здесь можно привести такие слова, как: ***рынок, биржа, частная собственность, бизнес, партия, оппозиция, парламент, Конституция, безработица, пособие*** и т.д. Все эти слова могут обозначать сегодня реалии и самой России.

Тема *парламентской демократии* в России в последние годы широко и горячо обсуждается в прессе, о чем свидетельствует большое количество примеров.

В то же время слово *демократия* продолжает обозначать ***народную демократию***, как это видно из примеров (18/19/22) и других. По схеме они объединяются пучком смысловых сем "III", а именно *демокр.централизм, эгалитаристский, народовластие*. Здесь уместно указать на то, что данное использование слова *демократия* соответствует его традиционному толкованию в Ожегове 83 г.

Включая в дальнейший ход анализа другие выявленные здесь смысловые семы, мы обнаружим иной подтип семантических изменений, что хорошо можно продемонстрировать на наборе сем под цифрой "II":

(1) речь идет о *парламентской демократии*, однако в соответствии с трактовкой в Ожегове-83, как *буржуазной* и

(2) в отличие, однако, от Ожегова, означаемое относится к реалиям в своем обществе, в **своей** стране.

Представленные здесь семантические изменения в культурном и духовном плане куда более весомы, чем рассмотренное выше расширение значения, ведь смысловые семы выражают шкалу социальных и духовных ценностей, укоренившихся в обществе и лежащих в основе поведения и действий его членов. Мы видим, что **идеологические штампы** (см. "гнилой", "хищник", "развал", "антинародный", "болтовня"), предназначенные в советское время для разоблачения "врага", капиталистического, буржуазного общества, теперь уже используются, когда речь идет о **новом** общественном и экономическом строе в России. Ранее принятое дуалистическое деление мира на "добро", т.е. "свое" и "зло", т.е. "чужое" переносится внутрь своего общества. В условиях плюрализма мнений, борьба политических сил ведется и в сфере слов, в политическом дискурсе, и влечет за собой раскрытые семантические изменения. С формальной точки зрения, их можно обобщенно квалифицировать как *семантические сдвиги значения слова*. Именно они характерны для русской общественно-политической лексики наших дней. В основном, как показывают наши примеры, это семантические сдвиги в *двух* направлениях: *одни* говорят о политическом строе новой России в смысле *буржуазной демократии*, а *другие* представляют теперь ***народную демократию*** в смысле западной критики советского режима (см. Nr.17,21,33).

Итак, слова ***демократия*** и производные от него употребляются сегодня в 4-х основных толкованиях (см. "демокр.1-4"), из которых первые 3 являются новыми для русской общественно-политической лексики, а 4-е продолжает традицию советской лексикографии.

5. Новый тип текста на русском языке: политический дискурс

В советское время публицистический материал, с точки зрения лингвистики текста, был довольно скудным. По известным идеологическим причинам, политического дискурса не могло быть, о чем непосредственно свидетельствует

широко распространенное мнение социолингвистической литературы. Следующую оценку можно считать общепринятой:

> *"В государстве с антагонистическими классами одним языком пользуются представители разных классов, поэтому гонение на слова, равно как и употребление одних слов в разных значениях, всегда практиковалось политическими противниками. (стр. 35)... В социалистическом обществе нет антагонистических классов, в СССР однопартийная политическая система, нет социально-экономических причин для развития разных политических диалектов." (стр. 42)*[12]

Общеизвестно, что за последние 5 лет положение в русской публицистике полностью изменилось, что мы продемонстрировали на примерах и их анализе (слово *демократия*). В новых условиях российские газеты, отражающие свойственное любой прессе стремление **повлиять на массового читателя**, дают любопытный материал для исследования русской публицистики нового типа - так что специалистам по лингвистике текста есть чем заниматься. В число новых задач входят не только набор и классификация фактического материала, но и создание и упорядочение нужной терминологии!

Теперь и русские газетные тексты характеризуются типичными приемами политического дискурса, а именно - пользуюсь предложенной тогда, правда не для "своих" текстов - терминологией Лысаковой: *"гонение на слова", "употребление одних слов в разных значениях"* (для сравнения назовем из немецкой терминологии: *Bezeichnungskonkurrenz, Bedeutungskonkurrenz, Fahnenwörter, Stigmawörter*; [см. сноску № 9]). Приведенные в "документации" примеры и их анализ с помощью координатной сетки иллюстрируют это новое положение.

6. Заключение

Были рассмотрены два новых явления русской общественно-политической лексики, мотивированных ее семантическими изменениями, а именно:

- изменения на уровне языковой системы, см. новые толкования словесных единиц в Академическом словаре 93-г.; и

- новый подвид текста - политический дискурс.

В заключение отмечу, что из большого количества сегодняшних изменений в русском лексиконе тип **семантических сдвигов** в общественно-политической лексике имеет особый вес. Рассматривая его с макро-лингвистической точки зрения, следует подчеркнуть, что отмеченные сдвиги - выражение в языке кардинальных идеологических изменений.

Наличие при этом одновременно и старой, и новой шкал ценностей отражает духовный и социальный кризис общества.

В то же время, именно такое обострение ситуации привело к обновлению политического дискурса российской публицистики. А это открывает перед лексикографией, текстовой лингвистикой и другими дисциплинами нашей науки новые, интереснейшие перспективы.

---

[12] *Лысакова, И.П.*, Язык газеты: социолингвистический аспект. Ленинград,1981.

Maja Szczymoniuk
Uniwersytet Śląski, Sosnowiec

Новая мифология и стилистические искания в русской публицистике

В процессе эволюции русского литературного языка в наше время, бесспорно, ведущая роль принадлежит текстам публицистического функционального стиля. Благоприятствуют этому особенности указанной сферы коммуникации: доступность, и огромное разнообразие современной периодики, и неотразимое влияние таких могущественных массовых аудио-визуальных средств, как радио и телевидение. С художественной литературой усредненный читатель сталкивается все реже. Мы не пытаемся оценивать это явление, но считаем необходимым отметить, что именно публицистика, газетная и журнальная, оказалась исключительно предрасположенной к тому, чтобы незамедлительно отреагировать на изменения в менталитете современного человека, происходящие сейчас под влиянием общественного развития и общественных катаклизмов.

Обвальный крах идеологии коммунизма, которой больше 70 лет служила публицистика, сделал это служение ненужным. А ведь при всей своей шаблонности и лопатологии пропаганда и агитация как способы воздействия на читателя обладали магической силой в тоталитарной публицистике.

В новых экстралингвистических условиях в наши дни, даже в прокоммунистической прессе, уже невозможно стало употреблять скомпрометированные идеологемы, поскольку миф коммунизма рухнул, а только укорененностью мифа в коллективном сознании можно объяснить повсеместное использование текстов, в которых неустанно поучали народ о преимуществах идей марксизма-ленинизма и советской общественной модели.

Ясно, что в первую очередь сдвиги в общественном сознании сказались на мыслительных стереотипах, которые формулировались открытым текстом и с которыми публицистика вынуждена была и сумела расстаться. Рассталась ли она с теми скрытыми злоупотреблениями в семантике высказываний, с языковыми стереотипами, иначе говоря, с Оруэлловским "нью спич"— новоязом? И может ли "новояз" служить другим тоталитарным идеям?

Не вызывает сомнений, что повторение в публицистике целой системы стереотипных оценочных эталонов, придававших лексике не свойственную ей в других функциональных стилях ценностную маркированность, в условиях радикального преобразования шкалы идеологии становится неактуальным. Мало

того, их автоматическое повторение привело бы к ослаблению и компрометации доминантной функции газетно-публицистического стиля — функции воздействия. Эта мысль может показаться самоочевидной, но в ней кроется совсем не простой вопрос, как при элиминировании одиозной агитации и пропаганды осуществляется все же эта ведущая функция русской публицистики - суггестивность - если этот стиль по-прежнему будет сохранять свою функциональную тождественность. И еще один вопрос: приводят ли наблюдающиеся в периодике изменения в лексике и синтаксисе, а также в коммуникативно-прагматических нормах к более обобщенным сдвигам в стиле коммуникантов, что, со своей стороны, перетасовало бы типологические, так называемые дифференциальные черты газетно-публицистического стиля как такового?

Поскольку сейчас уже мало кто сомневается, что даже индивидуальный стиль взаимодействует с семантикой текста, ясно, что коммуникативная ситуация, конкретное содержание и цель сообщения диктуют выбор языковой значащей формы, производным от которой является стиль текста. В связи с этим анализ новшеств мы начали с материалов, в которых открытым текстом давалась идейная направленность их авторов - адептов новой мифологии.

Миф как явление коллективного смысла, сопутствующего человеку на протяжении всей его истории, не чужд человеческому мышлению и в наше время. Сошлюсь на польского философа Лешка Колаковского, который объясняет жизнеспособность мифа тем, что человек *" не мирится с миром случайностей, с его полной исчерпанностью конкретной ситуации, границы которой очерчены лишь тем, чем она является и которая ни к чему больше не отсылает."* (L. Kołakowski) Еще в большей степени это относится к переломному историческому моменту, когда именно новые мифы привносят в краткую человеческую жизнь масштабность, осмысленность и уверенность. В наше время в России зияние коллективного сознания начинает заполняться главным образом двумя мифами: национализма и православия как религии русского народа.

Эти обстоятельства стали поводом для того, что материалами, с которых мы начали анализ, были тексты, связанные с национальным возрождением русского народа, почерпнутые из журнала *"Наш современник"*. Одновременно в качестве контрольных текстов просматривался материал из *"Огонька"* — еженедельника, который возглавил идеологическую перестройку, а также из еженедельника *"Аргументы и факты"*. Таким образом, нами не учитывалась типичная газетная периодика. Но даже те скромные материалы, которые нам

удалось проанализировать, показали, что разброс стилистического новаторства неоднозначен и проникает в разные по идеологической устремленности тексты.

Начнем с одного часто повторяющегося новшества в характере повествования, связанного с ролью коммуникантов, т.е. в прагматике текста. В просмотренных материалах дейксис повествования часто принимал открытую эксплицитную форму I лица ед. ч., тогда как в доперестроечной публицистике имплицированный образ автора был представлен в репрезентации субъекта речи очень слабо. Наиболее подходящим жанрово-стилевым вариантом для произведения имплицированного автора в периодике является экспрессивно-публицистический подстиль (А. Васильева, 1989: 106, 107) — репортаж и фельетон, в которых даже во время полного отсутствия интереса к индивидуальности пишущего автору позволялось обратиться к читателю от собственного имени, представляющего все-таки не индивида, а гражданина страны. Конечно, при субъективизации текста выступает известная по художественной литературе, хотя и несравненно ослабленная, идеализация реального автора. Сейчас в статьях *"Огонька"*, а особенно *"Нашего современника"* интенсивно проявляется "я", которое представляет собой и субъект речи, и субъект сознания, и субъект наблюдения (Е. Падучева, 1993).

В каких-то материалах периодики встречается *"мы"* как обращенное к некоторой социальной группе, но это уже не *"мы"* бодрых строителей социализма. Например.

"Может быть, мы научимся лучше понимать своих соседей. Хотя бы потому, что все мы попутчики".

Даже в информационных заметках (конечно, не официально-информативного или информативно-делового характера), где текст всегда подавался от так наз. 3-го лица, всезнающего, но себя никак не проявляющего, появляется конкретный субъект речи. Так, в приводимой в *"Огоньке"* рубрике *"Блики недели"* введение субъекта речи становится обычным явлением. В номере 10 за 1993 г. среди 10 информационных заметок в 7 появился нарратор, идентифицирующийся с автором. Таким образом наступают изменения в прагматическом ярусе текста, в его коммуникативно - прагматической норме, выработанной для рассматриваемого стиля.

Среди наблюдающихся нами сдвигов есть явления, которые так необычны для публицистики, что их упрочение может наложить стилистический штрих на всю русскую публицистику. Это трудность изложения. Прослеживается это

стилистическое новшество в проблемных статьях, в неофициально-информационном подстиле, в экспрессивной публицистике. Текст становится трудным. В него надо вчитываться. Конечно, это лишь новые тенденции, только появляющиеся в периодике, но это уже не индивидуальный стиль того или иного автора, а именно тенденция, так как она свойственна слогу разных авторов, представителей разных идеологических направлений.*

Изменения происходят при помощи различных стилистических приемов. Один из них — имплицитность содержания. Как отметил еще Н. Жинкин (1982: 84), в тексте обязательны смысловые "скважины". Иначе говоря, ни один субъект речи не в состоянии описать шаг за шагом все обстоятельства развивающихся событий и перечислить все их элементы. Конечно, коммуникация возможна благодаря общим вербализованным и невербализованным фоновым знаниям, среди которых типизированные фоновые знания и другие их виды (Шабес, 1989: 10). Большую роль в идиоматике языка играют также стереотипные лингвистические номинации типизированных ситуаций: покупка, продажа, прогноз погоды, вызов по телефону и т.п. — все это способствует пониманию текста, несмотря на "скважины" не только в устном общении, но и в диалоге нарратора с читателем. Однако, в публицистических текстах предметом описания являются не одни лишь события, представленные, конечно, в сокращенном виде; авторы делятся своими размышлениями, приходят к каким-то выводам. Обычно в публицистике они настолько очевидны, что мы не замечаем их механизма. А механизм этот часто опирается на силлогизмы.

В современной математической логике силлогизмы рассматриваются как импликации. Мы же воспользуемся распространенной в русской науке традицией категорических суждений, которая различает две посылки с общим средним членом и третье умозаключение. Доказано, что обычно в речи пропускается большая посылка, содержание которой как раз и входит в общие фоновые знания, таким образом получаем умозаключения в сокращении - энтимемы - с имплицитным указанием на пропущенное утверждение (А. Кривоносов, 1992). Однако, как нам кажется, в случае вводимых в текст новых терминов и понятий большая посылка для ясности вывода не представляется излишней.

Приведу для экспликации указанного постулата два примера. Сначала воспользуюсь наиболее универсальным силлогизмом "Barbara". В одной из статей

---

* Среди авторов "трудных" текстов: *С.Семенова, Н. Журавская, Н. Чугунова, В. Курбатов, Д. Галковский.*

"Огонька" написано: *" Я ведь понимаю, почему женщины Капусткина так злобно и яростно отвергают саму мысль об участии правосудия и Закона в решении нашей с ними проблемы. Они ведь деревенские."*

Малая посылка: Капусткины — деревенские.

Большая посылка: Деревенские отвергают всякую мысль об участии *правосудия* и закона в повседневных спорных вопросах.

Умозаключение: Женщины Капусткина злобно отвергают саму мысль об участии правосудия и закона.

Пропущенная в цитированном фрагменте большая посылка, по нашему мнению, требует эксплицитного выражения, потому что она весьма сложна и спорна и не может быть заложена в фоновом знании читателя. Автор же статьи, аргументируя свой вывод, исключает выяснение большой посылки и при этом вводит новые факты, ссылаясь на отсутствие коммунальных квартир в деревне как на положительное явление. Но это уже требует от читателя целой цепочки умозаключений, на которые автор только намекает.

Теперь воспользуюсь редким силлогизмом с отрицанием Camestres .

Сначала приведу текст из "Нашего современника", текст, насыщенный элементами новой мифологии.

> *"Пути собирания разбегающейся России и ныне мало отличаются от предлагаемых киевским князем, и они не в метании между пропастями и не в экономических зарплатах, а в том же едином нравственном усилии, в крестном целовании, державшем Киев и Минск, Чернигов и Ростов, Львов и Новгород — земли, которые ныне изо всех сил стараются скрыть свое вековое родство."*

Спасение России в духовных ценностях.

Экономика не духовная ценность

Экономика не спасет Россию.

На ту же невысказанную и сомнительную большую посылку опирается и другое умозаключение, содержащееся в том же самом высказывании.

Спасение России в духовных ценностях

Нравственное усилие и крестное целование — духовные ценности

Нравственное усилие и крестное целование спасут Россию.

По нашему мнению, такой многослойный и недоказанный текст требует от читателя внимательной интерпретации.

Наблюдается еще один способ, придающий неоднозначность высказыванию : недостаточно четкая референция. Невыясненность в самом начале текста места и предметного отнесения экспозиции также приводит к затрудненности восприятия. Например, в заглавии очерка появляется своеобразная катафора, раскрыть которую удается только по мере прочтения чуть ли не всего текста. Цитирую: *"Гнездо отечественной коррупции, похоже, обнаружено посреди "Золотого кольца". Или "так называемые" еще раз сели в лужу."* Где-то в середине текста читателю сообщается достаточно сведений, чтобы соотнести "так называемых" с определенными референтами. Такие стилистические приемы можно назвать недомолвками.

Иногда в недомолвках авторы базируют свой индивидуальный стиль, выходя, конечно, за рамки публицистики. Так текст Д. Галковского, публикуемый редакцией "Нашего современника" в разделе "Очерк и публицистика", по существу, находится на границе публицистической статьи, репортажа и художественного вымысла. Здесь и философские размышления, и критика, и воспоминания детства. Исключительно интересна и композиция очерка (критической статьи) этого нашумевшего уже автора. Весь текст состоит из примечаний и примечаний к примечаниям. Начинается очерк с цифры 179 и заголовка *"Примечание к № 176"*. После этого идет текст. Следующий абзац: "Примечание к № 119" и т.д. до конца очерка-дневника.

Еще одним дифференциальным свойством публицистического стиля является его экспрессивность. Наблюдая, как изменяются языковые средства выражения в разных жанрах, снова возвращаешься к вопросу: а как обстоит дело с почти универсальным свойством — публицистической экспрессивностью. Именно на экспрессивности, а не на правдивости сообщения или логическом доказательстве зиждется основная функция этой коммуникативной сферы — воздействие на читателя.

До того как наступил перелом в содержательном спектре газетных и журнальных материалов и радикальное преображение ценностной шкалы, в то время, когда коллективное мышление, базирующееся на аналогичных мифологемах было однозначно для массы читателей из разных слоев общества, экспрессии сопутствовали стандарт в оценках и соответствующие — положительные/отрицательные эмоции. В глубинных структурах таких оценочных слов и выражений имеется модальная рамка *"Думаю, что ты знаешь, что это плохо (хорошо)"* (A. Wierzbicka, 1968: 108). Именно на основании совместной

оценочности базировалась экспрессия стереотипов, безусловно, очень выразительная в своем пропагандистском воздействии.

Конечно, в высказываниях употреблялись разного рода экспрессемы — контрастность, оксюмороны, переносное словоупотребление и т.п. Иначе говоря, броскость была необходимым атрибутом текста, хотя она нередко преобразовывалась во вторичный шаблон (В. Девкин, 1986).

Как показали наши исследования, в некоторых изданиях, в основном в "Огоньке", авторы по-прежнему отдают предпочтение тексту выразительному и броскому. Оказывается, среди экспрессивных средств, которые публицистика выработала за многие годы, есть целый ряд приемов, идеологически центральных, взаимодействующих с любым содержанием, которое вписывается в публицистический стиль и соотвествующий жанр. Что также показывает вторичность семантики стилистического приема по отношению к семантике слова.

Во-первых, это синтактические фигуры. Среди них — риторические вопросы, в которых заключено и обращение автора к самому себе, и к читателю, что всегда свидетельствует о небезучастности нарратора к проблематике. Вот целая цепочка риторических вопросов.

"Преступный люд хоть в эти эпохальные дни тормознул? Притих? Убивать, воровать, грабить, насиловать меньше стали?"

Употребительна парцелляция, разбивающая ровный ритм синтаксической фразы, и уже благодаря этому формальному моменту, который может служить разным целям в плане содержания, достигается повышенная выразительность, высказывание актуализируется.

Упомянем еще паратаксические конструкции, вообще характерные для синтаксиса русского языка и значительно более фреквентные по сравнению, например, с польским языком. В материалах периодики изобилуют однородные члены, тоже принадлежность паратаксики. Такие фрагменты, красочно передавая нерасчлененность сегментов действительности, не отличаются, однако, аналитизмом.

Обильно представлена в разных жанрах публицистики метафора. Метафоры охотно употребляются авторами при описании событий. Предикативные признаки, названные глаголами, не обязательно в репродуктивном регистре, в котором совпадает хронотоп наблюдателя и совершающегося действия (Г. Золотова, 1989: 71), что благоприятствовало бы картинности описания, выражены

метафорически. Нам кажется, что это особенность русской разговорной речи, охотно привносимая в наши дни в новую публицистику.

"Россия берет в свои объятья то, что плохо лежит".

"Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе тихо умирает под аккомпанемент собственных аплодисментов".

"Военная дорожка скакания через ступеньки не предполагала".

Часто встречаются метафоры-номинации, так называемые эвокативные метафоры, заменяющие основную тему или основной субъект метафорического выражения. Они представляют собой некоторую трудность для читателя и требуют интерпретации. *"У нас это мужество в соседней комнате в пижаме телевизор смотрит".*

Отметим разговорные предикации: *"Самый маленький - ого!". "Может, ну их совсем".*

Пожалуй, мало что изменилось в стиле заголовков: они по-прежнему броские и неконкретные. В их синтаксической структуре активно используется опыт публицистики давних лет. *"Бочка дегтя с паршивой овцы". "На гулянку перестройки".* Однако, как справедливо отметил русист проф. Шпербер, в заголовках редко теперь можно встретить императивные конструкции.

Лексика, очевидно, представляет собой совершенно особое и требующее систематического изучения явление. Однако, отмечая способы достижения экспрессии в периодике, нельзя пройти мимо нее. Отметим хотя бы наиболее яркие в отношении экспрессии явления.

Наблюдается свободное, не ограничиваемое "хорошим вкусом" введение в текст разговорных неологизмов, просторечий, бытующих в разговорной речи. В наррации видно стремление к полной раскованности. Нередко вводятся вульгарные лексемы. Главное, что публицистика фиксирует создающиеся в разговорной речи новые, характерные для современного человека, понятия. Такие , как *"халявщик". "Жизнь на халяву".*

Создается впечатление, что новая публицистика ищет своего массового читателя, но уже на новых началах. Сублиматом такого поиска может быть образ "партнера" Лени Голубкова в телевизионной и газетной рекламе акционерного общества МММ.

Выводы

Деструкция коммунистического мифа привела к отказу от пропаганды стандартных идеологем в различных по идеологическому направлению периодических изданиях. Первыми к поискам оргинального самовыражения подошли некоторые адепты новой духовности, связанные с религиозной и националистической мифологией.

Происходит индивидуализация текста, наряду с увеличением ответственности за слово. Расширяется поле влияния имплицированного автора. Эти и другие изменения в стиле так глубоки, что они могут сказаться на дифференциальных особенностях газетно - публицистического стиля вообще.

Наблюдается тенденция к уменьшению коммуникабельности, а это свойство считалось типологической чертой русской газетной и журнальной (в меньшей степени) публицистики. Теперь коммуникативность текста должна быть представлена на обычном уровне, необходимом для каждой письменной информации.

Зато по-прежнему актуальна повышенная экспрессивность как важнейшее средство суггестивности текста, независимо от того, каким идеям он служит. Однако и тут появляются исключения. Например, "Аргументы и факты" в жанре аналитической информации, проблемной статьи отказываются от броскости, подчеркнутой языковой выразительности, компенсируя все это подробной добросовестной информацией и солидной аналитичностью.

Таким образом, "новояз" исчезает из периодических изданий, хотя некоторые особенности стиля этого "языка" сохраняют свою актуальность.

Литература

А. Васильева — Практическая стилистика русского языка. Москва, 1989.

Н. Жинкин — Речь как проводник информации. Москва, 1982.

Г. Золотова — Классификация предложений. *"Русский язык за рубежом" 1989, № 5*.

А. Кривоносов — Мышление — без языка? Экономия языковой материи — закон процесса мышления, "Вопросы языкознания", 1992, № 2.

Е. Падучева — Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике, "Изв. АН", Серия лит. и языка, 1993, № 3.

В. Шабес Событие и текст. Москва, 1989.

L. Kołakowski Obecność mitu. Kraków, 1981.

A. Wierzbicka Miejsce problematyki ekspresji w teorii semantycznej. "Pamiętnik Literacki", 1968, z.4.

Предметный указатель

(составлен с помощью текстового редактора)

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

И

К

Л

М

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ч

Ш

Э

Wolfgang Peters
Universität des Saarlandes, Saarbrücken

*Краткий указатель литературы по теме "Русский язык перестроечного и постперестроечного периодов"**

В этом указателе представлены самые разные работы, посвященные новейшим тенденциям в русской общественной коммуникации. Приведенные монографии, статьи, словари или материалы к словарям освещают прежде всего аспекты лексикологии и их преломление в лексикографии. При этом ряд русских лингвистов уделяют особое внимание проблемам социолингвистики / лингвистики варитетов (культура речи: стандарт — субстандарт).

Наконец, были включены новые, а также, наряду с ними, и ставшие в последние годы актуальными работы советских языковедов 20-30 гг. Это сделано с целью выделить как изменения в исследуемом объекте, так и в методах его исследования.

1.	***Англо-русский и русско-английский словарь табуизированной лексики***	Минск 1993.
2.	***Baranov (Баранов, А.Н.; Караулов Ю.Н.)***	Русская политическая метафора (материалы к словарю). Москва 1991.
3.	***Baranvov (Баранов, А.Н.; Казакевич, Е.Г.)***	Парламентские дебаты. Советский политический язык: от ритуала к метафоре. Москва 1991. (= Наука убеждать: риторика 10/1991).
4.	***Baranvov (Баранов, А.Н.)***	Языковые игры времен перестройки. In: Russistik - Русистика Nr.2 (1993), S. 63-74.
5.	***Baričenko (Бариченко, Г.В.)***	Новая жизнь старых слов. In: Русский язык в школе № 3 (1990), S. 72-77.
6.	***Bourmeyster, A.***	Russie et Eurasie, Europe et civilisation. In: Essais sur le discours de l' Europe éclatée. 1994 - №12. S. 91 - 113.
7.	***Bragina (Брагина, А.А.)***	Ускорение, перестройка, гласность. In: Русский язык за рубежом № 1 (1988), S. 51-55.
8.	***Bykov (Быков, Б.)***	Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. München 1992.(= Specimina Philologiae Slavicae. Bd.94. Hrsg. Olexa Horbach, Gerd Freidhof, Peters Kosta).

* Тематический список к указателю см. ниже

10. *Ders.* — Идеология: расширение значения. In: Русская речь № 4 (1994), S. 43-38.

11. *Corten, I.* — Vocabulary of Soviet Society and Culture. A Selected Guide to Russian Words, Idioms and Expressions of the Post-Stalin Era 1953-1991. London 1992.

12. *Doleschal, Ursula* — Perestrojka — Krovnoe delo naroda: Zur Bedeutung eines politischen Schlagwortes. In: Wiener Slawistischer Almanach Bd. 24 (1989), S. 238-257.

13. *Duličenko (Дуличенко, А.Д.)* — Русский на конца XX столетия. Предисловие и подготовка текста Werner Lehfeldt. München 1994. (= Slavistische Beiträge 317)

14. *Ferm (Ферм, Л.)* — Особенности развития русской лексики в новейшей период (на материале газет). Uppsala 1994. Acta Universitatis Upsaliensis. (= Studica Slavica Upsaliensis 33.)

15. *Fleckenstein, Chr.* — Schlüsselwörter in der Periode der Umgestaltung. In: Zeitschrift für Slawistik Nr.6 (1990), S. 799-804.

16. *Gračev (Грачев, М.А.)* — К вопросу о функциях арго. In: Wiener Slawistischer Almanach 35 (1995), S. 297 - 309.

17. *Graudina (Граудина, Л.К.)* — Парламентские прецеденты. In: Русская речь, № 1 (1993), S. 55-60.

18. *Haudressy, D.* — Ces mots qui disent l'actualité (= Lexiques de l'Institut des Études Slaves 10). Paris 1992.

19. *Jachnow, H.* — Substandartliche Varianten des Russischen und ihre Erfassung. In: Welt der Slawen, Jhg. XXXVI, Nr. 1 + 2 (1991), S. 9 -18.

20. *Kalinskaja (Калинская, Л.П.)* — Из актуальной лексики. In: Русская речь, №№ 2-6/1993.

21. *Kappel, G.* — Kann man ein eingestürztes Haus auf dem alten Fundament umbauen? In: Russistik- Русистсика Nr.1 (1991), S. 53-67.

22. *Karaulov (Караулов, Ю.Н.)* — О некоторых особенностях современного русского языка и науки о нем. In: Русистика сегодня. № 1/95, S. 5 - 23.

23. *Kochtev (Кохтев, Н.Н.)* — Беседы о языке рекламы. In: Русская речь, №№ 2-6/ (1991).

24. *Kozlovskij (Козловский, В.)* — Собрание русских воровских словарей в 4 т. New York 1983.

25. *Köster-Toma (Кёстер-Тома)* — Стандарт, субстандарт, нонстандарт. In: Russistik- Русистика 1993, Nr. 2; S. 15 - 31.

26. *Ders.* — Сферы бытования русского социолекта. In: Russistika - Русистика Nr. 1 -2 (1994), S. 18 - 27.

27. *Kostomarov (Костомаров, В.Г.)* Языковой вкус эпохи. Moskau 1994.

28. *Ders.* Перестройка и русский язык. In: Русская речь , № 6 (1987), S. 3-11.

29. *Krivenko (Кривенко, Б.В.)* Фразеология и газетная речь. In: Русская речь, № 3 (1993), S. 44-49.

30. *Krysin (Крысин Л. П.)* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. In: Русский язык в школе, № 6 (1994), S. 56 - 63.

31. *Kupina (Купина, Н.А.)* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург—Пермь 1995.

32. *Lapteva (Лаптева, О.А.)* Говорят с телеэкрана. In: Русская речь, № 5 (1993), S. 47-52.

33. *Lehfeldt, W.* Zum Stand der Erforschung der nichtstandardsprachlichen Existenzformen des Russischen. In: Welt der Slawen, Jhg. XXXVI, Nr. 1 + 2 (1991), S. 2 - 9.

34. *Ljubošic (Любошиц, С.М.)* Штампы: мода или необходимость? In: Русская речь, №2 (1991), S. 66-70.

35. *Maksimov (Максимов В.И. и др.)* Словарь перестройки. Санкт-Петербург 1992.

36. *Mokienko (Мокиенко, В.М.)* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. In: Русистика 1-2/1994, S. 50-73.

37. *Nikolski, Valery ("UFO")* Dictionary of contemporary Russian Slang. Moscow 1993.

38. *Oschlies, W.* Wir brauchen Glasnost wie die Atemluft. In: Muttersprache Nr.98 (1988), S. 193-204.

39. *Petuchov (Петухов, А.С.)* Язык перестройки или перестройка языка? Деепричастие в условиях гласности. In: Русская речь, № 4 (1992), S. 57-63.

40. *Podčasova (Подчасова, С.В.)* Новые слова ... „адвертайзинга“. In: Русская речь, №№ 2-3/1995.

41. *Polivanov (Роливанов, Е.Д.)* За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. Москва, 1931.

42 *Rathmeyer, R.* Von коммерсантъ bis джаст-ин-тайм: Wiederbelebungen, Umwertungen und Neubildungen im Wortschatz der Perestroika. In: Slavistische Linguistik 1990. München 1991, S. 189-232. (= Slavistische Beiträge. 274)

43. *Rehder, P.* Standardsprache. Versuch eines dreistufigen Modells. In: Welt der Slawen, Jhg. XL, Nr. 2 (1995), S. 352 - 366.

44. *Rožanskij (Рожанский, Ф.И.)* Сленг хиппи. СПб/Париж 1992.

45. *Sériot, P.* Analyse du discours politique soviétique. Paris 1985.

46. *Skvorzov (Скворцов, Л. И.)* Язык, общение и культура (Экология и язык). In: Русский язык в школе, № 1 (1994), S. 81 - 86.

47. *Ders.* Язык, культура и нравственность, In: Русский язык в школе, № 2 (1994), S. 100 -106.

48. *Ders.* Культура речи и история языка, In: Русский язык в школе, № 4 (1994), S. 80 - 85.

49. *Ders.* Что угрожает литературному языку? In: Русский язык в школе, № 5 (1994), S. 99 -105.

50. *Ders.* Художественная литература — сокровищница слов. In: Русский язык в школе, № 6 (1994), S. 70 -75.

51. *Ders.* К созданию "словаря русских жаргонизмов и аргонных по происхождению слов. In: Russistik- Русистика Nr. 1-2 (1994), S. 113-123.

52. *Steltner, U.* Sputnik-Glasnost-Perestrojka. In: Muttersprache Nr. 99 (1989), S. 97-105.

53. *Stephan, W.* Veränderungen im Funktionalstil der Publizistik im Russischen (Dargestellt am Perestrojka-Diskurs). In: Welt der Slawen. Halbjahresschrift für Slawisten. Jahrgang XXXVIII, Heft 2 (1993), S. 331-342.

54. *Širjaev (Ширяев, Е.В.)* Почему актуальна тема о культуре парламентской речи? In: Русская речь, № 1 (1993), S. 52-54.

55. *Šmeleva (Шмелева, Т.В.)* Словарь одного события. In: Русская речь № 4 (1992), S. 67-69.

56. *Timroth von, W.* Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen. München 1983.

57. *Uluchanov (Улуханов, И.С.)* О новых заимствованиях в русском языке. In: Русский язык в школе, № 1 (1994), S. 70 -75.

58. *Uspenskij, (Успенский, Л.В.)* Русский язык после революции. In: SLAVIA X/1931, S. 252-287.

59. *Vakurov (Вакуров, В.Н.)* Фразеологический каламбур в современной публицистике. In: Русская речь, № 6 (1994), S. 40-47.

60. *Vinogradov (Виноградов, С.И.)* Выразительные средства в парламентской речи. In: Русская речь, № 4 (1994), S. 43-38.

61. *Ders.* Слово в парламентской речи и культура общения. In: Русская речь, №№ 2-4 (1993).

62. *Vinogradov (Hrsg.) (Виноградов, С.И.)* Культура парламентской речи. Москва 1994.

63. *Vocabulaire de la perestroïka.* Paris 1990.

64. *Vorotnikov (Воротников, Ю.Л.)* Совок — как зеркало. In: Russistik - Русистика Nr. 2 (1992), S. 28-35.

65. *Weiss, D.* Was ist neu am "newspeak"? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion. In: Slavistische Beiträge Band 200. München 1986, S. 247-325.

66. *Zemskaja (Земская, Е.А.)* Язык современных газет и перестройка. In: Zielsprache Russisch 1/1991, S. 1-8.

67. *Zemskaja/Rozina (Земская, Е.А., Розина, Р.И.)* О словаре современного русского жаргона: принципы составления и образцы словарных статей. In: Русистика 1-2/1994, S. 96-112.

68. *Zemtsov, I.* The Lexicon of the Soviet Political Language. Epping 1985.

Тематический список к указателю

(цифры в правой стороне таблицы указывают на порядковый номер вышеприведенного списка литературы)

заимствования	20, 40, 30, 57
культура речи (субстандарты)	16, 19, 25-27, 33, 41, 43, 46-50, 56
лексика (статьи)	4-7, 9, 10, 12, 15, 21, 22, 28, 36, 38, 51-53, 55, 64
масс-медиа	23, 29, 32, 34, 55, 59, 66
парламентская речь	3, 17, 39, 54, 60-62
политический язык до 1985 г.	31, 45, 58, 65, 68
"новый" политический язык (монографии)	13, 14
словари	1, 2, 8, 11, 18, 24, 35, 37, 44, 63, 67

Сведения об авторах

Автор	*учреждение*	✉ *(служеб./ домашний.)*	☎ *(служ./ дом.)*	*факс (служ./дом.) e-mail*
Bourmeyster, Alexandre Prof. Dr.	Université Stendhal Grenoble III UFR des langues, littératures et civilisations étrangères Département de Russe et d'Etudes Slaves BP 25	F - 38040 GRENOBLE CEDEX 9 France		
Chwatow, Siergej Doc. dr.	Instytut Języka Rosyjskiego Im. A.S. Puszkina Filia w Warszawie	ul. Foksal 10 00-366 Warszawa Polska	0048/ (22) 27- 76-22 c. do 24	0048 / (22) 27- 86-87
Dumitrescu, Maria Conf.dr.	Universitatea Bucureşti	Str. Sf Voievozi 41- 45 Ap.34 Secturol 1 78109 Bucuresti Romania		
Feher, György Dr. phil.	Universität Budapest	XIII. Tátra u.5/c H-1136 Budapest Hongria		0036/ 1- 181- 3194
Гербик, Людмила Францевна старший преподаватель	БГПА кафедра русского языка	пр. Ф. Скорины 65 220 027 Минск Беларусь	007/ (0172) 34- 77-62 дом. тел. 007/ (0172) 939-05- 39	007/ (0172) 54 -22- 66
Комлев, Николай Георгиевич Проф. Др.	МГУ I корп. гум. Факультетов, к. 837	119899 ГСП -3 Москва Б-234	007/ (095) 939 -16-33 дом. тел. 007/ (095) 939- 05-39	
Korzeniewska-Berczyńska, Joanna Prof. Dr. hab.	Wyż sza Szkoła Pedagogiczna Katedra Słowiańszczyzny Wschodniej	ul. Szrajbera 11 01-007 Olsztyn Polska ul. Dymińska 3m4 01-519 WARSZAWA Polska	0048/ (22) 687- 88-10	

Автор	*учреждение*	✉ *(служеб./ домашний.)*	☎ *(служ./ дом.)*	*факс (служ./ дом.) e-mail*
Лысакова, Ирина Павловна Др. филол. наук профессор, заведующая кафедрой методики обучения русскому языку как иностранному.	РГПУ им.А.И.Герцена	Казаньская ул. 6 191186 Санкт-Петербург Дом. адрес: Россия, 196211, Санкт-Петербург, пр.Космонавтов, 19-3-89.	007/ (812) 314-77-79. дом. телефон: 007/ (812) 299-61-40	007/ (812) 314-33-60 дом. факс: 007/ (812) 299-61-40 *e-mail*: Root@mrki.emissia.spb.su
Manukjan-Moser, Magarita Lic. phil. (преподаватель-исследователь)	Universität Zürich Slavisches Seminar	Plattenstr. 43 CH- 8032 Zürich privat: Wiesendangerstr.12 CH-8003 Zürich Schweiz	0041/ (1) 257-35-11	
Nečaeva, Valerija Prof. Dr. phil.	Slavisches Seminar	Wilhelmstr. 50 72074 Tübingen Deutschland privat: Hartmeyerstr. 4/43 72076 Tübingen Deutschland	privat: (07071) 6 7158	
Ohnheiser, Ingeborg; Prof. Dr. phil.	Institut für Slawistik Leopold-Franzens-Universität Innsbruck	Innrain 52/IV A-6020 Innsbruck Österreich privat: Tiergartenstr. 39 A-6020 Innsbruck Österreich	0043/ (512) 507-42-30 privat: 0043/ (512) 28-68-06	0043/ (512) 507 28-84
Sperber, Wolfgang Prof. Dr. phil.	Universität Leipzig	privat: Bergstr. 138 01174 Seifersdorf *bei Dippoldswalde* Deutschland	privat: (03504) 617-733	
Spraul, Hildegard Prof. Dr. phil.	Universität des Saarlandes Fachrichtung 8.6 Russische Abteilung	Postfach 1150 66041 Saarbrücken Deutschland privat: Warburgring 67 66424 Homburg Deutschland	(0681) 302-3500 privat: (06841) 62861	(0681) 302-4440/ 4850 privat: (06841) 121-59 *e-mail:* h.spraul@rz.uni-sb.de
Szczymoniuk, Maja Prof. dr.	Uniwersytet Śląski	ul. Hanki Ordonówny 11a m.7 PL-41-200 Sosnowiec Polska	0048/ (32) 66-13-34	

Band 79

F. Polikarpov:

Leksikon trejazyčnyj. Dictionarium trilingue. Moskva 17o4. Nachdruck und Einleitung von H. Keipert.

München 1988.

XXX + 8o6 S. (hard cover), DM 19o.-

Band 83

S.K. Bulič:

Očerk istorii jazykoznanija v Rossii. T. I (XIII v. - 1825 g.).

SPb. 19o4. Nachdruck und Nachwort von H. Keipert.

München 1989.

1248 + VII S. (hard cover), DM 22o.-

Supplementband 3o

Karen Reitz

Die Entwicklung analytischer Konstruktionen in der russischen Fachsprache der Mathematik seit dem 18. Jh.
München 199o.
339 S. (hard cover), DM 98.-

Supplementband 31

Studia phraseologica et alia. Festschrift für Josip Matešić zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von Wolfgang Eismann und Jürgen Petermann. München 1992.
XII + 561 S. (hard cover), DM 13o.-

